

2. 10. Цѣна 1 руб.

Собраніе сочиненій
Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Критико - біографическій очеркъ, вступи-
тельные статьи, примѣчанія, бібліографи-
ческій указатель, два портрета и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда

Томъ восьмой

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп. соб., д. № 75

1911

Всемирная бібліотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ русскихъ и
иностранныхъ писателей.

III-ья серія:

Полное собраніе сочиненій

А. С. Пушкина.

2-ое изданіе.

Подъ ред. П. О. Морозова
и В. В. Каллаша.

8 том. 7 руб. 50 коп., въ изящ-
ныхъ коленкоровыхъ переплетахъ
11 руб. 50 коп.

Допуск. разсер. плат. по 1 р. въ мѣс.

Полное собраніе сочиненій

М. Ю. Лермонтова.

Подъ ред. А. И. Введенскаго.
4 тома по 75 коп., въ изящныхъ
коленкоров. переплетахъ 5 руб.
Допуск. разсер. плат. по 1 р. въ мѣс.

Собраніе сочиненій и писемъ

Н. В. Гоголя.

Подъ редакц. В. В. Каллаша.
9 томовъ по 1 руб., въ изящныхъ
коленкоров. переплетахъ 13 р. 50 к.
Допуск. разсер. плат. по 1 р. въ мѣс.

Полное собраніе сочиненій

И. А. Крылова.

Подъ ред. В. В. Каллаша.

4 тома по 75 коп., въ изящныхъ
коленкоров. переплетахъ 5 руб.
Допуск. разсер. плат. по 1 р. въ мѣс.

Полное собраніе стихотвореній
и писемъ

А. В. Кольцова.

Подъ редакціей
Арс. Ив. Введенскаго.

1 томъ 1 руб., въ изящномъ ко-
ленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Собраніе сочиненій

С. Т. Аксакова.

Редакція, вступительныя
статьи и примѣчанія
А. Г. Горнфельда.

6 томовъ по 1 руб., въ изящныхъ
коленкор. переплетахъ 9 руб.
Допуск. разсер. плат. по 1 р. въ мѣс.

112/54-8

Собрание сочинений
Н. А. Добролюбова.

1/27

Всесвітня бібліотека.

Збірання сочинень знаменитихъ
російськихъ и иностранныхъ писателівъ.

Въ эту серію входять слѣдующія
збірання сочинень:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ автора;
Л. Н. Андреева, со вступительной статьей проф. М. А. Рейснера;
Ф. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей Д. П. Сильчовскаго;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ автора.

II серія.

Д. Я. Айзмана, подъ наблюденіемъ автора;
С. А. Ан-скаго, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Н. Златовратскаго, подъ наблюденіемъ автора;
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ автора;
А. И. Левитова, со вступ. статьей А. А. Измайлова;
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ автора;
Вас. И. Немировичъ-Данченко, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Ф. Олигера, подъ наблюденіемъ автора;
Н. М. Осиповича, подъ наблюденіемъ автора.

III серія.

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Калаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Калаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Калаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. Ив. Введенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
А. Н. Островскаго, подъ ред. М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, со вступ. статьей П. В. Быкова;
И. С. Никитина, подъ ред. А. Г. Фомина и Ю. И. Айзенвальда;
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей В. П. Крайнефельда;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора.

IV серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей Д. П. Сильчовскаго;
Элизы Оржешко, подъ ред. С. С. Зелинскаго;
Г. де Мопасана, съ критико-біографич. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ф. Д. Батюшкова и
Е. В. Аничкова;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

112/
54-8

Apr 15 1842
8

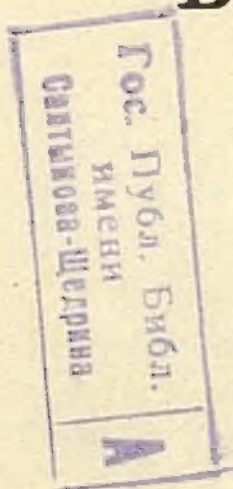
Собраніе сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Критико-біографическій очеркъ, вступительныя статьи,
примѣчанія, библіографическій указатель, два портрета
и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда.

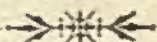

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Н. Добролюбовъ.

Томъ VIII.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразование“,
Забалканскій просп., д. № 75.

Бумага безъ примѣси древесной массы.

Оглавленіе тома VIII.

	Стр.
Предисловіе редактора къ тому VIII	1
Отчеты Главнаго Педагогическаго института	23
„Свистокъ“. Первыя стихотворенія Конрада Лиліен- швагера	49
„Свистокъ“ № 1	86
„ № 2	117
„ № 3	141
„ № 4	153
„ № 5	207
„ № 6	219
„ № 7	241
„ № 8	243
Дополненіе къ „Свистку“	264
Лирическія пьесы	279
Библиографическій указатель литературы о Н. А. Добро- любовѣ за 1856—1911 годы.	327
Алфавитный указатель статей къ „Собранію сочиненій Н. А. Добролюбова“	349
Псевдонимы Н. А. Добролюбова	351

Приложеніе.

Могила Н. А. Добролюбова на Волковомъ
кладбищѣ въ С.-Петербургѣ. (По фотографіи.)

Н. А. Добролюбовъ. VIII.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

**Могила Н. А. Добролюбова на Волковомъ
кладбищѣ въ С.-Петербургѣ.**

(По фотографіи.)

Отъ редактора.

Предисловіе къ тому VIII.

Хотя восьмой томъ настоящаго изданія посвященъ главнымъ образомъ «Свистку», но, отступая отъ программы Чернышевскаго, мы перенесли сюда изъ перваго тома двѣ небольшихъ статьи Добролюбова о Главномъ Педагогическомъ институтѣ. Это перемѣщеніе мы сдѣлали на томъ же основаніи, на какомъ самъ Чернышевскій придвинулъ къ «Свистку» рецензію Добролюбова на стихотворенія Розенгейма: потому что, если названныя статьи и не такъ тѣсно связаны со «Свисткомъ», какъ эта рецензія, то во всякомъ случаѣ онѣ примыкаютъ къ нему и по содержанію и по тону. Даже шумъ, поднятый этими статьями, сближаетъ ихъ съ выступленіями «Свистка», будоражившими общество и надолго оставившими слѣды въ журнальной полемикѣ.

Самъ Добролюбовъ, въ письмѣ отъ 1 августа 1856 г., сообщаетъ своему институтскому товарищу Н. П. Турчанинову слѣдующія свѣдѣнія о своей первой статьѣ:

«Въ «Современникѣ» пропущена уже статейка о нашемъ послѣднемъ актѣ, наполненная самыми злокачественными выписками изъ него. Написана

она въ такомъ духѣ, какъ, напримѣръ, статья о стихотвореніяхъ Растопчиной, и разумѣется, Бекетовъ¹ ея не понялъ. Но Некрасовъ, боясь все-таки, что Давыдовъ будетъ жаловаться, спросилъ разрѣшенія у Щербатова²; тотъ сказалъ очень просто: «Да помилуйте, въ чемъ же вы затрудняетесь? — Печатайте смѣло; вѣдь это [Давыдовъ] уже извѣстный негодяй»³.

Статья о стихотвореніяхъ Растопчиной, въ духъ которой, по словамъ Добролюбова, написана имъ статья объ институтѣ, напечатана въ № 3 «Современника» за 1850 г. и принадлежитъ Чернышевскому. Покровомъ утрированной похвалы авторъ маскируетъ свои рѣзкія насмѣшки надъ стихотвореніями Растопчиной. Такими же, но болѣе тонкими приѣмами, вскрываетъ Добролюбовъ казенный мертвяцій формализмъ своей alma mater. Безирепятственно пропущенная цензурой, статья, послѣ появленія ея въ «Современникѣ», сильно взбудоражила институтское начальство, и оно приложило всѣ усилія, чтобы разыскать виновнаго. Полуофиціальныя розыски, однако, ни къ чему не привели, хотя все же заподозрѣнъ былъ Добролюбовъ, и борьба, начатая имъ этой статьей, въ концѣ концовъ обошлась ему недешево.

Отдѣльные эпизоды этой борьбы, составляющіе часть біографіи Добролюбова, разсматриваются въ критико-біографическомъ очеркѣ, а заключитель-

¹ В. Н. Бекетовъ — цензоръ „Современника“ въ то время. На сноскахъ лично съ нимъ въ одномъ частномъ письмѣ Добролюбовъ въ дневникѣ 13 января 1877 г. характеризуетъ его, какъ цензора „либеральнаго по глупости“. *Вл. Кр.*

² Ки. Г. А. Щербатовъ былъ въ то время помощникомъ Петербургскаго ученаго округа и по этой должности предсѣдителемъ цензурнаго комитета. *Вл. Кр.*

³ „Матеріалы“, стр. 314.

ный ея моментъ характеризуется второй статьёй Добролюбова: «Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго института». По поводу этой статьи Добролюбовъ (въ письмѣ отъ 5 сентября 1859 г.) сообщаетъ И. И. Бордюгову: «Въ Петербургѣ цензура свирѣпствуетъ... Рецензія моя о Педагогическомъ институтѣ тоже сдѣлала не-пріятность «Современнику»: перемѣнили цензора, хотѣли задержать книжку, и теперь каждую статью разсматриваютъ въ цѣломъ цензурномъ комитетѣ»¹.

Съ января 1859 г. при «Современникѣ» сталъ издаваться сатирическій листокъ подъ названіемъ «Свистокъ». Въ немъ принимали участіе Добролюбовъ, Некрасовъ, Панаевъ, Курочкинъ, но главнымъ вкладчикомъ въ него былъ Добролюбовъ. Ему, по словамъ Чернышевскаго, принадлежало «все капитальное» въ «Свисткѣ», въ которомъ онъ выступалъ подъ разнообразными псевдонимами: Конрада Лиліеншвагера, Аполлона Капелькина, Д. Свиристелева, Якова Хама, Станислава де Канардъ и Конрада Шелухина. Головачева-Панаева утверждаетъ, что Добролюбову принадлежала и самая мысль объ изданіи «Свистка». Къ этому сообщенію слѣдуетъ отнести съ тѣмъ болышимъ довѣріемъ, что Добролюбовъ, прежде чѣмъ сдѣлаться душою «Свистка», еще на институтской скамьѣ былъ основателемъ, издателемъ, редакторомъ и почти единственнымъ сотрудникомъ двухъ студенческихъ рукописныхъ листковъ, которые можно назвать прототипами «Свистка». Я имѣю въ виду издававшіяся Добролюбовымъ въ институтѣ газеты: «Слухи» и «Сплет-

¹ Матеріалы, стр. 528. О томъ же см. письмо Добролюб. къ Б. И. Сциборскому на стр. 536.

ни», и такъ какъ объ этихъ газетахъ до сихъ поръ въ печать проникли весьма скудныя свѣдѣнія, то я позволю себѣ дать здѣсь ихъ краткое описаніе¹.

«Слухи» — «газета литературная, анекдотическая и только отчасти политическая» — издавались Добролюбовымъ въ 1855 г. Какъ говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Сциборскій, «Слухи» Добролюбова порождены были ходившими въ то время слухами о злоупотребленіяхъ въ Крыму, объ освобожденіи крестьянъ, — слухами, носившими характеръ какой-то тревожной тайны. Каждый номеръ «Слуховъ» состоялъ изъ четырехъ страничекъ формата обыкновенной тетради и писался (рукою Добролюбова) въ два столбца. Всѣхъ номеровъ вышло 19, но изъ нихъ, къ сожалѣнію, два номера (11-й и 18-й) не сохранились.

№ 1 «Слуховъ» появился 1 сентябрю, съ эпитафиею: «Слухомъ земля полнится». Въ концѣ «газеты» сообщено было, что ««Слухи» будутъ выходить еженедѣльно по поль-листу и болѣе. День выхода назначается понедѣльникъ, потому что въ дни воскресные отъ нечего дѣлать гораздо болѣе разносятъ слуховъ».

№ 1 исчерпывается остроумнымъ объясненіемъ издателя названія газеты. Онъ говоритъ о доказанной пользѣ устныхъ сказаній для многообразныхъ наукъ историческихъ. Что же касается собственно *нашихъ* историческихъ познаній, то они «до сихъ поръ темны и сбивчивы». Это объ-

---

¹ Можно было бы пойти еще дальше и въ некоторые элементы будущаго «Свистка» отыскать въ «Литонии классической науки», которую 15-лѣтній Добролюбовъ завелъ въ семинаріи (въ 1850 г.) и куда онъ записывалъ, иногда съ нѣкоторыми прирасами, разныя недоразумѣнія и неясности изъ школьной жизни. Литонія воспроизведена въ «Матеріалахъ», стр. 661—662.

ясняется тѣмъ, что «наука въ Россіи имѣетъ дѣло только съ официальными фактами, только съ тѣмъ, что заносится въ акты, что опредѣляется вѣсомъ, мѣрою, годомъ и днемъ». Наука въ Россіи совершенно не считается съ общественнымъ мнѣніемъ, съ понятіями народными въ ту или иную эпоху. Цѣнныя явленія этой категоріи — слухи — не записываются, и они, быстро появляясь и исчезая, забываются. «А между тѣмъ сколько рѣзкихъ, живыхъ, характеристическихъ чертъ въ этихъ эфемерныхъ разговорахъ. Это не мертвыя числа и буквы, не архивныя справки, не надгробная надпись умершему, — нѣтъ, это сама жизнь съ ея волненіями, страданіями, наслажденіями, очарованіями, обманами, страстями, — во всей своей красотѣ и истинѣ. Недѣля этой жизни научитъ васъ больше, нежели семь томовъ мертвой статистики. Десятокъ живыхъ современныхъ чертъ объяснить историкъ цѣлый періодъ гораздо лучше, нежели двадцатилѣтнія изысканія въ архивной пыли, гдѣ онъ найдетъ только блестящія реляціи о темныхъ дѣлахъ, указы, которые никогда не исполнялись, да слѣдствія, въ которыхъ невозможно отыскать причины».

№ 2 «Слуховъ» появился 5 сентября. Издатель не выдержалъ объявленнаго имъ недѣльнаго срока, о возможности чего онъ, впрочемъ, заранѣе предупредилъ читателей. Здѣсь, послѣ ироническаго изображенія одного высокаго торжества, идутъ сообщенія о взятіи Севастополя союзными войсками и о безобразной постановкѣ дѣла снабженія арміи провіантомъ.

Въ № 3 (11 сентября) разсказана исторія студента Кіевскаго университета Розенталя, который взбудоражилъ своими рѣчами о свободѣ нѣсколько

деревень. Преслѣдуемый властями, онъ долженъ былъ бѣжать за границу, въ Австрію; здѣсь онъ былъ выданъ Россіи и въ Кіевѣ преданъ суду. Крестьяне были усмирены картечью.

Далѣе разсказаны слухи о томъ, какъ императоръ Николай I хотѣлъ освободить крестьянъ, полагая, что «послѣ этого Россіи уже нечего будетъ желать для полнаго совершенства». Но онъ оставилъ будто бы эту мысль, когда изъ разговоровъ съ Кутузовымъ и Голицынымъ убѣдился, что дворяне связываютъ освобожденіе крестьянъ съ неизбѣжностью конституціоннаго режима въ Россіи. «Всѣ эти слухи, — прибавляетъ Добролюбовъ, — уже самымъ существованіемъ своимъ доказываютъ, что у насъ существуетъ въ Россіи не безотчетное мужиколобіе, но сознательное стремленіе къ благу государства».

№ 4 (19 сентября) заключаетъ въ себѣ «нѣсколько біографическихъ и бібліографическихъ замѣтокъ о Пушкинѣ». Приводится нѣсколько эпigramмъ, тогда еще не вошедшихъ въ собраніе сочиненій Пушкина. Издатель останавливается передъ загадкой «души поэта», сочетавшей въ себѣ свободолобіе съ «лакейскимъ чиномъ»; здѣсь же разсказана трагическая исторія Полежаева.

Въ № 5 (26 сентября) осмѣивается ложь официальныхъ сообщеній о войнѣ. Приводится мѣтніе «одного умнаго офицера» о томъ, что всякій любящій Россію долженъ желать ей возможно частыхъ поражений. Далѣе рѣчь идетъ о злоупотребленіяхъ высшихъ русскихъ чиновъ на войнѣ.

Въ № 6 (3 ноября) дана желчная характеристика царствованія Николая I.

Въ № 7 (6 октября) издатель снова возвращается

къ судьбѣ студента Розенталя и посвящаетъ ему стихи:

Привѣтъ тебѣ за подвигъ благородный,
Привѣтъ тебѣ, несчастный Розентаъ!
Поборникъ истины, другъ вольности народной,
За братій ты возсталъ, ты понялъ ихъ печаль.

№ 8 (12 октября) заключаетъ въ себѣ продолженіе характеристики Николая I.

Въ № 9 (17 октября) находимъ нѣсколько свѣдѣній о декабристахъ, заимствованныхъ изъ книги Шнитцлера: «Histoire intime de la Russie sous Alexandre I et Nicolas I».

№ 10 (22 октября) посвящается исключительно кн. А. С. Меншикову (начальнику русскихъ войскъ въ Крыму), — рассказано нѣсколько остроумныхъ выходокъ, приписывавшихся молвою князю.

Въ № 12 (8 ноября) рѣчь идетъ о «служебномъ грабительствѣ» въ царствованіе Николая I.

Въ № 13 (16 ноября) редакторъ взываетъ къ читателямъ съ просьбою доставлять ему интересныя свѣдѣнія. Затѣмъ идетъ весьма нелестная характеристика министерства народнаго просвѣщенія въ Россіи. Продолженіе этой же характеристики составляетъ содержаніе № 14 (22 ноября).

№ 15 (28 ноября) наполненъ слухами изъ придворныхъ сферъ.

Въ № 16 (1 декабря) помѣщенъ отвѣтъ г. редактору «Слуховъ». Читатели газеты, отвѣчая на упреки редактора (въ № 13), утверждаютъ, что они всегда съ интересомъ читаютъ «Слухи» и не помогали редактору единственно потому, что не знали, нужна ли ихъ помощь.

Затѣмъ слѣдуетъ статья: «Нѣсколько словъ о

цензурѣ въ Россіи», въ которой издатель газеты полемизируетъ съ Пушкинымъ по поводу сказанной имъ фразы: «уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно».

Въ № 17 (8 декабря) помѣщена статья «Слухи о современной войнѣ», гдѣ опять говорится о страшной неурядицѣ, царившей въ русской арміи во время севастопольской кампаніи. Приводятся стихи Будилова (т. е. все того же Добролюбова) «Газетная Россія», въ которыхъ выражена противоположность между газетными возгласами и официальными отчетами, съ одной стороны, и дѣйствительностью русской жизни, — съ другой.

Авторъ рассказываетъ, что онъ читалъ газеты, гдѣ неизмѣнно восхваляются русскіе порядки...

Читалъ и думалъ! Боже правый!..
 Какъ Русь велика и сильна!
 Навѣрно въ свѣтѣ нѣтъ державы
 Такой блаженной, какъ она!..

Но вотъ онъ увидѣлъ собственными глазами все то, о чемъ читалъ въ газетахъ. И все это представилось ему, разумѣется, въ иныхъ краскахъ:

И я поникъ душой смятенной
 И думалъ: Русь, какъ ты грустна!
 Ужель еще есть во вселенной
 Такая жалкая страна!?

№ 18 не сохранился, но изъ текста слѣдующаго, 19-го, номера ясно, что содержаніемъ его было письмо Искандера (Герцена) къ государю.

Въ № 19 (19 декабря) помѣщено «Два слова о Жеребцовѣ». Сообщается, что вмѣстѣ съ появленіемъ въ Петербургѣ письма Искандера появилась

и записка Жеребцова съ критикою основныхъ законовъ и злоупотребленій правительства. Послѣднія приписываются отсутствію гласности.

Дальше слѣдуютъ «Замѣтки о цензурѣ въ Россіи (продолженіе)», гдѣ замѣчаніе Пушкина о цензурѣ и стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи» называются «черными пятнами на памяти поэта».

На этомъ изданіе «Слуховъ» прекратилось, и только по прошествіи слишкомъ годичнаго срока на смѣну имъ появились «Сплетни» — «газета литературная, а отчасти и сціентифическая и политическая». Разумѣется, вторая газета выходитъ подъ прежней же редакціей и въ прежнемъ же составѣ сотрудниковъ, которыхъ, въ своемъ единственномъ лицѣ, совмѣщаетъ все тотъ же Добролюбовъ.

«Сплетни» (№ 1) появились 1 апрѣля 1857 г. съ такимъ «объявленіемъ» на первой страницѣ: «Въ 1855 г., замѣчательномъ по весьма многимъ событіямъ и особенно по сильно возбуждавшемуся литературному движенію, началось изданіе еженедѣльной газеты «Слухи». Но изданіе это, по выходѣ 12 №№ прекратилось¹. Редакторъ вскорѣ убѣдился, что его газета читается съ большою охотою, съ большимъ рвеніемъ, но сотрудниковъ своему дѣлу не находилъ . . .

«Наша газета будетъ отличаться отъ прежней только названіемъ, ибо по естественному ходу развитія мысли, слухи всего ближе могутъ перейти въ сплетни, и наоборотъ — сплетни въ слухи».

«Сплетни» объявлены были газетой ежемѣсячною, которую предполагали выпускать 1-го числа каждаго мѣсяца. «Цѣлью нашей газеты, — писалъ ре-

---

¹ Добролюбовъ замышлялъ, что имъ издано не 12, а 19 номеровъ.

дакторъ, — будетъ наблюденіе надъ процессомъ жизни съ матеріальной точки зрѣнія».

Вслѣдъ за объявленіемъ помѣщены юмористическія статьи:

I. «Нѣчто о великомъ постѣ и о безплодіи сплетней».

II. «О закрытіи Педагогическаго института».

Здѣсь Добролюбовъ привѣтствуетъ слухъ о закрытіи института, ибо для него «нѣтъ ничего отвратительнѣе въ наше время, какъ образованіе людей касты, людей, еще въ утробѣ матери предназначенныхъ къ тѣмъ или другимъ занятіямъ по обязательствамъ, а не по свободному влеченію своей природы».

III. «О реставраціи эполетъ».

Таковы были институтскіе листки, послужившіе прототипомъ «Свистку». Добролюбовъ вообще, какъ мы знаемъ уже (см. его статью «Перепѣвы»), цѣнилъ смѣхъ и приписывалъ насмѣлкѣ большое, освобождающее отъ предразсудковъ и иллюзій значеніе. Неудивительно поэтому, что Добролюбовъ отнесся къ «Свистку» съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, чѣмъ всѣ остальные его участники. И такъ какъ рамки журнала, видимо, стѣсняли его, о чемъ онъ не разъ намекаетъ въ своихъ статьяхъ и замѣткахъ, то онъ же, вѣроятно, убѣдилъ Некрасова отдѣлнить отъ «Современника» «Свистокъ», придавъ послѣднему характеръ самостоятельной газеты. Однако, на прошеніе, поданное въ этомъ смыслѣ Некрасовымъ и Добролюбовымъ, полученъ былъ отказъ, и «Свистокъ» остался при «Современникѣ», создавая вокругъ себя все болѣе и болѣе сгущавшуюся атмосферу обидъ, злобы и негодованія. «Паяцы» или — чаще — «свистуны» стали въ

устахъ недоброжелателей и враговъ «Современника» кличкой, которая по вкладываемому въ нее смыслу была равнозначуца появившейся позднѣе кличкѣ «нигилистъ». «Свистунъ», это — по установившемуся въ либеральныхъ дворянскихъ слояхъ толкованью — были люди безъ всякихъ традицій, «семинары», которымъ терять было нечего, которые ничѣмъ поэтому не дорожили и готовы были высмѣивать, не разбирая друзей и враговъ, всѣхъ и все, вплоть до гласности и прогресса.

Буря негодованія разразилась надъ «Современникомъ» съ перваго же номера «Свистка» изъ-за насмѣшекъ Добролюбова надъ наивнымъ протестомъ противъ пресловутой «Иллюстраціи». Но это, конечно, не удержало «свистуновъ». И когда Головачева-Панаева подшутила какъ-то надъ Добролюбовымъ по этому поводу, послѣдній отвѣтилъ:

«— А мы еще громче будемъ свистать; эта руготня только подзадоритъ насъ, какъ жаворонковъ въ клѣткѣ, когда начинаютъ, во время ихъ пѣнія стучать ножомъ о тарелку. «Свистокъ» сдѣлаетъ свое дѣло, осмѣетъ все пошлое, что печатаютъ бездарные поэты. Серьезно разбирать всю эту глубокомысленную пошлость и фальшь не стоитъ; за что утруждать бѣднаго читателя, а «Свистокъ» онъ прочтетъ легко и еще посмѣется».

И не только «глубокомысленную пошлость поэтовъ», въ родѣ Розенгейма, клеймили Добролюбовъ въ «Свисткѣ»; высмѣивалъ не только смѣшные литературные протесты противъ «Иллюстраціи», хотя бы подъ нимъ и красовалось имя Н. Г. Чернышевскаго, которому свойственная мягкость характера помѣшала, очевидно, уклониться отъ коллективнаго предпріятія писателей. Добролюбовъ, въ

роли главного «свинтуна», сдѣлался, по справедливому опредѣленію Скабичевскаго, безпощаднымъ обличителемъ и грозой всякаго рода словесной мишуры, фразистости и напускного либерализма, скрывающаго подъ блестящей виѣшностью грубое азіатское варварство и заскорузлое невѣжество.

Въ заключеніе, выполняя обязательство, данное нами въ предисловіи къ первому тому, считаемъ необходимымъ указать и объяснить сокращенія, допущенныя нами въ настоящемъ изданіи.

Собственно говоря, можно съ увѣренностью сказать, что полное собраніе сочиненій Добролюбова невозможно. Редакторъ сочиненій Добролюбова можетъ только, въ зависимости отъ поставленной передъ нимъ задачи, стремиться къ полнотѣ, но осуществить свое стремленіе въ полномъ объемѣ онъ будетъ не въ силахъ.

Какъ ни коротка была жизнь Добролюбова, но, благодаря его поразительной трудоспособности, съ одной стороны, и страстному влеченію къ писательству, съ другой, оставленное имъ литературное наслѣдство достигаетъ огромныхъ размѣровъ.

Любовь къ писательству овладѣла Добролюбовымъ въ раннемъ дѣтствѣ, и, будучи еще на семинарской скамьѣ, онъ увлекался писательствомъ до такой степени, что, напримѣръ, передъ Рождествомъ 1851 г. пишетъ огромное, въ 35 листовъ, сочиненіе «о мужахъ апостольскихъ», забывая о другихъ семинарскихъ работахъ и этимъ навлекая на себя укоры въ семинаріи и дома. Съ 1849 г. онъ ведетъ обстоятельный реестръ прочитанныхъ книгъ; въ 1850 г. пишетъ «Лѣтопись классическихъ

глупостей», въ 1852 г. заводитъ дневникъ, въ которомъ тщательно анализируетъ свои внутреннія переживанія и т. д. Мальчикъ всѣмъ существомъ своимъ вначалѣ почти инстинктивно, потомъ сознательно тянется къ литературѣ, и сохранившіеся отъ этого періода исписанные имъ листки и тетрадки можно разсматривать только съ точки зрѣнія тренировки будущаго писателя по призванію. И однако уже съ 1851 г. Добролюбовъ дѣлаетъ попытки завязать сношенія съ органами мѣстной и столичной періодической печати, стараясь провести черезъ нихъ плоды своего пера.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на записъ, сдѣланную имъ въ дневникѣ 24 января 1853 г.: «нынѣ, — пишетъ онъ, — я въ своихъ мечтахъ [о славѣ] не забываю и деньги». Юный разночинецъ, еще только собираясь войти въ литературу, смотритъ на эту послѣднюю не только съ идеалистической точки зрѣнія — такую роскошь могли позволить себѣ обеспеченные наслѣдственнымъ имуществомъ дворяне. Разночинецъ вынужденъ разсматривать писательство какъ профессію, которая должна кормить его. И Добролюбовъ уже на институтской скамьѣ становится такимъ писателемъ-профессіоналомъ, которому нерѣдко приходится брать перо въ руки не по внутреннему влеченію, а просто въ поискахъ заработка. Многочисленныя замѣтки и рецензіи о бездарныхъ книжкахъ и учебникахъ, написанныя имъ для журнала Чумикова, въ большинствѣ случаевъ относятся именно къ этому роду подневольной писательской работы, — полезной и нужной въ свое время, но не столь значительной, чтобы хранить ее для будущихъ поколѣній. Нужно ли и стоитъ ли напоминать современному

читателю о какихъ-то нелѣпыхъ «Запискахъ Амишки» только потому, что въ «Журналѣ для воспитанія» Добролюбову пришлось сказать о нихъ нѣсколько словъ? Мы отвѣчаемъ на это отрицательно.

Конечно, Добролюбову приходилось писать у Чумикова не объ Амишкахъ только. Въ его рецензіяхъ разбросано много серьезныхъ замѣчаній, заслуживающихъ всяческаго вниманія и памяти. Но такъ какъ основныя его положенія по вопросамъ воспитанія съ достаточной полнотою и ясностью выражены въ статьяхъ, которыя включены въ настоящее изданіе, то мы признали возможнымъ не воспроизводить здѣсь мелкихъ замѣтокъ Добролюбова, напечатанныхъ въ «Журналѣ для воспитанія» въ періодъ 1857—1859 гг.

По тѣмъ же соображеніямъ и для того, чтобы по возможности облегчить настоящее изданіе, мы не включили въ него также и тѣ рецензіи «Современника», которыя, не возбуждая новыхъ принципиальныхъ вопросовъ, касаются оцѣнки давно и справедливо забытыхъ книгъ и брошюръ. Такимъ образомъ въ настоящемъ изданіи не воспроизведены рецензіи о нижеслѣдующихъ книгахъ:

Изъ тома I изданія Чернышевскаго: „Походъ ассириянъ въ Сицію“ — Белроза; „Сборникъ издаваемый студентами Сиб. университета“; „сочиненія Саллюстія и Юлія Цезаря,“ въ переводѣ Клеванова; „Великіе Луки и Великолукскій уѣздъ“ — М. Семевскаго; „Примѣненіе желѣзныхъ дорогъ къ защитѣ материка“ — Лебедева; „Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни“ — Берви; „Англия и Русь IV и V вѣка“, — Вельмана.

Изъ тома II: „Органическое развитіе человѣка“. Шнелля; „Френологія“ — М. Волкова; „Объ истинности понятій“ — Кусакова; „Стихотворенія для дѣтей“ — Б. Федорова;

„Московскія элегіи“ — М. Дмитріева; „Уголовное дѣло“ и „Бѣдный чиновникъ“ — Дьяконова; „Исторія Австріи“ — гр. Майлата; „Мысли свѣтскаго человѣка о книгѣ“ „Описаніе селѣвскаго духовенства“; — „Описаніе болѣзни г-жи Артамоновой“.

Изъ тома III: „Постановленія о литераторахъ, издателяхъ и типографіяхъ“; „Сватовство Ченскаго“ и „О неизбѣжности идеализма въ матеріализмѣ“ — Савича; „Лучи и тѣни“ — фонъ Лизандера и „Стихотворенія“ — Бажанова и Александрова; „Потерянный рай“ въ переводѣ Е. Жадовской; „Литературные дѣятели прежняго времени“ — Е. Колбасина; „Братчина“; „Заграничныя пренія о положеніи русскаго духовенства“; „La confession d'un poète“ par N. Séménow.

Перехожу къ статьямъ Добролюбова. И прежде всего начну съ его студенческихъ работъ. Въ печатныхъ актахъ Главнаго Педагогическаго института указаны слѣдующія институтскія работы Добролюбова:

1) На второмъ курсѣ (въ 1855 г.) имъ написана работа «О русскихъ пословицахъ»;

2) на третьемъ курсѣ (въ 1856 г.): «О польскихъ училищахъ», «О Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», «Переводъ комедіи Плавта — *Aulularia*», и

3) на четвертомъ курсѣ (въ 1857 г.): «О вліяніи Плавта и его значеніе для изслѣдованія римской жизни», и «О древне-славянскомъ переводѣ хроники Георгія Амартола».

О большинствѣ этихъ сочиненій имѣются лестныя оцѣнки профессоровъ института — Благовѣщенскаго, Срезневскаго и др.

Одна изъ этихъ работъ — «О Собесѣдникѣ любителей русскаго слова» — была даже напечатана въ «Современникѣ» (1856, №№ 7 и 8) и воспроизведена затѣмъ Чернышевскимъ въ «Собраніи

сочиненій» Добролюбова. Написанная типичнымъ для Добролюбова простымъ, изящнымъ стилемъ статья эта въ свое время обратила на себя вниманіе и рѣшила, надо думать, судьбу начинающаго писателя-студента, заинтересовавъ его личноію руководителей журнала. И дѣйствительно, читая ее даже теперь, нельзя не изумляться огромной начитанности юнаго автора и его богатой способности искусно оріентироваться въ историческихъ фактахъ и обобщать ихъ. Но для нашего времени эта историко-литературная работа сильно устарѣла. Почти восторженное, а можетъ быть иронически-восторженное отношеніе Добролюбова къ Екатеринѣ, литературная дѣятельность которой, по его характеристикѣ, имѣла видъ высокой правды и безкорыстія, его преклоненіе передъ «просвѣщенной терпимостью» императрицы — все это, при свѣтѣ позднѣйшихъ историческихъ изслѣдованій, представляется намъ иначе, чѣмъ казалось юному студенту въ 1856 г. Поэтому въ наше изданіе мы не включаемъ даже эту дѣйствительно выдающуюся студенческую работу Добролюбова. Въ связи съ этимъ мы не воспользовались и другой, болѣе зрѣлой его статьей, рассматривающей литературныя явленія екатерининской эпохи, на основаніи, главнымъ образомъ, извѣстной книги А. Аоанасьева: «Русскіе сатирическія журналы 1769—1774 г.г.» (Москва 1859). Здѣсь — въ статьѣ «Русская сатира Екатерининскаго времени» («Современникъ» 1859, № 10), — идеализація Екатерины подверглась значительнымъ смягченіямъ. Но все же и эта въ сущности компилятивная работа не можетъ служить вполне надежнымъ руководителемъ при изученіи литературныхъ явленій 18-го вѣка.

Стараясь возможно полнѣе представить литературную дѣятельность Добролюбова, какъ критика, включивъ съ этой цѣлью въ наше изданіе критическія статьи, еще ни въ одномъ изъ прежнихъ изданій не воспроизведенныя, мы признали возможнымъ, однако, обойти одну критическую работу Добролюбова, несмотря на ея признанныя достоинства. Это анонимная популярная брошюра о Кольцовѣ, выдержавшая три изданія (Спб. 1858, Москва 1865 и 1877) подъ названіемъ «Чтеніе для юношества. В. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія». Брошюра эта, по отзыву редактора послѣдняго академическаго изданія сочиненій Кольцова, принадлежитъ къ лучшимъ книгамъ о Кольцовѣ для юношества, но въ виду ея спеціальнаго назначенія мы и не воспользовались ею. Во всякомъ случаѣ мы надѣемся, что критическая дѣятельность Добролюбова воссоздана въ настоящемъ изданіи безъ сколько-нибудь значительныхъ прорѣхъ и изъяновъ. Къ тому же здѣсь намъ не пришлось преодолевать трудностей, съ которыми мы встрѣтились на другихъ попрощахъ его литературной дѣятельности.

Писатель, очень чуткій къ злобамъ дня, писатель съ опредѣленно выраженнымъ боевымъ темпераментомъ, постоянно увлекавшимъ его на передовыя позиціи, Добролюбовъ оставилъ послѣ себя множество разнообразныхъ откликовъ на темы, интересовавшія его современниковъ. Часть этого наслѣдства, — и часть, надобно замѣтить, не маленькая — и въ прозѣ и въ стихахъ, — едва ли можетъ быть использована печатью въ силу соображеній цензурнаго свойства. Часть — такими крѣпкими нитями связана съ злобами дня того времени, что,

отрывая ее отъ этихъ послѣднихъ, рискуешь изуродовать ее. Съ этими соображеніями намъ особенно пришлось считаться при редактированіи «Свистка». Мы имѣли полную возможность расширить сатиру Добролюбова новыми матеріалами, не вошедшими въ изданіе Чернышевскаго. Но вмѣсто этого мы, напротивъ, сократили этотъ отдѣлъ, оставивъ въ немъ лишь наиболѣе типичныя для Добролюбова замѣтки, шутки и пародіи. Въ теченіе полустолѣтія, отдѣляющаго современнаго читателя отъ событій и фактовъ русской жизни 1859 — 1861 гг., умерло въ нашей памяти и въ нашемъ интересѣ многое изъ того, что было живо и остро во времена Добролюбова. Коментаріями, которые понадобились бы для того, чтобы поставить эти отклики въ надлежащую историческую перспективу, мы не хотѣли перегружать изданіе.

Но такимъ же соображеніямъ мы не перенесли сюда изъ изданія Чернышевскаго двѣ статьи Добролюбова по поводу нашумѣвшихъ въ свое время, но нынѣ въ достаточной степени забытыхъ европейскихъ дѣятелей — французскаго писателя-католика гр. Монталамбера («По поводу одной очень обыкновенной исторіи») и священника-гарибальдийца Гавацци («Отецъ Александръ Гавацци и его проповѣди»). Точно также мы не воспользовались и двумя статьями, указанными, но не взятыми Чернышевскимъ для изданія, а именно: «Взглядъ на исторію и современное состояніе Остъ-Индіи», — о возстаніи сипаевъ, — за подписью Н. Турчинова («Совр.» 1857, № 9) и «Внутреннее обозрѣніе» въ № 8 «Современникъ» за 1861 г. Кстати отмѣтимъ, что не одно только это «обозрѣніе» написано Добролюбовымъ, — перо критика наложило свою пе-

чать и на «обозрѣнія», писанныя Словутинскимъ (см. предисловіе къ тому V).

Наконецъ, мы не включаемъ въ наше изданіе и юношескіе опыты Добролюбова въ области драматургіи и беллетристики, — написанные имъ пьесу, рассказы и повѣсти, хотя два рассказа — «Доносъ» и «Дѣлецъ» — были напечатаны въ «Современникѣ» (въ 1857 и 1858 гг.) и нашли, повидимому, недурной въ общемъ пріемъ среди читателей. Одинъ изъ корреспондентовъ Добролюбова, восторгаясь художественнымъ достоинствомъ «Дноса» — писалъ: «И страсти и характеры прекрасно высказаны! Не хуже Щедрина или Печерскаго»¹. Однако самъ Добролюбовъ согласился напечатать эти рассказы лишь уступая желанію Некрасова, который, по словамъ Чернышевскаго, нашель, что «когда ужъ они написаны, то слѣдуетъ воспользоваться ими для пополненія беллетристической части журнала». Рассказы написаны въ жанръ модной въ тѣ годы «обличительной литературы», которой Добролюбовъ отдалъ дань въ своей юности, впоследствии сдѣлавшись страстнымъ ея противникомъ. Чернышевскій не только не ввелъ эти рассказы въ свое изданіе, но, даже намѣреваясь выпустить дополнительный томъ, имѣлъ въ виду ограничиться лишь передачей ихъ содержанія.

Вл. Кранихфельдъ.

¹ „Матеріалы“, стр. 333

Отчеты Главного Педагогического института.

I.

Описаніе Главнаго Педагогическаго института въ нынѣшнемъ его состояніи. Спб. 1856.

Актъ девятаго выпуска студентовъ Главнаго Педагогическаго института 21 іюня 1856. Спб. 1856.

Объ эти книжки изданы почти въ одно время и служатъ необходимымъ дополненіемъ одна другой. «Описаніе» представляетъ намъ состояніе института во всѣхъ частяхъ его жизни и управленія. «Актъ» заключаетъ въ себѣ отчетъ объ учебной дѣятельности института за истекшій академическій годъ и рѣчь профессора Лоренца, на латинскомъ языкѣ, о томъ, съ какой цѣлью императоръ Николай учредилъ Педагогическій институтъ.

Педагогическій институтъ, безспорно, есть одно изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній нашихъ, потому вліянію, какое могутъ имѣть его воспитанники, всѣ дѣлающіеся учителями въ гимназіяхъ, на развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Знанія, убѣжденія, направленіе, принятое ими, не остаются только ихъ достояніемъ, а передаются ими новому поколѣнію, идущему по слѣдамъ ихъ. Поэтому все, что касается института, должно возбуждать живѣйшее любопытство во всѣхъ, кому дорого отечественное просвѣщеніе, и мы съ особеннымъ удоволь-

ствіемъ обращаемъ вниманіе читателей на изданныя нынѣ брошюры, изъ которыхъ можно получить довольно полное понятіе объ устройствѣ и значеніи института.

Начнемъ съ рѣчи. Профессоръ Лоренцъ избралъ предметомъ ея чрезвычайно важный вопросъ, и въ началѣ рѣчи прекрасно, хотя и кратко, обрисовываетъ дѣятельность Карла Великаго для распространенія образованности, затѣмъ, сравнивая съ нимъ въ Бозѣ почившаго государя императора Николая I, говоритъ о цѣли учрежденія института и необходимѣйшихъ предметахъ общаго образованія. Хотя рѣчь профессора Лоренца, по обычаю сочиненій подобнаго рода, написана очень краснорѣчивымъ слогомъ, но тѣмъ не менѣе въ ней встрѣчается нѣсколько мыслей, въ которыхъ мы узнаемъ проникательный умъ историка, столь уважаемаго нами за его курсъ всеобщей исторіи. Говоря о цѣли учрежденія института, г. Лоренцъ прекрасно выражаетъ ее въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ: «Государь императоръ хотѣлъ, чтобы общественное и частное воспитаніе утверждалось на прочныхъ основаніяхъ и слѣдовало тому направленію, которое не приводитъ только къ гуманности грубые нравы и дѣлаетъ изъ пустыхъ и безполезныхъ людей благородныхъ и полезныхъ членовъ общества, но которое особенно укореняетъ въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству и повиновеніе начальству» (стр. 9).

Къ достиженію этихъ высокихъ цѣлей направлено все устройство института, свѣдѣнія о которомъ сообщаются въ «Описаніи» его. «Строжайшій надзоръ и повѣрка дѣйствій студентовъ, предупрежденіе всякаго случая, гдѣ бы студенты могли дѣйство-

вать сами по себѣ, подведеніе всѣхъ возможныхъ случайностей подъ неизмѣнныя правила устава, доведены здѣсь до изумительнаго совершенства. Студенты ни въ чемъ не предоставлены самимъ себѣ; попечительное начальство слѣдитъ за ними на каждомъ шагу и опредѣляетъ ихъ дѣйствія до малѣйшихъ подробностей. На лекціяхъ профессора не ограничиваются чтеніемъ лекцій, но постоянно обращаются къ учащимся съ вопросами, и, по надлежащемъ съ ихъ стороны усвоеніи пройденныхъ предметовъ, заставляютъ самихъ студентовъ о нихъ объясняться» («Описаніе», стр. 12). Учебными книгами студенты снабжаются «по требованію преподавателей и распоряженію инспектора» (стр. 20), а изъ неучебныхъ могутъ брать изъ библіотеки только «книги, одобряемыя профессоромъ, съ разрѣшенія директора или инспектора, и не болѣе какъ по одному сочиненію для cadaго изъ изучаемыхъ ими предметовъ» ¹ (стр. 21). Независимо отъ наблюденія професоровъ и прочихъ преподавателей за поведеніемъ студентовъ, въ классахъ общій надзоръ за благоустройствомъ и тишиною учащихся имѣетъ еще инспекторъ (стр. 22). — Весь день студентовъ распредѣленъ очень подробно. Вотъ что говоритъ «Описаніе» (стр. 23—24):

Въ 7 часовъ утра студенты должны быть чисто опрятно и по формѣ одѣты и собираться въ классныхъ

¹ Впрочемъ, на стр. 16 сказано, что для некоторыхъ специальныхъ ученыхъ изслѣдованій по части филологіи и исторіи студенты, по указанію профессоровъ, получали доступъ въ Императорскую Публичную библіотеку и въ Румянцевскій музей. Здѣсь, конечно, нужно разумѣть доступъ со стороны самаго начальства института, которое, безъ особеннаго указанія профессоровъ, не дозволяетъ студентамъ бывать въ библіотекѣ и музеѣ, но никакъ не со стороны начальства этихъ послѣднихъ учреждений, которыя открываютъ доступъ къ своимъ сокровищамъ всѣмъ и каждому, безъ всякихъ особенныхъ ходатайствъ и указаній.

комнатахъ для приготовленія уроковъ. Въ 8 часовъ они всѣ въ порядкѣ идутъ въ столовую на молитву и занимаютъ тамъ каждый определенное мѣсто. Постѣ утреннихъ молитвъ читаются апостолъ и евангеліе, по положенію православной церкви, на церковно-славянскомъ языкѣ. По окончаніи евангелія студенты завтракаютъ. Въ 9 часовъ начинаются классы и продолжаются до 3 часовъ. Въ классахъ студенты занимаютъ определенные мѣста, назначаемыя имъ по успѣхамъ и повоснѣнію. Въ 3½ часа студенты обѣдаютъ за общимъ столомъ, соблюдая благопристойность. Во время стола они могутъ говорить о предметахъ лекцій своихъ, безъ нарушенія общей тишины, со всею скромностью, отличающею людей образованныхъ. Отъ 4½ до 6 въ I и II курсахъ лекціи. Студенты старшихъ курсовъ употребляютъ это время на самостоятельныя занятія и отдохновеніе; въ младшихъ студентамъ дается для отдохновенія одинъ часъ по окончаніи послѣобѣденной лекціи. Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется въ свободное отъ занятій время, съ крайнею осмотрительностію, не иначе какъ въ пріемной залѣ и при томъ всякій разъ съ разрѣшенія директора. Въ 7 часовъ всѣ собираются въ классныхъ комнатахъ, для повторенія и приготовленія уроковъ. Въ 8½ часовъ ужинъ и потомъ вечерняя молитва. Постѣ вечерней молитвы и кратковременнаго отдохновенія студенты занимаются приготовленіемъ своихъ уроковъ до 10½ часовъ и потомъ отправляются въ спальни, въ сопровожденіи своихъ надзирателей...

Такимъ образомъ, мы видимъ, что не только учебныя занятія студентовъ, или, какъ говоритъ «Описаніе», составленное г. Смирновымъ, приготовленіе ими уроковъ, но даже предметы ихъ разговора, мѣста въ классахъ и за столомъ, свиданія съ знакомыми, отдохновеніе и самостоятельныя занятія, — все опредѣляется уставомъ до мельчайшихъ подробностей. Чтобы не было упущеній во всемъ этомъ, «при студентахъ неотлучно находятся комнатные надзиратели, наблюдающіе неусыпно за всѣ-

ми ихъ дѣйствіями. Имъ помогаютъ въ этомъ *старшіе*, избираемые изъ отличныхъ студентовъ» («Описаніе», стр 23). Кромѣ того, старшій надзиратель наблюдаетъ надъ всѣми ихъ поступками и старается вселять въ нихъ чувства чести и добродѣтели, наблюдая, чтобы они возвращались во-время съ прогулокъ и изъ отпусковъ и не оставались праздными въ назначенные для повторенія уроковъ и приготовленія къ классамъ часы (стр. 25—26). «Директоръ также имѣетъ неусыпное попеченіе объ успѣхахъ и поведеніи студентовъ и употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ поощренію прилежанія и благонравія» (стр. 7).

«Для поощренія же употребляются слѣдующія средства: 1) предоставленіе первыхъ мѣстъ въ классахъ, за столомъ и въ комнатахъ; 2) избраніе отличныхъ студентовъ въ старшіе (для надзора за товарищами); 3) похвальный отзывъ о студентѣ въ присутствіи директора» (стр. 25).

Чтобы показать, до какой степени простирается предусмотрительность институтскаго начальства, выпишемъ еще нѣсколько статей изъ «Описанія». Студенты обязываются «въ дортуарахъ не отворять форточекъ и трубъ, а въ репетиціонныхъ и классныхъ залахъ не трогать лампъ и наблюдать осторожность въ отношеніи къ мебели и паркетнымъ поламъ» (стр. 41). «Дежурные надзиратели обязаны наблюдать, чтобы студенты, идучи въ церковь, столовую, классы или выходя со двора, были застегнуты на всѣ пуговицы» (стр. 43). При встрѣчѣ съ высшими извѣстными лицами требуется соблюденіе должной учтивости, какъ это исполняется въ отношеніи къ начальникамъ и наставникамъ.

Изъ всего этого читатели могутъ видѣть, какъ

ревностно стремится Педагогическій институтъ къ своей цѣли. Вся исторія его служитъ тому подтвержденіемъ. Въ приложеніи къ «Описанію» напечатанъ алфавитный списокъ выпущенныхъ въ учебную службу изъ института въ продолженіе 28 лѣтъ его существованія. Число ихъ простирается до 575, и между ними мы находимъ 10 именъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ или наукѣ (въ томъ числѣ г. Касторскій, двое гг. Лавровскихъ и г. Лешковъ). Но по службѣ студенты идутъ весьма счастливо: по указаніямъ г. Смирнова, уже болѣе 30 изъ нихъ занимаютъ мѣста директоровъ и инспекторовъ гимназій или штатныхъ смотрителей училищъ. Это можетъ служить самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что идеи строгой подчиненности и тщательнаго исполненія приказаній начальства особенно сильно вкореняются въ душахъ студентовъ и не оставляются ими и по выходѣ изъ заведенія, во все время ихъ службы.

Лежащій передъ нами «Актъ» съ напутственнымъ словомъ директора института, И. И. Давыдова, и благодарственною рѣчью одного изъ окончившихъ курсъ студентовъ, Александра Чистякова, подтверждаетъ ту же истину. Почтенный директоръ института торжественно свидѣтельствуетъ здѣсь свою радость о томъ, что окончившіе курсъ студенты «готовы знаніями своими и вѣрною службою государю принести честь мѣсту своего воспитанія», и только опасается, чтобы они, лишась руководства наставниковъ и воспитателей, не ослѣпились пріобрѣтенною ими мудростью. Для избѣжанія этого, онъ рекомендуетъ имъ, какъ лучшее средство, «сознаніе своей слабости и испрашиваніе помощи Всемогущаго», скрѣпляя свой совѣтъ назидательнымъ

изреченіемъ одного учителя церкви: «не надо знать, чтобы вѣровать, а должно вѣровать, дабы знать».

Студентъ Чистяковъ отвѣчалъ на это рѣчью, исполненною мыслей и чувствованій чисто отроческихъ и ученическихъ, какихъ, конечно, и слѣдовало ожидать отъ системы институтскаго воспитанія, къ которой студенты не могутъ не чувствовать самой горячей признательности.

Этого уже было бы довольно, чтобы судить о высокомъ совершенствѣ, котораго достигъ Главный Педагогическій институтъ; въ помѣщенномъ «Актѣ» его мы находимъ объ этомъ свидѣтельства еще болѣе ясныя. Въ прошедшемъ году «Отчетъ» г. Смирнова заключался тѣмъ, что институтъ *сдѣлалъ ощутительные успѣхи въ стремленіи къ предназначенной ему цѣли*; нынѣ же онъ достигъ *полнаго совершенства*, по единогласному свидѣтельству воспитателей и воспитанниковъ. Благодарственная рѣчь студента Чистякова называетъ институтъ *«средоточіемъ умственной жизни»* и говоритъ, что здѣсь *«всѣ потребности души были предупреждены и удовлетворены»*: едва ли хоть одно изъ нашихъ заведеній можетъ похвалиться подобнымъ совершенствомъ! . .

Отрадно слышать такое безпристрастное признаніе собственныхъ заслугъ, и еще отраднѣе видѣть, что оно вполнѣ подтверждается каждою строкою правдиваго и откровеннаго «Отчета». Послѣ всего этого справедливо можно надѣяться, что вышедшіе изъ института сѣятели соберутъ обильную жатву на поприщѣ службы и гражданскаго благочинія.

Что, занявшись внутреннимъ устройствомъ института и увлеченные горячимъ участіемъ къ его совершенствамъ, мы было позабыли сообщить фак-

ты о виѣшнемъ его состояніи. Спѣшимъ исправить свою вину, представляя цифры изъ «Отчета».

Число студентовъ въ институтѣ нельзя опредѣлить съ точностью, потому что на стр. 5 напечатано: «нынѣ состоятъ въ институтѣ 107 студентовъ; изъ нихъ 27 окончившихъ полный курсъ и 81 продолжающихъ ученіе» — явная ошибка, для разрѣшенія которой мы сочли студентовъ по приложенному тутъ же списку (стр. 19—22): но тамъ оказалось продолжающихъ курсъ только 78. Такимъ образомъ, число студентовъ института колеблется между 105, 107 и 108.

Въ теченіе года выбыло изъ института 12 студентовъ. Причины этого безвременнаго выbytія не указаны.

Нынѣ кончившіе курсъ студенты пробыли въ институтѣ пять лѣтъ (вслѣдствіе раздѣленія двухъ годовичныхъ курсовъ на годовичные, въ прошломъ году), и послѣ этого 17 изъ нихъ выпущены старшими учителями гимназій, а 10 — младшими. Двое получили золотыя медали, 7 человѣкъ — серебряныя.

Большая часть изъ кончившихъ курсъ — въ «Отчетѣ» названо 19 студентовъ — представили диссертациі для полученія степени. Изъ продолжающихъ курсъ пять студентовъ тоже представили сочиненія, поименованныя въ «Отчетѣ».

Результатъ этихъ цифръ, конечно, не блестящъ, даже по сравненію съ прежними годами того же Педагогическаго института; но еще разъ повторимъ, что все это съ избыткомъ замѣняется нравственными совершенствами, которыя такъ хорошо развиваются въ студентахъ вышеуказанными поощреніями и кондуитными списками, имѣющими, по

словамъ г. Смирнова, «рѣшительное вліяніе на опредѣленіе достоинства студентовъ».

Во всякомъ случаѣ, обозрѣвъ общій характеръ устройства института, мы имѣемъ полное право сказать, что онъ во всемъ остается вѣренъ мыслямъ, выраженнымъ въ этихъ словахъ его непосредственнаго начальника и руководителя: «Мудрость земная не даетъ того, что озаряетъ путь жизни, часто омрачаемый страстями и заблужденіями. Не надобно знать, чтобъ вѣровать, а должно вѣровать, чтобъ знать».

II.

Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго института, 1828—1859.
Спб. 1559.

Невозможно безъ чувства глубочайшаго омерзѣнія смотрѣть на людей, ругающихся надъ потерявшимъ силу человѣкомъ, предъ которымъ они падали до ногъ въ то время, какъ онъ былъ силенъ, и которому своимъ раболѣпствомъ даже помогали въ достиженіи его цѣлей. Нужды нѣтъ, что онъ былъ, можетъ быть, величайшій злодѣй и негодяй; нужды нѣтъ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ, можетъ быть, самаго страшнаго поруганія. Все-таки отвратительно смотрѣть на осла, который лягаетъ безсильнаго льва, приговаривая: «пускай ослиное копыто знаетъ». Тотъ, кто и прежде, въ дни силы этого льва, выходилъ на борьбу съ нимъ и не преклонялся предъ нимъ, тотъ еще имѣетъ право, хотя уже и бесплодное, позорить его и во дни его одряхлѣнія: онъ по крайней мѣрѣ можетъ сказать, что руководствуется началомъ чистой справедливости и всегда равно возстаетъ противъ своего врага, не обращая вниманія на его положеніе . . . Но чѣмъ можетъ оправдать себя тотъ, кто подличалъ и пресмыкался предъ неправою силою, пока могъ отъ нея ожидать себѣ чего-нибудь, :

потомъ, когда она сломлена и уничтожена, вдругъ выпрямляется и начинаетъ обличать то зло, которое этою силою было произведено! . . . Такіе люди, позднимъ своимъ возстаніемъ, только увеличиваютъ то презрѣніе, которое и безъ того возбуждается въ душѣ всякаго порядочнаго человѣка, раболѣпствомъ ихъ предъ сильною неправдою. Подобное раболѣпство можетъ еще находить нѣкоторое извиненіе себѣ въ слабой степени умственнаго развитія раболѣпствующихъ: они могутъ не понимать всей нелѣпости и зловредности дѣйствій сильнаго лица, которому подчиняются; они могутъ добродушно вѣрить ему, благоговѣть предъ его системою и оставаться вѣрными ей постоянно, даже послѣ его паденія. О такихъ людяхъ можно душевно сострадать, можно ихъ не уважать, какъ людей крайне ограниченныхъ; но не за что питать къ нимъ озлобленія и отвращенія. Совершенно противное расположеніе возбуждаютъ люди, доказывающіе, послѣ паденія сильнаго негодяя (котораго они были орудіемъ), что они никогда не сочувствовали его дѣйствіямъ, что ихъ образъ мыслей совершенно противоположенъ тому, что они принуждены были дѣлать прежде. Подобнымъ объявленіемъ эти люди обнаруживаютъ только то, что они до сихъ поръ были подлы по расчетамъ, раболѣпны изъ видовъ, содѣйствовали дурнымъ затѣямъ сильнаго бездѣльника совершенно сознательно, очень хорошо понимая всю ихъ мерзость . . . Такіе люди гнусны и презрѣнны до послѣдней степени; нѣтъ въ русскомъ языкѣ столь крѣпкаго слова, которое могло бы вполне выразить всю силу презрѣнія, которое долженъ питать къ нимъ всякій порядочный человѣкъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу

многихъ легкомысленныхъ толковъ, сопровождавшихъ закрытіе Главнаго Педагогическаго института. Люди, которые прежде не говорили о немъ ни одного слова или даже всячески восхваляли его, принялись теперь бранить его на чемъ свѣтъ стоитъ. Начали толковать о его коренной несоотвѣтственности съ требованіями здоровой педагогики, о ложности системы, господствовавшей въ немъ въ послѣднее время, о недостаткахъ его административнаго и хозяйственнаго устройства и т. п. Положимъ, что эти толки даже и справедливы, положимъ, что недостатковъ было дѣйствительно много . . . Но зачѣмъ же молчали о нихъ во все время существованія института, — зачѣмъ только въ послѣднее время заговорили о нихъ въ обществѣ, и въ администраціи, и въ литературѣ? Сколько намъ помнится, до закрытія института, только одинъ насмѣшливый голосъ раздался противъ мелочности и формальности, слишкомъ уже укоренившихся въ немъ. Голосъ этотъ раздался, ровно три года назадъ, въ «Современникѣ», и на него въ свое время обратили вниманіе многіе изъ интересующихся дѣломъ, но потомъ, разумѣется, и о немъ забыли, а новыхъ голосовъ не было слышно . . . И вдругъ теперь поднялись съ возгласами противъ Педагогическаго института даже тѣ, которые еще очень недавно ницъ падали предъ его совершенствами . . . «Современникъ» не послѣдуетъ ихъ примѣру: онъ теперь не будетъ ни смѣяться, ни ругаться надъ умершимъ, а только представить спокойное и безпристрастное изложеніе исторіи института, по отчету, составленному и недавно обнародованному ученымъ секретаремъ, старшимъ надзирателемъ и адъюнктомъ института, А. Смирновымъ.

Главный Педагогическій институтъ основанъ въ 1828 г. Первымъ директоромъ его былъ, до 1847 г., О. И. Миддендорфъ, вторымъ — до 1859 г. (до самаго рѣшенія о закрытіи) академикъ И. Давыдовъ. При О. И. Миддендорфѣ особая забота была обращена на приготовленіе наставниковъ особенно практическимъ методомъ, и потому при основныхъ, спеціально-педагогическихъ отдѣленіяхъ института были тогда учреждены три прибавочныхъ отдѣленія, собственно для практики молодыхъ педагоговъ. Все ученіе продолжалось девять лѣтъ, въ трехъ курсахъ, каждый по три года: 1) *малолѣтнее* отдѣленіе, изъ дѣтей 12—14 лѣтъ, 2) *предварительный* курсъ, соотвѣтствовавшій общему университетскому, и 3) *окончательный*, собственно педагогическій курсъ, студенты котораго занимались практическимъ преподаваніемъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи и въ учрежденномъ при институтѣ съ 1838 г. «Второмъ разрядѣ института», назначенномъ собственно для подготовленія приходскихъ и уѣздныхъ учителей. Такимъ образомъ прямая цѣль института, приготовленіе учителей, постоянно имѣлась въ виду, хотя и ученое образованіе воспитанниковъ не оставлялось безъ вниманія. Изъ пяти выпусковъ, бывшихъ при О. И. Миддендорфѣ, до 400 воспитанниковъ поступили на педагогическую службу, въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія поступили — 35. При выбытіи О. И. Миддендорфа изъ института, въ немъ было до 170 воспитанниковъ; а въ кассѣ института до 60 тысячъ рублей экономической суммы.

Съ поступленіемъ въ институтъ новаго директора, начался новый періодъ его существованія. Самъ «Отчетъ» признается нынѣ, что періодъ этотъ гораздо слабѣе предыдущаго, вслѣдствіе перемѣнъ,

произведенныхъ въ немъ новымъ директоромъ. Къ сожалѣнію, обзорѣніе г. Смирнова сдѣлано слишкомъ наскоро, и потому въ немъ нѣтъ надлежащей подробности и отчетливости. Даже больше: почти весь отчетъ о второмъ періодѣ института взятъ почти буквально, съ небольшими (по мѣстамъ, гпрочемъ, довольно характеристическими) измѣненіями, изъ «Историческаго обзорѣнія перваго двадцатипятилѣтія института», читаннаго тѣмъ же г. Смирновымъ на актѣ юбилея института въ 1853 г. Мы рѣшаемся представить здѣсь сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, подчеркивая только тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы измѣненія.

АКТЪ 1853 г., стр. 26.

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 8.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго института до увольненія перваго директора *онаго, дѣйствительнаго ст. сов. О. И. Миддендорфа, который, по преклонности лѣтъ и разстройству здоровья, Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности 23 октября 1846 г., при чемъ онъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника. Во все время управленія институтомъ онъ былъ душою всей его дѣятельности; всѣ приращенія къ оному произошли не безъ его желанія и участія и возбуждали въ немъ самое живѣйшее сочувствіе. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ*

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго института при первомъ директорѣ *его О. И. Миддендорфѣ. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ развитіемъ своихъ способностей и пріобрѣтенными познаніями въ наукахъ, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія, приноравливаясь къ ихъ возрасту и понятіямъ, и развивать умственные способности дѣтей. При выбытіи его изъ института, въ стѣнахъ сего заведенія воспитывалось до 170 студентовъ и воспитанниковъ; а въ кассѣ института было до 59,314 руб. 96 коп. эконо-*

пріобрѣтенными теоретическими познаніями въ наукахъ и развитіемъ своихъ способностей, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія въ мѣру возраста и постиженіемъ способовъ развивать умственные способности дѣтей. Польза его дѣятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцевъ.

номической суммы. Одобрительные отзывы бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія С. С. Уварова объ основательности и хорошемъ направленіи преподаванія въ институтѣ, неоднократно сдѣланные во всеподданнѣйшихъ отчетахъ (1841—1846 годовъ), свидѣтельствуютъ, что устройство института въ то время соотвѣтствовало цѣли учрежденія.

Къ первому періоду института относятся пять выпусковъ, причисляя сюда выпускъ 1847 года. Въ теченіе этого времени поступило на педагогическую службу до 400 питомцевъ института изъ разныхъ отдѣленій; изъ этого числа, по окончаніи курса въ факультетахъ, довершили высшее образованіе за границею и поступили въ высшія учебныя заведенія 21, по особенномъ приготовленіи въ самомъ институтѣ, поступили въ высшія учебныя заведенія 14, прочіе опредѣлены въ старшіе и младшіе учителя гимназій, въ уѣздные и весьма малое число въ приходскіе учителя и комнатные надзиратели.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ отчетѣ представлено болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ

о процвѣтаніи института предъ поступленіемъ въ него новаго директора, хотя въ «Обозрѣніи» 1853 г. тѣ же самыя фразы, и даже съ добавленіями, еще болѣе громкими. Въ отчетѣ о второмъ періодѣ заимствованій еще больше; измѣненія еще незначительнѣе.

АКТЪ 1853 г., стр. 27.

Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго института нынѣшняго директора, д. с. с. *Ивана Ивановича Давыдова*, начался въ исторіи института новый періодъ. До него институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, несоразмѣрно истощалъ средства содержанія онаго и бѣднѣлъ въ хозяйственномъ отношеніи; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, упускалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, слабѣлъ въ сравненіи съ университетами, преобразованными уставомъ 1835 года, такъ что питомцы института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою увѣренностью и честью стремиться къ пріобрѣтенію высшихъ учебныхъ степеней, по Положенію 1837 г., какъ студенты университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе бы-

ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 9.

По вступленіи въ управленіе Главнымъ Педагогическимъ институтомъ *И. И. Давыдова*, измѣнилось устройство института и направленіе его дѣятельности. Новый директоръ нашелъ, что институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, долженъ былъ слишкомъ ограничить себя въ статьяхъ содержанія студентовъ и воспитанниковъ; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, еще не вполне приготовленныхъ къ своему дѣлу, слишкомъ развлекалъ студентовъ и не позволялъ имъ съ надлежащею самодѣятельностью заниматься изученіемъ литературы избранныхъ наукъ и письменными упражненіями; 3) что въ институтѣ распределеніе предметовъ по факультетамъ не соответствовало университетскому и было неудобоприложимо къ Положенію объ испытаніяхъ на ученые степени.

ло примѣнено. Прежде въ этомъ случаѣ помогали студентамъ института посылка ихъ въ заграничныя университеты, для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною, и наконецъ совершенно отмѣнена. Студенты института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ профессоровъ, восполнить и этотъ недостатокъ; но, употребляя много времени на приготовленіе къ преподаванію наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самостоятельное обработываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а посему должны были ограничиться честью хорошихъ учителей гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь — быть достойнымъ профессоромъ, оставалась недостижимою.

И здѣсь вы встрѣчаете почти однѣ и тѣ же фразы; только въ отчетѣ 1853 г., писанномъ еще при директорствѣ г. Н. Давыдова, изложено все дѣло нѣсколько пространнѣе и краснорѣчивѣе. Посмотримъ далѣе:

АКТЪ 1853 г., стр. 28. ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 10.

И. И. Давыдовъ, посвятившій всю жизнь педагогическому званію и указавшій уже не одной тысячѣ молодыхъ людей путь въ самое высшее святилище наукъ, будучи при томъ самъ уже заслуженнымъ профессоромъ и ординарнымъ академикомъ, при самомъ вступленіи въ свою настоящую должность увидѣлъ недостатки въ устройствѣ Гл. Пед. инст. и, быстро сообразивъ средства къ приведенію его въ соответственное уставу значеніе, немедленно приступилъ къ исполненію оныхъ. По его представленію, г. министръ народнаго просвѣщенія, графъ Сергій Семен. Уваровъ, исходатайствовалъ, 26 іюля 1847 г., Высочайшее соизволеніе на преобразованіе Гл. Пед. института на слѣдующихъ основаніяхъ.

Такъ какъ, съ одной стороны, при нынѣшнемъ отличномъ состояніи гимназій, уѣздныя училища уже достаточно снабжаются учителями изъ учениковъ гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными профессорами или

Желая возвысить уровень педагогическаго образованія питомцевъ института распространеніемъ курса ихъ субъективнаго образованія, онъ исходатайствовалъ, чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Высочайшее соизволеніе 26 іюля 1848 г. на преобразованіе Института въ такомъ видѣ.

Полагая, что уѣздныя училища достаточно могутъ снабжаться учителями изъ учениковъ гимназій и что лучшіе воспитанники гимназій съ охотою будутъ поступать въ институтъ для высшаго педагогическаго образованія, онъ нашелъ Второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе института, съ принадлежавшимъ, къ послѣд-

учителями гимназій, — съ другой стороны, является много изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ желающихъ поступить въ институтъ, для спеціальнаго педагогическаго образованія; то Второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ оному классомъ полупансіонеровъ, пополнившіе временное свое назначеніе, стали болѣе ненужными.

Далѣе — цѣлыхъ двѣ страницы взяты прямо изъ отчета 1853 г., такъ что ихъ и сравнивать нечего. Затѣмъ слѣдуетъ опять маленькая разница, которую мы отмѣтимъ.

АКТЪ 1853 г., стр. 32. ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 11.

Въ скоромъ времени, по соображенію общаго устройства учебныхъ заведеній, представилась возможность произвести новое преобразование въ курсахъ института. Такъ какъ среднія учебныя заведенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, нынѣ достаточно *приготавливаютъ* лучшихъ своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли при институтѣ существовавшій, оказывался излишнимъ, — и пр.

Въ скоромъ времени, желая привлечь въ институтъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, начальство нашло нужнымъ *привести устройство института еще къ большому спеціализированію.* Такъ какъ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, *могли достаточно пригото- влять* своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли существовавшій при институтѣ, оказывался излишнимъ, — и пр.

Далѣе, буквально сходно въ обоихъ отчетахъ, рассказывается объ уничтоженіи предварительнаго курса и объ ограниченіи времени ученія въ институтѣ четырьмя годами, вмѣсто шести. Затѣмъ дѣлаются выводы:

АКТЪ 1853 г., стр. 32.   ОБОЗРѢНІЕ 1859 г., стр. 11.

<p>Курсы приняли надлежащій спеціальный видъ, и Главный Педагогическій институтъ могъ теперь надежнее приступить къ довершенію высшаго педагогическаго образованія юношей, посвящающихъ себя званію наставниковъ, съ надлежащимъ приготовленіемъ и полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего важнаго назначенія.</p>	<p>Эта мѣра, сокративъ время педагогическаго приготовленія, не вполне достигла ожидаемаго успѣха; воспитанниковъ гимназій съ этого времени поступало въ институтъ не больше прежняго; можетъ быть, причиною тому былъ продолжительный срокъ обязательной службы за институтское образованіе, а еще больше, кажется, правила закрытаго заведенія, каковъ былъ въ строгомъ смыслѣ, по уставу своему, институтъ.</p>
--	---

Затѣмъ въ «Обозрѣніи» г. А. Смирновъ рассказываетъ перемѣны въ институтѣ, происшедшія уже послѣ 1853 г. Всѣ эти перемѣны вели къ большому спеціализированію занятій студентовъ и къ возвышенію уровня ихъ образованія, съ цѣлью приготовить изъ нихъ не только отличныхъ учителей гимназій, но и достойныхъ профессоровъ университета. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были вполне удачны, такъ что изъ студентовъ послѣднихъ выпусковъ, образованныхъ по новой системѣ, только двое поступили въ высшія учебныя заведенія (изъ прежнихъ выпусковъ — 35). Самое количество воспи-

танниковъ въ институтѣ постоянно уменьшалось, и вмѣсто полнаго по штату числа 154 дошло до 94. Причинами этого «Обозрѣніе» полагаетъ, между прочимъ, то, что «быстро возрастающая въ послѣднее время дороговизна на жизненные принасы, улучшение нѣкоторыхъ хозяйственныхъ статей и отнесеніе значительныхъ издержекъ на экономическую сумму института, истощая средства заведенія, не позволяли попрежнему увеличивать число питомцевъ института» (стр. 17).

Въ 1853 г. отчетъ г. А. Смирнова оканчивался слѣдующими знаменательными строками, выражавшими тѣ надежды, какія питало начальство заведенія, въ бытность директоромъ его г. И. Давыдова:

«Преобразованія Главнаго Педагогическаго института, совершившіяся съ 1847 года, принесли уже утѣшительные плоды: институтъ, въ хозяйственномъ отношеніи, достигъ блестящаго состоянія; объемъ курсовъ его и направленіе преподаванія дали ему возможность образовать молодыхъ педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прямо по выпускѣ изъ заведенія, съ честію заняли въ университетахъ и Главномъ Педагогическомъ институтѣ профессорскія кафедръ; не утративъ своего практическаго спеціальнаго направленія, Институтъ съ честію опять [?!] сталъ на почетное мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій по части народнаго просвѣщенія» (стр. 36).

Но, къ сожалѣнію, какъ видно изъ нынѣшняго «Обозрѣнія», надежды эти не оправдались. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, какія были принимаемы новымъ директоромъ института. Видя, что всѣ доселѣ сдѣланныя преобразованія такъ неудачны, г. И. Давыдовъ

самъ рѣшился отказаться отъ нихъ и опять обратиться къ тому же устройству, какое было при Миддендорфѣ. Желая провести эту мысль, онъ въ декабрѣ 1857 г. подалъ г. министру народнаго просвѣщенія записку о новомъ преобразованіи института. Вотъ что, между прочимъ, приводится изъ записки въ «Обозрѣніи» г. А. Смирнова.

Несмотря на пользу, доставляемую институтомъ въ нынѣшнемъ его состояніи, до котораго доведенъ онъ путемъ опыта и указаніемъ потребностей, представляетъ возможность придать ему характеръ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ содѣйствовать *новому его совершенствованію*.

Главное затрудненіе въ учебномъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества илѣ встрѣчаетъ институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ въ институтъ питомцевъ изъ гимназій и семинарій. Для ученаго образованія необходимо основательное изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ, вмѣстѣ съ словесностью и исторією, или всего круга знаній, называемыхъ *studia humaniora*: это — тщательно воздѣланная почва, которой можно повѣрять всѣ добрыя сѣмена; безъ этого приготовительнаго общаго ученія нельзя ожидать вѣрныхъ успѣховъ отъ высшихъ спеціальныхъ курсовъ; ни мало не помогутъ педагогическія практическія занятія тѣмъ, которые слабо приготовлены въ начальномъ ученіи.

Для восполненія недостатка приготовительнаго изученія древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, нужныхъ для ученаго образованія, необходимо четырехгодичное ученіе институтское обратить въ шестилѣтнее и раздѣлить его на три двухгодичные курса: 1-й курсъ — общій (*humaniora*), 2-й — спеціальный или факультетскій и 3-й — практическій. Въ первомъ курсѣ студенты должны преимущественно заниматься изученіемъ языковъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ, русской словесности, элементарной математики и историческихъ наукъ. Тутъ всѣ учащіеся, поступающіе изъ разныхъ заведеній, могутъ сравняться въ знаніяхъ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ. Во второмъ курсѣ студентовъ предполагалось распредѣлять по

факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Въ третьемъ они должны были заниматься факультетскими предметами практически и упражняться въ педагогику въ общемъ курсѣ, подъ руководствомъ преподавателей. При этомъ раздѣленіи курса ученія, выпускъ изъ института предполагалось производить черезъ каждые два года.

«Такимъ образомъ, говоритъ г. Смирновъ (стр. 19), институтъ нашелъ необходимымъ возвратиться къ устройству 1828 и 1848 годовъ и положить въ основаніе педагогическаго образованія то, чѣмъ такъ особенно дорожилъ и прежній директоръ О. И. Миддендорфъ, — основательное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ. Въ этомъ новое направленіе института сходилось со старымъ. Но такой педагогической практики, если она оказалась необходимою, при новомъ предполагавшемся образованіи института питомцы онаго не могли имѣть, какъ имѣли при старомъ устройствѣ 1832—1847 годовъ».

Но при развитіи новыхъ педагогическихъ понятій и требованій и при измѣненіи взгляда на дѣятельность института во второмъ періодѣ, ошибочность которой созналъ самъ ея виновникъ, предложеніе г. И. Давыдова не было принято. «Главное правленіе училищъ (говоритъ г. Смирновъ) въ засѣданіи 21 октября 1858 г., по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи Главнаго Педагогическаго института, нашло, что недостатки сего заведенія заключаются въ двухъ главныхъ основаніяхъ его настоящей организаціи: 1) въ условіяхъ пріема студентовъ, при которыхъ можетъ нерѣдко случиться, что въ институтъ поступятъ молодые люди, кои не окажутъ впослѣдствіи ни наклонности, ни достаточныхъ способностей къ званію, къ которому готовятся, и 2) въ

самомъ курсѣ, лишенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія преподаваемыхъ студентамъ теорій. Для устраненія этихъ недостатковъ главное правленіе училищъ, обсудивъ основные только вопросы, такъ какъ всѣ дальнѣйшія затѣмъ подробности преподаваемыхъ преобразованій должны зависѣть отъ ближайшихъ соображеній министерства, полагало сообразнымъ съ цѣлью, упразднивъ Главный Педагогическій институтъ, устроить, взамѣнъ онаго, особые педагогическіе курсы, въ которые будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе уже курсъ въ университетѣ и избирающіе, слѣдовательно, подлежащее имъ педагогическое поприще сознательно; съ другой стороны, начальство педагогическихъ курсовъ можетъ имѣть достаточное ручательство въ знаніяхъ и природныхъ ихъ способностяхъ. Педагогическіе курсы, соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будетъ продолжаться по два года; они должны быть заведеніями открытыми».

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія директоръ института, г. И. Давыдовъ, назначенъ въ правительствующій сенатъ въ Москву; въ институтѣ остались начальствующими, подѣ главнымъ наблюденіемъ г. попечителя Спб. учебнаго округа Н. Д. Делянова, г. Тихомандрицкій, самъ бывший воспитанникъ института перваго выпуска и служившій въ немъ инспекторомъ съ 1848 г., и г. А. Смирновъ, тоже давнишній воспитанникъ института, служившій въ немъ старшимъ надзирателемъ съ 1840 г. Такимъ образомъ они, — можно сказать, — видѣли начало института, участвовали въ его дѣятельности, во второмъ ея періодѣ, и теперь видѣли закрытіе этого заведенія . . .

„СВИСТОКЪ“.

Первыя стихотворенія Конрада Лиліеншвагера ¹.

Стихотворенія Михаила Розенгейма.

Спб. 1858 г.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появленіе стихотвореній г. Розенгейма было невозможно: до того литература наша стояла далеко отъ вопросовъ, которымъ посвящена значительная часть этихъ стихотвореній. Появись эта книжка въ то бесплодное, глухое время, когда литература наша какъ будто рѣшилась отречься отъ всякой мысли и занималась только различными сладенькими чувствованьями да книжными мелочами, появись она среди всеобщей литературной нѣмоты и вялости, — она бы навѣрное произвела фуроръ неслыханный. Мы помнимъ, что лѣтъ пять тому назадъ списывались и переписывались стихотворенія, имѣвшія гораздо менѣе прямоты и рѣзкости, чѣмъ, напримѣръ, хоть слѣдующіе стихи, въ которыхъ г. Розенгеймъ заставляетъ бѣса говорить каждому сановнику (стр. 71—72):

Смотри: вотъ картина твоихъ преступленій,
Рядъ длинный и темный неправедныхъ дѣлъ,

---

¹ Эта рецензія помѣщается передъ „Свисткомъ“, потому что тѣсно связана съ нимъ. *Примѣч. Чернышевскаго.*

Обжорства и лѣни, и злу послабленій.

Гляди и казнися, — ты видѣть хотѣлъ.

Смотри: вотъ забвеніе о чести, законѣ,

Подъ гнетомъ достоинство, лѣсть почтена,

Вотъ страждетъ невинный, вотъ правда въ законѣ,

Вотъ общая польза жиду продана.

Смотри: вотъ строитель казну обираетъ,

Вотъ грабятъ опека наслѣдье сиротъ,

Любовница краемъ, какъ хочетъ, играетъ,

Вотъ твой подчиненный законъ продаетъ.

А здѣсь клевета непощадно и грозно

Грызетъ и терзаетъ, — какъ бѣшеный волкъ, —

Безумцевъ, что, святость присяги серьезно

Понявши, пыгались исполнить свой долгъ.

И все это зло чрезъ тебя проходило,

И всюду ты руку свою приложилъ,

Неправда поклономъ тебя подкупила,

Грабежъ тебѣ долго пирамид платилъ.

Тебѣ царь повѣрилъ людей миллионы,

Ихъ жизнь, достоинство, покой ихъ и честь, —

Ты предать ихъ въ жертву твоимъ приближеннымъ,

А самъ только думалъ попить да поѣсть.

Въ недавнее время отъ этихъ стиховъ всѣ пришли бы въ восторгъ, не требуя отъ нихъ ни поэзіи, ни силы выраженія, ни звучности стиха, ни правильности рѣмы, — или, лучше сказать, всѣ эти качества сумѣли бы найти въ нихъ, въ благодарность за смѣлость и откровенность основной мысли. Теперь — далеко не то. Стихотворенія г. Розенгейма не возвышаются по идеямъ своимъ надъ уровнемъ современной литературы, давно уже обратившей серьезное вниманіе на общественные вопросы, и они уже не могутъ насъ поразить такъ, какъ поразили бы прежде. Г-нъ Розенгеймъ нѣсколько опоздалъ изданіемъ своей книжки. — Мы ужъ давно прислушались къ тѣмъ возгласамъ, которые раздаются въ его стихахъ; и проза, и поэзія послѣдняго времени

постоянно изъ кожи лѣзли, чтобы внушить правила честности и безкорыстія, соблюденіе святости присяги, любовь къ правдѣ и закону, отвращеніе къ лѣни, обжорству, лжи, лести, воровству и тому подобнымъ злоупотребленіямъ . . . Пресловутые поэты и ученые въ родѣ гг. Бенедиктова, Вернадскаго, Кокорева, Львова, Семевскаго, Соллогуба и т. п. протрубили намъ уши, вопія о правдѣ, гласности, взяткахъ, свободѣ торговли, вредѣ откуповъ, гнусности угнетенія и пр. Послѣ нихъ уже трудно пріобрѣсти себѣ знаменитость на томъ порицѣ, на которомъ они подвизались съ такимъ успѣхомъ. Могутъ еще найтись люди, которые и теперь придутъ въ ярое восхищеніе отъ *либеральныхъ* стихковъ г. Розенгейма. Но такихъ, вѣроятно, будетъ уже не столько, сколько ихъ было прежде. Большая часть читателей, похваливши благонамѣренность г. Розенгейма, потребуетъ однакоже отъ стиховъ его нѣкоторыхъ положительныхъ достоинствъ, и прежде всего — поэзіи. Г-нъ Розенгеймъ сознается, что такимъ требованіямъ онъ рѣшительно не можетъ удовлетворить. Въ началѣ книжки его помѣщено стихотвореніе, въ которомъ авторъ съ похвальной откровенностью признается, что онъ пишетъ стихи по долгу, по желанію добра отчизнѣ, безъ притязаній на искусство, и что стихи его плохи. Мы вѣримъ всѣмъ этимъ признаніямъ, а послѣднее обстоятельство можемъ даже подтвердить собственнымъ свидѣтельствомъ. Только намъ кажется, что авторъ напрасно такъ убивается изъ желанія добра отчизнѣ, ибо онъ самъ же (въ стихотвореніи «Ю. В. Ж.») сознается, что стихъ его, нестройный и неискусный, никого не тронетъ, ни въ комъ не подыметъ сознанія правды и добра, и что пѣсни его

Прозвучать, ничего не *посѣявъ*,
 Не прививъ убѣжденъе свое.
 Можетъ, скажутъ: „была въ нихъ *идея*.
 Но мы знали и прежде ее“.

Именно такъ это и будетъ, такъ и должно быть по естественному порядку вещей: само собою разумѣется, что пѣсни ничего не посѣютъ и не привьютъ убѣжденій своихъ. Странно, что г. Розенгеймъ можетъ требовать отъ своихъ пѣсенъ такихъ необыкновенныхъ вещей . . . Разумѣется само собою и то, что если намъ высказываютъ идеи уже извѣстныя, да еще высказываютъ плохо, то поневолѣ скажешь, что «есть тутъ идея, да мы ее знали и прежде». Подобными замѣчаніями г. Розенгеймъ вовсе не долженъ огорчаться. Напротивъ, такъ какъ онъ пишетъ единственно изъ желанія добра отчизнѣ, то онъ долженъ радоваться, ежели окажется, что трудъ его уже не нуженъ, что то добро, которое онъ хотѣлъ посѣять своими пѣснями, давно уже посѣяно. Съ этой точки зрѣнія мы полагаемъ, что все, что до сихъ поръ нами сказано, должно быть очень пріятно г. Розенгейму. Если онъ захочетъ удостоить насъ своего довѣрія, то вмѣстѣ со многими прекрасными людьми порадуется, что въ немногіе годы наше общество успѣло уже такъ далеко уйти, что для него перестали быть диковинкою стихотворенія, подобныя тѣмъ, какія сочиняетъ г. Розенгеймъ.

Но кромѣ *прекрасныхъ* людей бываютъ на свѣтѣ злые люди. Эти несчастные ничѣмъ не бываютъ довольны, потому что желанія ихъ слишкомъ неограничены. Ихъ узнать чрезвычайно легко въ самомъ ничтожномъ разговорѣ. Начинается обыкновенно съ того, что они жалуются, зачѣмъ имъ въ

обществѣ не даютъ говорить. Вы примете въ чело-
вѣкѣ участіе и какъ-нибудь для его утѣшенія устро-
ите такъ, что ему можно будетъ заговорить; онъ
заговоритъ. Но на половинѣ первой фразы кто-ни-
будь его перебьетъ и заговоритъ свое; онъ ужъ
опять недоволенъ: зачѣмъ не даютъ ему кончить
начатую фразу? Вы опять принимаетесь хлопотать
и добиваетесь того, что злому челоѣку можно го-
ворить безъ помѣхи. Кажется, тутъ бы ужъ онъ
долженъ быть доволенъ, потому что успѣлъ выска-
заться; — и дѣло бы, кажется, съ концомъ... Но
нѣтъ, злой челоѣкъ опять недоволенъ: онъ утвер-
ждаетъ, что словъ его никто не слушаетъ. «Да что
тебѣ, братецъ, за дѣло до этого, слушаютъ тебя или
нѣтъ? тебѣ бы вѣдь только сказать», — возража-
ете вы и своимъ возраженіемъ только еще болѣе
бѣсите злого челоѣка. Онъ начинаетъ вамъ тол-
ковать, что онъ не сорока, не попугай, чтобы гово-
рить только для процесса говоренія, — что въ мо-
ціи языка онъ вовсе не нуждается, что онъ гово-
ритъ для того, чтобы передавать другимъ свои мыс-
ли, и т. п. Желая сдѣлать угодное злому челоѣ-
ку, вы доставляете ему слушателей. Думаете, те-
перь онъ успокоится? Ошибаетесь: онъ входитъ
въ претензію, зачѣмъ его не понимаютъ, или пони-
маютъ не такъ. Вы находите ему людей понима-
ющихъ, воображая, что этимъ его уже совершенно
удовлетворили. Какъ бы не такъ! На понима-
ющихъ-то онъ нападаетъ еще съ большимъ ожесто-
ченіемъ, нашедши, напримѣръ, что, несмотря на
толковое пониманіе дѣла, въ нихъ недостаточно
развито убѣжденіе въ его пользѣ и необходимости.
Если же убѣжденіе въ комъ-нибудь окажется, злой
челоѣкъ и тутъ не удовлетворится: онъ потребу-

еть, чтобъ убѣжденіе показано было на дѣлѣ. «Ты однако съ ума сходишь, мой другъ, — кротко замѣчаете вы ему, — ну, скажи на милость, для какой надобности ты гонишь всѣхъ на работу? Кажется, могъ бы ты утомониться. Вспомни, сколько уже удобствъ пріобрѣлъ ты при моемъ содѣйствіи: тебѣ дали говорить, тебя не перебивали, слушали, поняли, убѣдились твоими словами; чего же тебѣ больше! Ты бы съ радостными слезами благодарности долженъ былъ принимать каждое изъ оказанныхъ тебѣ благодѣяній, а ты все въ гору лѣзешь». И вы полагаете, что урезонили злого человѣка. Но уввы! этихъ людей нельзя урезонить! Онъ подымается еще пуще и съ убійственнымъ спокойствіемъ, подъ которымъ вы чувствуете и ядъ, и огонь, и пику, — начинаетъ вамъ доказывать, что слова безъ дѣла есть праздное слово, что если не дѣлать, то не стоитъ и говорить, и т. п. Вы приходите, разумѣется, въ ужасъ и оставляете наконецъ злого человѣка, который пускается въ столь опасную философію и не умѣетъ говорить для того, чтобы говорить. Вы видите, что онъ не понимаетъ пріятности и пользы — развить свою мысль изящно и основательно, привлечь многочисленныхъ слушателей, опровергнуть возраженія логическими доводами, заставить замолчать противниковъ и довести ихъ до согласія съ своими положеніями... Злой человѣкъ недоволенъ даже убѣжденіями согласными съ нимъ, если они не выражаются на дѣлѣ... Разумѣется, вы не дожидаетесь этого дѣла, бѣжите отъ такого человѣка, и прекрасно дѣлаете, потому что въ практической дѣятельности онъ еще хуже, чѣмъ въ разговорахъ. Изъ самой пустой и обыкновенной вещи онъ сдѣлаетъ такую исторію, что вы не рады будете, за-

чѣмъ съ нимъ связались. У васъ, напримѣръ, зубъ гнилой; гніетъ онъ ужъ нѣсколько лѣтъ и побаливаетъ этакъ въ недѣлю раза два, три. Вы его пользуете, разумѣется, — одеколономъ, теплыми подушечками, ромомъ, спиртомъ, хлороформомъ... Ну, поболитъ, поболитъ, да и перестанетъ. Правда, что черезъ день — черезъ два, опять расходится; да вѣдь и успокоится же опять... Ну, а пройдетъ нѣсколько лѣтъ, зубъ выкрошится, и боли не будетъ, ежели только самымъ лѣченьемъ вы прочихъ зубовъ не испортите. Но попробуйте сказать о вашихъ страданіяхъ злему человѣку. Онъ посмотритъ вамъ зубъ: «гнилой, — такъ надо его выдернуть»... Вотъ и вся у него не-долга... Да вѣдь пристанетъ къ вамъ съ участіемъ этакимъ, докажетъ, что радикальная мѣра необходима, что заразъ вырвать лучше, чѣмъ страдать безпрестанно... Вы поневолѣ должны согласиться, а между тѣмъ все-таки думаете: «да, хорошо тебѣ говорить-то... Вѣдь не тебѣ будутъ зубы-то рвать».

Одного такого злого человѣка послала судьба мнѣ въ пріятели. Ему-то я вздумалъ отчасти похвалить стихотворенія г. Розенгейма, полагая, что онъ долженъ остаться доволенъ ихъ направленіемъ. Но, какъ я уже сказалъ, пріятель мой ничѣмъ не могъ быть доволенъ. «Что же это, — новый талантъ?» — спросилъ онъ съ такимъ удареніемъ на словѣ «талантъ», что мнѣ стало какъ-то неловко... Я принялъ самый скромный видъ и сталъ объяснять моему пріятелю:

— Нѣтъ, этого нельзя сказать. Поэтического таланта у г. Розенгейма не замѣтно. Его стихотворенія не отличаются ни живостью образовъ, ни глубиною чувства, ни задушевной теплотой, ни пре-

лестью или силой выраженія. . . Но за то во многихъ его стихотвореніяхъ подняты общественные вопросы, высказаны дѣльные и полезные мысли. . .

— Да зачѣмъ же онъ стихами-то пишетъ? — перебилъ злой человѣкъ. Вѣрно это неопытный юноша, утопающій въ міровыхъ мечтаніяхъ?

— Вовсе нѣтъ. Г-нъ Розенгеймъ долженъ быть уже человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Въ числѣ его стихотвореній есть одно, служащее отвѣтомъ на письмо Лермонтова. Лермонтовъ убитъ въ 1841 г.; человѣку, который съ нимъ переписывался, должно быть теперь уже лѣтъ около 40. Сообразно съ этимъ почтеннымъ возрастомъ, г. Розенгеймъ и въ стихотвореніяхъ своихъ является весьма солиднымъ и умѣреннымъ. Онъ ничего болѣе не хочетъ, какъ только искорененія злоупотребленій и установленія порядка на религіозно-нравственномъ основаніи. Объ этомъ онъ самъ говоритъ, почти въ каждомъ стихотвореніи. Вотъ какими стихами начинается его книжка:

Мнѣ говорятъ, что я рискую,
 Что слишкомъ смѣло говорю.
 Не вѣрю. — Рѣчь веду такую
 Затѣмъ, что преданъ я царю.
 Не искони ль царей державныхъ
 Сливалась слава на Руси
 Со славой Руси православной?
Кто хочешь, лѣтопись спроси.
 А слав матери Россіи
 Я жарко, искренно люблю,
 Затѣмъ и *кривды въ ней лихія*
 Отъ всей души я не терплю.
Ужель я ментъй гражданиномъ.
 И право слова потерялъ,
 Что не покрыть высокимъ чиномъ,
 Что незначителенъ и малъ?... — и пр.

Все стихотвореніе очень длинно, и потому я не стану его читать тебѣ (продолжалъ я объяснять моему злому пріятелю), тѣмъ больше, что стихи, какъ видишь, очень плохи. Но это не мѣшаетъ мыслямъ, высказаннымъ въ нихъ, быть превосходными. Далѣе авторъ говоритъ, что всякій долженъ исполнять свой долгъ, и что исполняющаго долгъ свой нельзя презирать за дурное исполненіе, если у него есть добрая воля, а только «средствъ и мочи не далъ Богъ». Поэтому, говоритъ онъ, и меня никто не можетъ презирать и порицать за дурное качество моихъ стиховъ. Я сдѣлалъ, что могъ; лучше меня сдѣлаютъ другіе.

Пускай стихи мои плохіе,
Какъ звукъ въ пространствѣ пропадутъ
Со мной, за мной пойдутъ другіе
И также *правду* *понесутъ*;
И каждый *каплю правды Бога*
Внесетъ въ сознанье согражданъ;
И капель тѣхъ сберется много,
Сберется цѣлый океанъ.

Разумѣется, стихи не совсѣмъ удачны. Слова: *правду понесутъ* напоминаютъ выраженіе *нести дичь*. «Внести въ сознанье согражданъ океанъ, составленный изъ *капель правды Бога*» — напоминаетъ опять то же выраженіе. Но во всякомъ случаѣ нельзя отвергнуть благородства побужденій, внушившихъ эти стихи. Вслѣдъ за тѣмъ авторъ объявляетъ, что онъ намѣренъ обличать *страсть неправаго стяжанья, себялюбіе и лѣнь*. Нельзя не согласиться, что все это очень смѣло и благородно.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не признать и другого обстоятельства, много говорящаго въ пользу г. Розенгейма: онъ не заносится далеко, онъ очень скро-

мень, мало надѣется на себя и всего ожидаетъ отъ высшей помощи. Обличеніе пороковъ людскихъ возбуждаетъ въ немъ только благоговѣніе къ мудрости высшей, и онъ пишетъ:

Подъ гнетомъ тяжкихъ обличеній,
Въ сознаньи немощи своей,
Мы клонимъ, Господи, колѣни
Предъ свѣтомъ мудрости Твоей.

Не помяни гордыни нашей
И суеславье отпусти,
И тѣмъ, что бренной славы краше,
Насъ духомъ правды просвѣти.

Эти высокія чувства сопутствуютъ г. Розенгейму во всѣхъ его обличительныхъ стихотвореніяхъ. Вообще — въ немъ не замѣтно ни малѣйшей кичливости, столь свойственной людямъ, принимающимъ за обличеніе событій. Если онъ чѣмъ гордится, такъ это — величіемъ русскаго народа и его славной будущностью. Онъ призываетъ всѣхъ насъ:

Покажемъ народамъ чудесный примѣръ
Развитія въ нѣдрахъ закона,
Безъ ложныхъ стремленій, безъ вздорныхъ химеръ
Подъ сѣнью могучаго трона.
Пусть видятъ Европа, британецъ, французъ,
Что тамъ плодотворна невзгода,
Гдѣ тройственный крѣпокъ и силенъ союзъ
Межъ Богомъ, царемъ и народомъ.

Въ другомъ стихотвореніи г. Розенгеймъ указываетъ на высокое назначеніе русскаго народа, который называется у него народомъ избраннымъ. По его мнѣнію, Руси назначено провидѣніемъ —

Свершить народовъ обновленье,
Когда германецъ на землѣ

Свои окончить разъясненья
И суемудрія во мглѣ,
Замретъ, загложнетъ Западъ хилый,
Въ туманъ сомнѣнья погруженъ, —
Ввестъ въ дряхлый міръ живыя силы
И стать въ главѣ земныхъ племенъ.

Прославляя такимъ образомъ Русь, г. Розенгеймъ чрезъ то самое блистательнымъ образомъ опровергаетъ тѣхъ отсталыхъ господъ, которые утверждаютъ, будто обличеніе пороковъ своихъ со-братіи показываетъ отсутствіе любви къ отечеству и зараженіе идеями лукаваго Запада. Г-нъ Розенгеймъ весьма ядовито отзывается о Западѣ, говоря:

Посмотрите, Западъ хилый,
Пережившій все старикъ,
Остальныя тратитъ силы
Въ корчахъ козней и интригъ.

Г-нъ Розенгеймъ утверждаетъ, что на Западѣ «вѣру, вѣрность и правоту подѣло коварство, злоба, зависть и нищета», что тамъ «всякій хочетъ править», и потому сдуру Западъ и полѣзъ на насъ — драться . . .

Мудрено ль, что имъ завидны
Наша слава, нашъ покой,
Что отступники безстыдно
Угрожаютъ намъ войной!
Русь — защита царскихъ *троновъ*,
Русь — спасенье алтарей;
Правой власти *оборона*,
Страхъ и ужасъ мятежей;
Русь — слабѣйшаго ограда,
Русь — безвѣрію упрекъ,
Кознямъ сильнаго преграда,
Безначалію урокъ.
Эту Русь для васъ, народы,
Фабриканты мятежей,

Провозвѣстники свободы,
Средь насилій и цѣпей,
Эту Русь, ее, что вѣчно
Какъ бѣльмо вамъ на глазу,
Вы не любите, конечно,
Точно школьники лозу.

— Довольно, — проговорилъ мой пріятель умоляющимъ тономъ.

— Нѣтъ, погоди, — отвѣчалъ я и продолжалъ читать:

Что-нибудь, а, супостаты,
Вамъ ея не проглотить:
Нѣтъ, подавитесь, ребята,
По горбамъ придется бить.
Тутъ вѣдь салили ужъ губы...
Не такіе фдоки...

— Остановись, — провозгласилъ мой пріятель. — Я не могу дольше выносить твоихъ насмѣшекъ надо мною: ты объявилъ мнѣ, что г. Розенгеймъ есть обличитель современнаго русскаго общества, а вмѣсто того читаешь мнѣ его проклятiя Западу.

— Другъ мой, — кротко возразилъ я, — мнѣ хотѣлось сначала показать тебѣ, съ какой точки зрѣнія обличаетъ пороки г. Розенгеймъ. Ты вѣдь любишь во всемъ доискиваться до коренныхъ началъ и побужденій. Дай же мнѣ досказать то, что я началъ. Г-нъ Розенгеймъ скромень въ своихъ требованіяхъ; любя Русь, онъ дѣлаетъ замѣчанія за нѣкоторые ея недостатки, но тѣмъ не менѣе ставитъ ее превыше всѣхъ земныхъ племенъ. Онъ не любитъ тѣхъ, которые, указывая намъ на примѣръ другихъ, требуютъ преобразованій нашего общественнаго устройства. Нѣтъ, — говоритъ онъ имъ, — не шуми:

Что порочишь ты такъ безтолково, легко,
Создано не такими людьми!

Устроено все прекрасно, но бѣда въ томъ, что
не во всѣхъ вѣдрено почтеніе къ существующему
устройству. Поэтому:

Если золь ты на свѣтъ, точно правду любя,
То не тронь въ немъ порядокъ вещей;
Но исправь-ко сперва, мой почтенный, себя,
Отучи отъ неправды людей.

При такой скромности г. Розенгеймъ, разумѣется, не можетъ взять на себя какихъ бы ни было измѣненій и улучшеній въ общественномъ порядкѣ. Онъ считаетъ своей обязанностью всегда идти за тѣмъ, кто идетъ впереди, куда бы тотъ ни шелъ. Только уже въ крайнемъ случаѣ рѣшается онъ скромно попросить, чтобъ его не завели въ какую-нибудь трущобу, а доставили куда слѣдуетъ. Такой же точно образъ дѣйствія присовѣтываетъ онъ и народу. Такъ, въ стихотвореніи «Памятникъ» онъ заставляеть весь русскій народъ говорить какому-то боярину:

Будь межъ нами старшой, но какъ старшій нашъ братъ,
Въ каждомъ лихѣ у насъ будешь ты виноватъ,
Потому что тебѣ свѣтъ и сила даны,
И познанья, а мы, — мы, бояринъ, темны;
Потому что вездѣ за тобою идемъ.
Мы неправы, — знатъ ты шель неправымъ путемъ;
Мы порочны, — то ты намъ пороки привилъ;
Кривда въ насъ завелась, — ты насъ кривдѣ учишь;
Въ беззаконья вдались, — ты закономъ игралъ,
Ты его оскорблять намъ примѣръ показалъ.
Такъ ко всякому злу отъ тебя идетъ слѣдъ,
И за всякое зло ты дашь Богу отвѣтъ.
Да, бояринъ, у насъ ты причиной всего!
Кому много дано, много спросятъ съ того.

Такъ веди жъ насъ; а мы за тобою поидемъ.
Но веди только насъ всюду правымъ путемъ.

— Вотъ ужъ этого я никакъ не ожидалъ, — вдругъ воскликнулъ злой пріятель мой. — Я думалъ, что онъ скажетъ, по крайней мѣрѣ: такъ какъ отъ тебя у насъ всѣ гадости, то ужъ не трудись вести насъ; лучше намъ самимъ поискать дороги. А онъ вдругъ заключилъ: такъ веди жъ насъ! . . . Вотъ логика! . . .

— Другъ мой, зачѣмъ замѣшивать логику въ поэзію? — скромно замѣтилъ я.

— Да какая же тутъ поэзія! До сихъ поръ не замѣтилъ я ни малѣйшей искры поэзіи во всемъ, что ты читалъ мнѣ. Однѣ только фразы, самыя избитыя и пошлыя.

— Зачѣмъ выражаться такъ рѣзко, мой другъ. Вспомни, что я вѣдь и читалъ тебѣ именно такія мѣста, изъ которыхъ слѣдовало тебѣ увидѣть общія понятія г. Розенгейма. А вѣдь у него есть обличительныя стихотворенія, въ которыхъ гораздо болѣе . . .

Я замялся, не зная, чего болѣе въ обличительныхъ стихотвореніяхъ г. Розенгейма. Злой пріятель замѣтилъ мое затрудненіе и, чтобы увеличить его, спросилъ рѣзко:

— Какія же именно явленія обличаетъ г. Розенгеймъ?

Я смутился еще болѣе, потому что вовсе не былъ приготовленъ къ такому вопросу.

— Какъ же — какія? — отвѣчалъ я . . . — Всякія . . . г. Розенгеймъ пишетъ вообще . . . Да вотъ всего лучше — примѣръ. Я не стану читать цѣлаго стихотворенія: всѣ они непременно длинны. Но вотъ нѣсколько стиховъ.

Край родной, избранникъ Бога,
Ты заснулъ въ пути;
Ты петровскою дорогою
Не сумѣлъ идти.
Замѣнивъ живое дѣло
Грудою бумагъ,
Ты погрязъ душой и тѣломъ
Въ формахъ и словахъ.
И валя чрезъ пень колоду,
Вѣчное авось
Черной немочью народу
Въ плоть и кровь впилося.
Въ каждой сдѣлкѣ ходъ привычный —
Сбыть товаръ лицомъ,
А къ успѣху путь обычный —
Заднее крыльцо.

Прочитавъ это, я посмотрѣлъ на пріятеля; злой человекъ этотъ презрительно улыбался. Я попыталъ перевернуть нѣсколько страницъ.

— А вотъ изъ другого стихотворенія, — сказалъ я, — здѣсь поэтъ обращается къ «Молвѣ», называетъ ее криксою-говоруньей и проситъ звать насъ всѣхъ къ правдѣ. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

Проникая въ глубь сердець
Этимъ мощнымъ зовомъ,
Вразуми насъ наконецъ
Задушевымъ словомъ,
Какъ честнымъ трудомъ найти
И честный достатокъ,
Что къ богатству есть пути
Кромѣ кражъ и взятокъ,
Что отечеству *служить*
Можно безъ поклоновъ;
Уваженья намъ внуши
Къ святости законовъ,
Убѣди, что сила царствъ,
Краевъ преуспѣнье,

Честь и благо государствъ
Въ этомъ уважены,
Провозвѣстница началъ...

— Перестань, — перебилъ меня злой пріятель. — Какъ тебѣ не надоѣстъ читать все это? Неужели ты не понимаешь, что все это есть не болѣе какъ плохое переложеніе въ стихи очень прозаическихъ фразъ, бывшихъ у насъ въ ходу года три тому назадъ? Если хочешь, я тебѣ такія переложенія могу доставлять сотнями. Да вотъ кстати одно изъ нихъ; мнѣ принесъ его одинъ юноша, съ просьбой передать куда-нибудь для напечатанія. Не хочешь ли?

И онъ подалъ мнѣ листокъ, на которомъ написаны были слѣдующія стихи:

Пора!

Нѣтъ, ужъ нечего больше шутить,
Нѣтъ, не въ силахъ я больше смѣяться.
Надо слезы раскаянья лить
И въ слезахъ отъ пятна омываться,
Что вѣка наложили на насъ...
Намъ въ самихъ себя надобно викнуть,
И исправить себя отъ проказъ,
И на цѣлую Русь надо крикнуть,
Что теперь наступила пора, —
Да и точно она наступила, —
Съ корнемъ вырвать всѣ отрасли зла,
Что такъ долго Россію губило.
Не поможешь словами теперь,
Надо дѣйствовать честно и смѣло.
И при этомъ — хорошій примѣръ
Лучше брани постыдному дѣлу.
Честью родины кто дорожитъ
Пусть пожертвуетъ выгодой личной, —
Мелкой должностью пусть не презритъ
И примѣръ всѣмъ представитъ отличный.

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

вѣка, который бы не смогъ написать такихъ стиховъ, какіе пишетъ г. Розенгеймъ. Я хоть сейчасъ готовъ попробовать.

И желая доказать свою мысль, пріятель мой взялъ лежавшую на столѣ книжку «Русскаго Вѣстника», развернуть статью «Нѣсколько мыслей о судопроизводствѣ» и начать писать стихи на лоскутъ бумаги. Черезъ нѣсколько минутъ онъ передалъ мнѣ книгу. На стр. 385 прочелъ я слѣдующее:

Въ странѣ, гдѣ устраиваютъ желѣзныя дороги и паровозное движеніе, гдѣ поощряется устройство и развитіе всякихъ промышленныхъ предпріятій, гдѣ сняты съ народа оковы, препятствующія его свободному труду, гдѣ возвышаютъ уровень народнаго воспитанія, гдѣ вызываютъ къ дѣятельности и движенію все живыя силы; въ странѣ, которая громко просится на полезный и свободный трудъ, — можно ли еще сомнѣваться, что въ такой странѣ необходима адвокатура, какъ непремѣнная часть преобразованнаго судопроизводства, какъ вѣрнѣйшее средство въ одно и то же время обезпечить правильность и быстроту суда и открыть народной дѣятельности новые источники къ умноженію частнаго богатства, къ полезному занятію множества юныхъ силъ?

Когда я прочелъ это, пріятель мой прочелъ мнѣ свое стихотвореніе:

Pia Desideria.

Тамъ, гдѣ строятъ дороги желѣзныя,
Пароходство растетъ каждый часъ,
Предпріятія заводятъ полезныя,
Поощряютъ промышленный классъ;
Гдѣ оковы съ народа снимаются,
Гдѣ свободный рождается трудъ,
Воспитаніе гдѣ возвышается,
Къ дѣлу, къ жизни все силы зовутъ;
Гдѣ повсюду замѣтно стремленіе
На свободный, полезный всеѣмъ трудъ:

Допустить тамъ возможно ль сомнѣніе,
Что полезенъ и праведный судъ
Съ непремѣнною адвокатурою,
Какъ надежнѣйшимъ средствомъ — суду
Съ передѣланной магистратурою
Дать и правильность и быстроту,
И труду въ то же время народному
Вновь обильный источникъ открыть
Юныхъ силъ къ упражненью доходному
И къ возможности деньги скопить!..

— Стихъ мой, конечно, плохъ,—замѣтилъ мой пріятель. — Но согласись, что все же вѣдь онъ не хуже стиха г. Розенгейма... А какая мысль-то богатая: объ адвокатурѣ!.. Объ этомъ еще никто не писалъ у насъ стиховъ.

— Относительно мысли я съ тобой не спорю, но насчетъ стиха позволь мнѣ замѣтить, что тебѣ никогда не достигнуть той силы выраженія, какой обладаетъ г. Розенгеймъ. Вспомни —

Что, отступники! Безстыдно...
По горбамъ придется бить.

Какъ! ты думаешь, что у меня нѣтъ силы выраженія? Такъ ты еще не знаешь меня... Да хочешь ли, я прочту тебѣ стихи, которые вчера написалъ. Я ихъ не хотѣлъ показывать, считая неприличными... Но когда дѣло коснулось силы выраженія, я ихъ прочту тебѣ.

И онъ дѣйствительно прочиталъ:

Въ альбомъ

п о б о р н и к у в з я т о к ъ .

Вѣрно ты негодяй и мошенникъ,
Если ты ужъ рѣшился сказать,
Будто тотъ есть отчизны измѣнникъ,
Кто на взятки посмѣетъ возстать.

Нѣтъ, неправда, что тотъ есть скотина,
Вѣтрогонъ и пошлѣйшій дуракъ,
Кто не алчетъ высокаго чина,
Кто на службѣ не мпожитъ бумагъ.

Кто, служа безкорыстно и честно,
Не по взяткамъ расправу творить,
И, преслѣдуя зло повсемѣстно,
Чистой страстію къ долгу горить.

Нѣтъ, не онъ есть отчины губитель,
Губишь ты ее, злая змѣя,
Губишь ты ее, воръ и грабитель,
Ты, корыстный, рутинный судья.

Патріотомъ сльвешь ты, надменный,
Но отчину ты хвалишь, — губя...
О, съ какимъ аншетитомъ, презрѣнный,
Но зубамъ бы я съѣздилъ тебя!!!

— Ну, ужъ это неприлично, — воскликнуть я.
— Отчего же неприлично, — возразилъ мой
пріятель. — Если по горбамъ бить позволяется въ
поэзіи, такъ отчего же и въ зубы не съѣздить? Ести
инострanceвъ называть бесстыдниками и отступни-
ками, такъ почему же своего-то не назвать воромъ
и мошенникомъ! Ничего, можно...

— Можно-то, конечно, можно, да что же изъ
этого толку? Ты вѣдь пишешь все это на смѣхъ,
и въ стихахъ твоихъ такъ и гнило отсутствіе вся-
каго поэтическаго чувства, всякой искренности. На-
противъ г. Розенгеймъ, по крайней мѣрѣ по его
собственному признанію, пишетъ искренно. А со-
гласенъ, что благородныя убѣжденія, искренно вы-
сказавшись, всегда заслуживаютъ одобренія и
поощренія. Ты самъ, когда три тому назадъ, съ ра-
достью встрѣчалъ всякій пошлый голосъ, поднима-
вшійся въ литературѣ въ защиту правды и добра. От-
чего же ты вдругъ такъ переѣмнился?

— Я вовсе не переменился, — занавчиво возразилъ зной пріятель, — а вы обманули меня. Разумѣется, съ во должно предшествовать дѣлу; поэтому, услышавъ ваши возгласы, я и подумалъ, что если вы заговорили, то, значить, и за дѣло скоро возьметесь. Въ этой надеждѣ я и радовался, и поощрять ваши возгласы. Но очень скоро они мнѣ надоели, стали смѣшны и непріятны. Вы меня своими криками поставили въ положеніе человѣка, которому съ утра предложили пріятную прогулку. Погода прекрасная, мѣстоположеніе великолѣпное, все общество такъ и рвется вонъ изъ комнаты; но между тѣмъ все сидятъ по угламъ, разговаривая о предстоящей прогулкѣ. Проходитъ время до завтрака; за завтракомъ тотъ же разговоръ, тѣ же сборы. Все толкуютъ, что послѣ прогулки и обѣдъ будетъ пріятнѣе. Въ разсужденіяхъ съ этомъ проходитъ все время отъ завтрака до обѣда; за обѣдомъ все жаждутъ, что нѣтъ аппетита, оттого что не гуляли; собираются идти послѣ обѣда. Но послѣ обѣда все дремлетъ, а потомъ садятся за карты, все продолжая разговаривать о прогулкѣ. Ну, скажи пожалуйста, пріятно такое положеніе? По-моему — коли идти, такъ идти; а ежели нельзя идти, такъ нечего и толковать цѣлый день объ этомъ. Да пожалуйста и толкуй, наконецъ. Иногда это необходимо. Я самъ готовъ одно и то же цѣлую недѣлю долбить какому-нибудь дураку, который иначе не можетъ понять въ чемъ дѣло. Да только я этимъ гордиться не буду. Я буду говорить: вотъ въ какомъ я плачевномъ нахожусь положеніи; долженъ съ такимъ дуракомъ возиться, который ничего уразумѣть не можетъ ранѣе семи дней, и долженъ я съ нимъ одну и ту же каню по семи разъ ѣсть... Пожалѣй-

те, моль, меня бѣднаго. А у васъ то что дѣлается въ литературѣ? Вѣдь безобразіе. Каждая статья-нишка фельетонная, хоть бы то было о привилегированной ваксѣ, непременно начинается стереотипной фразой: «въ настоящее время, когда у насъ возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ . . . . Сколько ужъ дѣтъ это идетъ . . . . Все вопросы задаютъ . . . . Вотъ, подумаешь, ватага глухихъ собралась: одинъ другого спрашиваетъ, а никто ни разслушать, ни отвѣтить не можетъ. Да и вопросы-то все такіе мудреные: красть или не красть? бить въ рожу или не бить? молчать или говорить? . . . И кто скажетъ: *не красть* или *говорить*, - передъ тѣмъ всѣ сейчасъ и кинутся на колѣни. Ахъ, говорятъ, какъ ты уменъ, какъ ты благороденъ, какъ ты великъ! . . . Ну, что это за безобразіе! . . . У меня недавно было все тотъ же шутъ — Липленшвагеръ и оставилъ стихи, которыми онъ гордится, потому что дошелъ собственнымъ умомъ до мысли, въ нихъ выраженной. Мысль въ самомъ дѣлѣ хорошая: не нужно, говорить, таскать платки изъ чужихъ кармановъ. Да вотъ и самые стихи:

Моему ближнему

(Обличительное стихотвореніе.)

Знаю, что правду пишу и именъ не значу
Кантемиръ.

Брось ты промыселъ свой гнусный
Залѣзай въ чужой карманъ:
Пусть мошенникъ ты искусный,
Но постыденъ вѣдь обманъ.
По закону ты не смѣешь
Воровать чужихъ платковъ,
И часовъ коль не имѣешь,
Такъ останься безъ часовъ.

Вѣрь, что собственность священна,
Вѣрь, что грѣхъ и стыдно красть,
Вѣрь, что вора непременно
Наконецъ посадятъ въ часть,

Конрадъ Лилиеншвагеръ.

25 сентября 1858 г.

3 часа и 25 минутъ пополудни.

— Ты, конечно, ничего не имѣешь противъ справедливости этой мысли,—продолжать злой пріятель.—Превозноси же Конрада Лилиеншвагера за то, что онъ 25 сентября 1858 года, въ три часа и 25 минутъ пополудни, проникся этой высокой истинной и смѣло объявилъ, что таскать изъ кармановъ платки и часы — постыдно. Прочти его стихи въ кругу твоихъ пріятелей и распахайся предъ ними за то, что хотя въ стихахъ поэзіи нѣтъ, но отъ нихъ должно приходить въ восторгъ, потому что въ нихъ выражается благородное направленіе автора. Назови его поборникомъ правды и честности, провозвѣстникомъ здравыхъ идей, распространителемъ истинныхъ понятій о чести и добродѣтели. Вѣдь все это будетъ чистѣйшая правда. И я не вижу, отчего бы г. Розенгеймъ, говоря, «что къ богатству есть пути, кромѣ кражъ и взятокъ», заслуживалъ за это болѣе почтенія, нежели г. Лилиеншвагеръ, утверждающій, что «грѣхъ и стыдно красть».

— Все это такъ, — возразилъ я. — Но ты еще не знаешь одной стороны, въ которой особенно выражается сила таланта г. Розенгейма. У него есть «Русскія элегіи» и еще нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ онъ заглядываетъ въ душу взяточниковъ, изображаетъ ихъ чувства, ихъ образъ мыслей, и заставляетъ ихъ сокрушаться о печальномъ положеніи, въ которое поставлены они повѣмъ, безко-

рыстымъ направлѣнемъ, соединеннымъ съ гласностью. Я ихъ прочту тебѣ.

— А длинны?

— Нѣтъ, не въсь. Есть, правда, длинныя. Напримѣръ: «Восхода» сильно разѣхался въ длину и въ ширину: десять страницъ стиховъ рѣтъ какого размѣра:

Давно ужъ, въ тѣ годы, когда еще черти,
Шатаясь по свѣту, пугали людей, — и пр.

Но есть и коротенькія. Вотъ, напримѣръ, четвертая элегія занимаетъ всего три страницы.

— Нѣтъ, ужъ ты мнѣ лучше такъ расскажи, что въ нихъ содержится. Я не въ состояніи выслушать три страницы стиховъ г. Розенгейма.

— Да содержаніе ихъ известно. Въ одной элегіи жалуется на некое время выгнанный изъ службы взяточникъ, купившій свое мѣсто и средствомъ какой-то Акалыи Андревны. Чиновникъ этотъ несомнѣнно высокаго полета; онъ разсуждаетъ, что

можно, сбросивъ мундиръ, и съ дворецкимъ въ трактаръ завернуть, и съ курьеромъ сойтись.

Во второй и третьей элегіи разсуждаетъ тоже маленькій чиновникъ. Онъ сравниваетъ либерала столончалыка, который не хотѣлъ подписать какой-то бумаги, хотя ему *самъ солдатникъ* приказывалъ, да утверждаетъ, что хорошо толковать о безкорыстіи сочинителямъ, а на службу бывшему да еще семейному невозможно обойтись безъ взятка.

Въ четвертой элегіи доказывается, что взятка не есть воровство, а просто благодарность.

Не беремъ же мы насильно,
Не съ пожомъ изъ-за угла;

Принимаемъ, — что поспѣшно
Намъ причтется за дѣла.

Согласенъ, что все это очень справедливо и ловко подмѣчено: именно такъ въ взгляды взяточниковъ, именно такія оправданія они приводятъ. И при томъ замѣть, что г. Розенгеймъ не бросается въ кичливыя разсужденія, въ гвѣніе взгляды; онъ старательно вникаетъ въ подробности, нисходитъ въ самый ничтожный и смиренный классъ взяточниковъ и на нихъ обращаетъ оружіе своей сатиры. Въ образѣ его тщательности можно привести сельскую идиллію: «Недоимки». Здѣсь обличается вѣточничество волостного писаря и старосты Власа. Прими въ уваженіе, что это предметъ совершенно новый въ нашей литературѣ и далеко не ничтожный. Самъ авторъ замѣчаетъ:

У насъ писаря волостного правленья
Отнюдь не бездѣлка въ быту мужика.

Слѣдовательно, весьма важно для государства, чтобы волостной писарь былъ человекъ честный, и обличеніе его много можетъ подѣлать передъ благосостояніемъ нашего земледѣльческаго класса. Вотъ г. Розенгеймъ и описываетъ сборъ недоимокъ съ мужиковъ, да вѣдь съ какой подростностью! Онъ изображаетъ, какъ приходятъ къ мужику, разговариваютъ съ нимъ, сказываютъ, сколько на немъ недоимки, какъ онъ торгуется съ писаремъ. Писарь говоритъ:

Лежитъ недоимка съ семьи Горбылева,
Егора, три гривны да восемь цѣлковыхъ.

Мужикъ спорить, потомъ соглашается, упрашиваетъ, предлагаетъ полтину за отсрочку, староста лопочется, писарь велитъ прикинуть:

И гривну-другую прикинетъ мужикъ,
И будто поддается упрямый старикъ;
А писарь маячить: „Еще, братъ, полтишку,
Такъ можно отсрочить и всю недоимку“.

И отсрочить. Затѣмъ г. Розенгеймъ излагаетъ нѣсколько прекрасныхъ мыслей о справедливости и казенномъ интересѣ.

— И ты этимъ восхищаешься! — вскричалъ мой пріятель. — Ты не понимаешь, какъ много тяжелыхъ и грустныхъ мыслей возбуждаетъ то обстоятельство, что подобныя вещи находятся у насъ еще въ области поэзіи. Развѣ ты не знаешь, что въ Европѣ существуютъ для этого судебныя газеты, и что случаи, подобные рассказанному тобой, если и служатъ тамъ матеріаломъ для поэтической обработки, то никогда не называются поэтическими явленіями въ сыромъ своемъ видѣ. Да и у насъ — возьми «Полицейскія Вѣдомости»; вотъ тамъ настоящая поэзія: сколько грабежей, убійствъ, мертвыхъ тѣлъ найдешь ты постоянно въ дневникѣ приключеній! А если тебѣ стиховъ хочется, такъ обратись ко мнѣ. Я тебя познакомлю съ Лиліеншвагеромъ, и онъ тебѣ представитъ стихи съ такими мелкими подробностями, какихъ ты и не подозреваешь. Да вотъ, напримѣръ, не хочешь ли прочесть.

Уличенный мздоимецъ.

Одиннадцать рублей и тридцать три копейки
Вотъ мѣсячный окладъ Степана Омича.
На что же къ Рождеству онъ шьетъ женѣ шубейки,
А къ Пасхѣ дѣлаетъ четыре кулича?
Награды къ праздникамъ онъ, правда, получаетъ;
Но много ли? Всего рублей на пятьдесятъ,
И значить — это въ годъ всего-то составляетъ
Сто восемьдесятъ шесть цѣлковыхъ — весь окладъ,

И то безъ четырехъ копеекъ. Но положимъ,
 Что круглымъ счетомъ — въ годъ сто восемьдесятъ шесть
 Мы съ вами, думаю, едва ль представить можемъ,
 Какъ можно годъ, съ женой, на это ить и ѣсть.
 Но нашъ Степанъ Ѳомичъ наивно увѣряетъ,
 Что жалованьемъ онъ одѣтъ и сытъ съ женой.
 Квартирку, видите, онъ на Пескахъ снимаетъ,
 И въ мѣсяцъ ить рублей тамъ платитъ за постой,
 Да учить, сверхъ того, хозяйскаго сынишку
 Письму и чтенію, и за успѣхъ его
 Хозяинъ не беретъ съ жильцовъ полезныхъ лишку
 И даже за воду не проситъ ничего.
 Но все же шестидесятъ рублей вѣдь въ годъ придется;
 Да выйдетъ на дрова не меньше тридцати.
 Вотъ девяносто ужъ. Теперь — на столъ дастся
 Степаномъ Ѳомичемъ цѣлковыхъ по шести
 На каждый мѣсяцъ. Вотъ, какъ все-го сосчитаемъ,
 И выйдетъ серебромъ сто шестидесятъ ужъ два.
 Потомъ — Степанъ Ѳомичъ съ супругой любитъ чаемъ
 Согревъ себя разъ въ день, а въ праздники — и два.
 И выйдетъ въ годъ у нихъ четыре фунта чаю,
 Фунтъ въ два рубля, — такъ на восемь рублей;
 Полпуда сахару — фунтъ въ четвертакъ считая,
 Въ годъ пять рублей. При томъ у нихъ не безъ заты
 Въ день три копейки на бѣлый хлѣбъ изводятъ;
 Во сколько жъ въ цѣлый годъ имъ этотъ хлѣбъ войдетъ?
 Одинацать рублей безъ пятака входить,
 Ить даже безъ гроша, копь высокосный годъ.
 Теперь итогъ у нихъ какой же будетъ къ году,
 Съ начала до конца когда мы всеведемъ?
 Сто восемьдесятъ пять рублей у нихъ расходу
 И девяносто пять копеекъ серебромъ:
 Копейкой меньше, чѣмъ весь окладъ казенный!
 Но погодите: все вѣдь это въ годъ простой.
 А высокосный годъ!? Вотъ тутъ-то счетъ резонный
 Степана Ѳомича и обличить съ женой.
 Вѣдь въ высокосный годъ имъ лишнихъ двѣ копейки
 Сверхъ жалованья ихъ придется издержать.
 (Ужъ я не говорю про новыя шубейки
 И про обычаи ихъ на Пасхѣ пировать.)
 Откуда жъ этотъ грошъ, Степанъ Ѳомичъ почтенный,

Коль жалованьемъ вы содержитесь однимъ,
 Коль не торгуете вы деломъ тѣмъ священнымъ.
 Какой дежнѣ на васъ вѣсть бременемъ своимъ?
 Что скажете? Вы какъ въ смѣхъ себя бросили,
 Иль съ неба доль тронъ на бѣдность вамъ спешить?
 Ибѣ, ужь довольно насъ вы за носъ всѣхъ водили:
 Теперь по Щедрину весь русскій свѣтъ узналъ.
 Узнали мы теперь, откуда вы берете
 Преступные гроши, исчадія грѣха
 Несчастныхъ кровь и потъ вы въ свои карманы кладете!
 На праздникъ вамъ идетъ вдовъ и сиротъ крохъ!
 Корицы мелочной вы жертвуете честью,
 Закономъ, правдою, любовію къ добру;
 Вы существуете лишь подкупомъ и лестью,
 Вы падки къ золоту, покорны серебру!!!
 Вы всѣ заражены іудинимъ порокомъ,
 Межъ вами царствуетъ издомство, лезть и толкать...
 Но горе! я возсталъ карающимъ порокомъ,
 И обличу я васъ за какіе вы дѣла тронъ!!!...

— Мнѣ кажется, что это стихотвореніе весьма замѣчательно, — съ притворной важностью произнесъ злой пріятель, когда я кончилъ чтеніе стиховъ. — По-моему, Лиліеншлагеръ дошелъ до такой отчетливости въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ, до которой никто еще не доходилъ изъ русскихъ поэтовъ-обличителей. И при томъ стихотвореніе его имѣетъ важное общественное значеніе: въ немъ показывается, на какомъ мелочномъ, вздорномъ бо-
 стоятельствѣ можно иногда поймать человека и открыть злоупотребленіе. Неужели же авторъ этого стихотворенія не можетъ быть поставленъ на ряду съ гг. Розенгеймомъ, Бенедиктовымъ и т. п.? Неужели нельзя его превознести и возвеличить за то, что онъ проповѣдуетъ благородныя мысли? Вѣдь мы признали же возможнымъ прославлять многихъ другихъ, единственно на этомъ основаніи...

Знаешь ли что — замѣтилъ я моему злому

пріятелю: — мнѣ кажется, что тебя могутъ причис-
лить къ тому разряду людей, которыхъ изобража-
етъ г. Розенгеймъ въ стихотвореніи «Космополиту».
Подъ и ченемъ космополитовъ разумѣть онъ тѣхъ,
которые «все ругаютъ напоказъ». Въдѣ ты тоже
никогда и ничѣмъ не бываешь доволенъ. Но от-
чего происходитъ это недовольство? Послунай-ко,
какъ раскрываетъ его причины г. Розенгеймъ:

Васъ терзаетъ незначительность,
Душитъ, словно въ горлѣ кость,
И отсюда раздражительность,
И отсюда желчь и злость!
Есть въ васъ умъ и часомъ знанія,
Только сердце не дано,
И корыстное желаніе
Вами властвуетъ одно.

Ужъ не читалъ ли ты прежде это стихотво-
реніе, и не оттого ли ты такъ глумишься на до-
стоинства г. Розенгейма? — прибавилъ я.

Пріятель мой грустно улыбнулся.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ: — этого я не чи-
талъ. Но стихи, прочитанные тобою теперь, при-
годятъ меня къ заключенію еще болѣе печальному,
нежели тѣ, что ты читалъ мнѣ прежде. Ты мнѣ все
толковалъ о благородствѣ убѣжденій, которое надо
имѣть въ авторѣ, за отсутствіемъ поэтическихъ
достоинствъ, и я до сихъ поръ не могъ съ тобою
спорить объ этомъ основательно. Но теперь ты
мнѣ даешь оружіе противъ себя. Скажи мнѣ, что
нужно думать объ убѣжденіяхъ человека, который
не можетъ понять убѣжденій въ другихъ? Отрица-
ніе возможности какого-нибудь явленія всегда по-
казываетъ, что это явленіе неслѣдственно и непо-
стижимо отрицающему. Если ты меня ста-

иснь увѣрять, что любовь есть вздоръ и выдумка, что она невозможна въ дѣйствительности, — для меня тотчасъ будетъ ясно изъ этого, что ты никогда не любишь. Ежели ты скажешь, что невозможно имѣть въ рукахъ казенныя деньги и не поживиться ими, я выравъ заключить, что тебѣ недоступно чувство безкорыстія. Такъ точно, если ты отвергаешь въ людяхъ возможность искренняго, глубокаго, безкорыстнаго убѣжденія, то я вполне основательно могу вывести, что тебѣ самому незнакомы никакія убѣжденія. Такіе же выводы дѣлаю я изъ всѣхъ *повальныхъ* обвиненій: замѣть, что лжецу всегда прежде другихъ закрадывается въ голову подозрѣніе, не обманываютъ ли его, воръ внимательно осматривается, чтобы не обокрали его. Вообще — довѣріе къ искренности и благонамѣренности другихъ всегда въ человѣкѣ соразмѣрно съ сознаніемъ собственной искренности и благонамѣренности. Вотъ почему на меня такъ тяжело дѣйствуетъ повальное обвиненіе, состоящее въ томъ, что всѣ люди извѣстныхъ убѣжденій обнаруживаютъ эти убѣжденія единственно «изъ корыстнаго желанія». Тотъ, кто произноситъ подобное обвиненіе, теоритъ судъ надъ самимъ собою.

Злой пріятель мой ушелъ, оставивъ меня въ рѣшительномъ недоумѣніи насчетъ г. Розенгейма. Онъ совершенно сбилъ меня съ толку, такъ что я уже никакъ не могу теперь сказать что-нибудь положительное о тѣхъ стихотвореніяхъ г. Розенгейма, которыя относятся къ разряду общественныхъ *идеологическихъ*. Одно только и могу замѣтить: въ нихъ нѣтъ ничего поэтическаго, стихи длинные, речки и преисполнены хромыми рифмами; впрочемъ, читатели усилъ, вѣроятно, уже и безъ меня это замѣ-

тить. Относительно всего остального предлагаю мнѣніе моего пріятеля, предупреждая, разумѣется, читателей, что кто хочетъ, тотъ можетъ ему и не вѣрить, ибо онъ есть человѣкъ злющій.

Но у г. Розенгейма не всѣ же стихотворенія посвящены общественнымъ вопросамъ. Есть у него и чувствительныя пьесы, въ родѣ: «Прости», «Природа», «Звуки», «Она пѣла, и чудные звуки», и проч. Есть и описательныя — «Кавказъ», «Ущелье», «Потокъ» и т. п. Есть эпиграммы, въ образцѣ которыхъ можно выписать слѣдующую:

Дуэлисту.

Скотишься, душенька, не рвись ты на дуэль
Изъ страсти бѣшеной прославиться героемъ;
Убьешь тебя — бѣда: звать станутъ скотобоемъ;
А не убить нельзя — осель большая цѣль.

Безъ всякихъ обиняковъ назвать человѣка скотомъ и осломъ — это остроуміе, достойное поэта, принявшаго на себя долгъ обличать общественные пороки!

Но особенно характерны у г. Розенгейма стихотворенія эротическаго содержанія. Каждый изъ читателей знаетъ, конечно, что этотъ предметъ — живая струна каждаго, даже самаго плохенькаго поэта. Въ цѣлой книжкѣ стихотвореній можетъ иногда быть совершенное отсутствіе таланта, задумчивости, искренняго чувства; но въ числѣ пьесъ, внушенныхъ чувствомъ любви, непременно найдется хоть нѣсколько стиховъ, вылившихся изъ сердца, хоть нѣсколько звуковъ, поражающихъ своей теплотою и искренностью. Мало того — даже люди, вовсе не имѣющіе притязаній на поэтическій талантъ, одушевляются поэтическимъ жаромъ и при-

нимаются кропать стинки, иногда недурные, когда любовь овладѣтъ ихъ сердцемъ. Подъ влічіемъ этого чувства человекъ становится идеальнѣе, чище и нѣжнѣе, съѣтъ его любви разливается на все окружающее, все для него кажется такъ свѣтло и благодатно, и слюта сердечной жизни проситъ выраженія въ звукахъ, и каждый человекъ въ это время чувствуетъ на себѣ слова поэта:

Gross ist das Meer und der Himmel,
Doch grösser ist mein Herz,
Und schöner als Perlen und Sterne
Leuchtet und strahlt meine Liebe ¹.

Къ удивленію нашему, мы ничего подобнаго не встрѣтили въ стихотвореніяхъ г. Розенфйма. Ни малѣйшаго проблеска какого-нибудь чувства, какихъ-нибудь стремленій, кроме напряженности животныхъ силъ организма, не замѣтно въ эротическихъ его стихотвореніяхъ. У него есть, напримѣръ, стихотвореніе, обращенное къ сыну своему предмету любви и начинающееся стихами:

Помнишь, другъ мой, какъ бывало,
Уложивши мужа спать,
Ты украдкою сбѣгала
Внизъ ко мнѣ... потолковать?..

Далѣе авторъ вспоминаетъ, какъ онъ «любилъ мятежный груди валъ», потомъ

Какъ, стыдливая, сначала
Тихимъ ропотомъ своимъ
Ты противилась бывало
Ласкамъ бвнненнымъ моимъ;
Какъ потомъ, въ моихъ объятыхъ, —
Что за роскошь, что за пиръ! [!?] —

¹ Велико это море и небо, но больше ихъ мое сердце, прекрасный, чѣмъ перлы и звѣзды, свѣтитъ и блеститъ любовь моя.

Забывала строгость братьевъ,
Ревность мужа, цѣлый міръ?

Теперь ужъ не то, — продолжаетъ авторъ, —
мы состарѣлись, бранимъ растѣвше нравовъ и при-
кидываемся цѣломудренными.

Но затѣмъ мы судимъ строго,
Что ни въ комъ изъ молодыхъ
Нѣтъ охоты, хоть немного,
Порастлить и насъ самихъ;
Что должны мы въ горѣ нашемъ
Утѣнать себя порой, —
Я — модисткою Наташей,
Ты — буфетчикомъ Омой...

Предоставляемъ читателямъ опредѣлить, какого
рода чувствомъ могло быть вышнено подобное сти-
хотвореніе.

Въ такомъ же характерѣ есть у г. Розенгейма
другое стихотвореніе, «Сосѣдка», очень длинное и
раздѣленное на три части. Въ первой рассказыва-
ется, какъ онъ ходитъ къ сосѣдкѣ, чтобы только
взглянуть на нее; во второй, — какъ онъ подема-
тривалъ, когда сосѣдка съ сестрою купались. Когда
онъ совсемъ развѣнчался, — говоритъ онъ, —

Что я видѣлъ, сказать не беруся,
Но хоть было средь бѣлаго дня,
Огъ восторга и страсти, божуся.
Погемнѣло въ глазахъ у меня...

Кровь кипѣла во мнѣ ключомъ, и я бы отдалъ
полжизни, — продолжаетъ онъ, —

Чтобы въ игры ихъ смѣло вмѣшаться,
На себѣ ихъ носить и качать,
Къ ихъ роскошному тѣлу касаться,
Ихъ чудесныя формы ласкать.

*Подавляемый этимъ желаніемъ,
Чтобъ бѣды не надѣлать какой [??],
Не дождавшись конца ихъ купанья,
Какъ шальной убѣжалъ я домой.*

Въ третьей части того же стихотворенія рассказываетъ авторъ, — какъ онъ, узнавъ, что сосѣдка по ночамъ прогуливается въ саду, перелѣзъ черезъ заборъ, встрѣтилъ ее; она его спросила, зачѣмъ онъ тутъ; онъ смутился. Но —

*Щечки рдѣли, высоко вздымалась
Подъ капотикомъ груди волна.
Все въ ней нѣгою чудной дышало,
Все манило, звало на любовь.*

Кончилось тѣмъ, что сосѣдка осталась съ нимъ въ саду,

*И когда надо было уйти,
Съ поцѣлуемъ его отпустила,
И опять наказала придти.*

Такъ исполнилось желаніе автора — «касаться къ роскошному тѣлу сосѣдки и ея чудесныя формы ласкать».

Въ томъ же родѣ и другія стихотворенія г. Розенгейма, воспѣвающія любовь. Въ одномъ онъ вспоминаетъ, какъ бывало, —

*Онъ склонялся къ дѣвѣ страстной
И, забывъ про свой бокалъ,
На груди ея атласной
Беззаботно засыпалъ.*

Въ другомъ («Мексиканская пѣсня») онъ влагаетъ въ уста дѣвушки такіе стихи:

*Я созрѣла, я готова
Для любви твоей.*

Погляди, какъ въ плесь прибрежный
Море бьетъ волной мятежной.

Знаю двѣ волны,
Ихъ тревожище движенья,
Страстной иги и томленья,
Бурныя, полны...

Въ третьемъ («Отрывки изъ повѣсти») изображается женщина, у которой

Бѣлоснѣжной груди двѣ горячихъ волны
Буйно бьютъ о корсетъ, жаждой волн полны.
И чѣго не сулитъ этихъ волнъ переливъ,
Ихъ мятежная зыбь, ихъ приливъ и отливъ!...

Прочитавши эти стихотворенія, я даже подумалъ однажды: не имѣютъ ли уже основанія слова моего пріятеля (любящаго иногда выражаться нѣсколько рѣзко), что стихи г. Розенгейма представляютъ «не совсѣмъ ароматное поило, настоящее на гноѣ общественныхъ ранъ и на гнилой клубничкѣ»...

Оканчивая этимъ замѣчаніемъ нашу, до нельзя растянувшуюся рецензію, укажемъ въ заключеніе на одно обстоятельство, которое должно пробудить дѣятельность нашихъ библіографовъ. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 г. (№ 14, отд. I, стр. 323 -- 326) напечатаны были «Три неизданные стихотворенія Лермонтова», съ примѣчаніемъ отъ редакціи, въ которомъ говорилось, что стихотворенія эти доставлены ближайшей родственницей покойнаго поэта, что «они принадлежатъ къ позднѣйшей порѣ его жизни и хотя еще не получили окончательной отдѣлки, однако и въ этомъ видѣ высоко замѣчательны». Второе изъ этихъ стихотвореній: «А годы несутся, а годы летятъ» — цѣликомъ вошло нынѣ въ стихотвореніе г. Розенгейма: «Дума» (стр. 226 —

228). У г. Розенгейма стихи нѣсколько измѣнены, именно во всѣхъ сдѣлано равное количество стопъ, чего въ «Русскомъ Вѣстникѣ» не было. Напр., вмѣсто стиха:

Ошибокъ, утратъ, огорченій,

у г. Розенгейма стихъ —

Ошибокъ, *разлада*, утратъ, огорченій.

Вмѣсто —

Что сгнбло въ туманѣ сомнѣній,

у г. Розенгейма —

Что гнбло, *задохлось* въ туманѣ сомнѣній.

Вмѣсто —

Уста мои чисты и святы,

у г. Розенгейма —

Уста и *перо* мои чисты и святы.

Стихи —

Всю жизнь я, казалось, старался идти
Дорогой труда благородной,
Стыдился душою торговлю вести

. . . . .

измѣнены такъ:

Всю жизнь неуклонно и честно я шелъ,
Казалось, дорогой труда благородной,
Не подличалъ сердцемъ, — стыдился, не вель
Душою торговли, такъ часто доходной!..

Судя по этимъ измѣненіямъ, можно думать, что не «Русскій Вѣстникъ» ошибся, печатая стихотвореніе г. Розенгейма и съ именемъ Лермонтова, а г. Розенгеймъ попалъ въ заблужденіе, дая окончательную отдышку стихамъ Лермонтова, можетъ быть случайно оставшимся у него въ рукахъ, какъ у пріятеля поэта. Впрочемъ, въ настоящее время, когда въ нашемъ отечествѣ возбуждено такъ много

общественныхъ вопросовъ, когда въ нашемъ обществѣ проявилось благородное стремленіе къ правдѣ и свѣту, когда всѣ отдѣлы знанія достигли такой высокой степени совершенства, когда на плодотворномъ поприщѣ библіографіи трудится, подъ предводительствомъ маститаго библіофила С. Н. Полторацкаго, цѣлая фаланга мужей столь ревностныхъ, какъ гг. Аоанасьевъ, Буличъ, Гаевскій, Галаховъ, Геннадіи, Гербель, Лазаревскій, Лонгиновъ, Л. Майковъ, Тихомировъ и пр., и пр., — въ настоящее время, столь чреватое благотворными результатами, добываемыми во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, въ настоящее время, — говорю, — вопросъ столь великой важности не можетъ долгое время остаться неразрѣшеннымъ. Спеціальныя органы библіографіи посвятятъ ему, конечно, цѣлый рядъ живыхъ и занимательныхъ статей; но за нами навсегда останется честь открытія столь замѣчательнаго факта. Мы съ гордостью можемъ оглянуться на свою рецензію и сказать, что если мы даже и не сказали въ ней ничего путнаго, то все-таки приобрѣли ею право на вниманіе потомства, ибо поставили вопросъ, который долженъ занять не послѣднее мѣсто въ исторіи русской библіографической науки.

Свистокъ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и
другихъ замѣтокъ.

№ 1.

Вступленіе.

Различные бываютъ свисты: свиститъ аквилонъ (сѣверный вѣтръ), проносясь по полямъ и дубравамъ; свиститъ соловей, сидя на вѣткѣ и любуясь красотами творенія; свиститъ хлыстикъ, когда имъ сильно взмахиваешь по воздуху; свиститъ благоправный юноша въ знакъ сердечнаго удовольствія; свиститъ городской на улицѣ, когда того требуетъ общественное благо... Спѣшимъ предупредить читателей, что мы изъ всѣхъ многоразличныхъ родовъ свиста имѣемъ преимущественную претензію только на два: юношескій и соловьиный. Свистъ аквилона, конечно, имѣетъ свои достоинства: грозно проносясь по обнаженному полю и клубомъ взвѣвая прахъ летучій, сей вѣтеръ своимъ свистомъ приводитъ душу въ трепетъ и благоговѣніе. Но монополія аквилоннаго свиста давно уже пріобрѣтена г. Байбородой, котораго избличительныя письма, говорятъ, вырываютъ дубы съ корнями. Мы не чув-

ствуемъ въ себѣ столь великихъ силъ, и наши стремленія гораздо умѣреннѣе. — Свистъ хлыста и бича — тоже не дурень; но онъ какъ-то мало ласкаетъ наше слухъ, мы не хотимъ брать на него привлекію, брошенную недавно самимъ княземъ Черкасскимъ, который пожелать было пріобрѣсть ее на неопредѣленное время для себя и своего потомства. Пріятнѣе звучитъ для насъ свистъ городского; но мы, по природной застычивости, считаемъ себя не въ правѣ предъявлять претензію на то, для чего существуетъ установленная городская власть. Совершенно другое дѣло — свистъ благонаправнаго юноши, почтительный, умѣренный и означающій кроткое расположеніе духа, хотя въ то же время нѣсколько игривый. На такой свистъ мы имѣемъ полное право, потому что, во-первыхъ — мы благонаправны; во-вторыхъ — если мы и не юноши, то кому какое дѣло до нашихъ лѣтъ? и въ-третьихъ — мы всегда находимся въ отличнѣйшемъ расположеніи духа. Свистъ соловья также намъ очень приличенъ, ибо хотя мы въ сущности и не соловьи, но красотами творенія любимъ наслаждаться. При томъ же соловей въ истинномъ своемъ значеніи есть не что иное какъ подобіе поэта, такъ какъ давно уже сказано:

Соловей, какъ Щербина, поетъ.

А у насъ въ натурѣ весьма много поэтическихъ элементовъ, вельдствіе чего мы и видимъ весь міръ въ розовомъ свѣтѣ. Итакъ — читателю да будетъ извѣстно, что мы свистимъ не по злобѣ или негодованію, не для хулы или осмѣянія, а единственно отъ избытка чувствъ; отъ сознанія красоты и благоустройства всего существующаго, отъ совершеннѣйшаго довольства всѣмъ на свѣтѣ. Нашъ свистъ есть

соловьиная трель радости, любви и тихаго восторга юношеская жизнь мира, спокойствія и свѣтлаго наслажденія — все въ прекрасномъ и возмнѣваемомъ.

Итакъ, наша задача состоитъ въ томъ, чтобы отъвѣчать кроткимъ и умиленнымъ свистомъ на все прекрасное, являющееся въ жизни и въ литературѣ. Преимущественно литература занимаетъ и будетъ занимать насъ, такъ какъ ея современные дѣтели представляютъ въ своихъ произведеніяхъ неисчерпаемое море прекраснаго и благороднаго. Они водворяютъ, такъ сказать, вѣчную весну въ нашей читающей публикѣ, и мы можемъ безопасно, сидя на вѣткѣ общественныхъ вопросовъ, наслаждаться красотами ихъ твореній.

И первый, благодарный свистъ нашъ да раздается въ честь поэтовъ, прославляющихъ нынѣ русскую землю. То свистъ недавно прославленный, исполненный благородства, поэтъ Конрадъ Лилиеншвагеръ.

Мотивы современной русской поэзіи.

1.

СОВРЕМЕННЫЙ ХОРЪ.

(Послѣдствуетъ вѣсѣмъ знающимъ людямъ.)

Слава намъ! Въ поганой дужѣ

Мы давно стоимъ,

И чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже

Все себя грязнимъ!

Слава намъ! Безъ ослѣпленья

На себя мы зримъ

И о нашемъ положеньи

Громко мы кричимъ.

Сознаемъ мы откровенно,
 Какъ мы всѣ грязны,
 Какъ вонючи, какъ презрѣнны
 И для всѣхъ смѣшны.
 Слава намъ! Въ грѣхахъ сознанье
 Мы творимъ смѣясь.
 И слезами покаянья
 Мы разводимъ грязь.
 Гордо, весело и прямо
 Всѣмъ мы говоримъ:
 «Знаемъ мы, чѣмъ пахнетъ яма,
 Въ коей мы стоимъ . . .»
 Другъ на другѣ растираемъ
 Мы вонючій илъ
 И другъ друга мы ругаемъ,
 Сколько хватитъ силъ.
 Справедливо мы гордимся
 Подвигомъ такимъ,
 И ужъ больше не стыдимся,
 Что въ грязи стоимъ.
 Смѣло мы теперь смѣемся
 Сами надъ собой
 И безъ страха окунемся
 Въ грязь — хоть съ головой . . .

2.

ВСЕГДА И ВЕЗДѢ.

(Посвящается гг. Надикозу, Волкозу, Фролозу, Фолынскому и подобнымъ.)

Я видѣлъ муху въ паутинѣ; —
 Паукъ несчастную сосалъ;
 И вспомнилъ я о господинѣ,
 Который съ бѣдныхъ взятки бралъ.

Я видѣлъ червя на малинѣ, —
Обвилъ онъ ягоду кругомъ:
И вспомнилъ я о господинѣ,
На взятки выстроившемъ домъ.

Я видѣлъ ручеекъ въ долині, —
Віясь коварно, онъ журчалъ;
И вспомнилъ я о господинѣ,
Который криво судъ свершалъ.

Я видѣлъ дѣву на картинѣ, —
Совсѣмъ нага она была;
И вспомнилъ я о господинѣ,
Что обиралъ истцовъ до тла.

Я видѣлъ даму въ кринолинѣ, —
Ей вѣтеръ платье поддувалъ;
И вспомнилъ я о господинѣ,
Что подсудимыхъ надувалъ.

Я видѣлъ Фридбергъ въ «Катаринѣ», —
Дивился я ея ногамъ,
И вспомнилъ я о господинѣ,
Дающемъ ложный ходъ дѣламъ.

Въ салонѣ молодой графини
Я слышалъ рѣчи про добро,
И вспоминалъ о господинѣ,
Что дѣломъ фальшитъ за серебро.

Лягушку ль видѣлъ я въ трясинѣ,
Въ театрѣ ль рядъ прелестныхъ лицъ
Шмеля ли зрѣлъ на георгинѣ,
Иль офицеровъ вкругъ дѣвицъ, —

Вездѣ, въ столицѣ и въ пустынѣ,
И на землѣ, и на водѣ, —
Я вспоминалъ о господинѣ,
Берущимъ взятки на судѣ!..

3.

МЫСЛИ ПОМОЩНИКА ВИННАГО ПРИСТАВА.

Еще откупъ имѣеть поборниковъ,
 Но могу на него я возстать;
 Генераль Сидоръ Карповичъ Дворниковъ
 Самъ ужъ началъ его порицать.

Признаюсь, я давненько, дѣйствительно,
 Злобу къ откупу въ сердце питалъ,
 Хоть досель ни слова рѣшительно
 Никому про него не сказалъ.

Низко кланялся я цаловальникамъ
 И повѣреннымъ тонко я льстилъ
 (Подражая ближайшимъ начальникамъ),
 Но теперь — генераль разрѣшилъ.

Поощренье его генеральское
 Влило бодрость и силу въ меня:
 Откуповъ учрежденье канальское
 Я клянусь среди ночи и дня.

Въ немъ для публики всей разореніе,
 Въ немъ великій ущербъ для казны,
 Въ немъ и нравовъ народныхъ растлѣніе,
 Въ немъ позоръ и гибель страны.

Поражать рѣчью дерзкой, открытою
 Буду я молодцовъ откупныхъ,
 Посмѣюсь я надъ кастой побитою,
 Зло старинное вылью на нихъ.

Говорить и браниться язвительно
 Поощрилъ меня самъ генераль.
 Хоть все кажется мнѣ, что внушительно
 Вдругъ онъ скажетъ: «молчи, либераль!»

Что жъ? Ему эти вещи извѣстны:
 Намъ онъ можетъ всегда приказать.
 Коль наскучимъ ему нашей пѣсней,
 Долгъ его — приказать намъ молчать . . .

4.

ЧУВСТВО ЗАКОННОСТИ.

Вотъ вамъ новый предметъ обличенія.
 Избѣгалъ онъ доселѣ сатиры,
 Но я вышелъ теперь изъ терпѣнія
 И повѣдаю цѣлому міру

*Отъ извозчиковъ зло и опасности,
 Ни одинъ изъ поборниковъ гласности
 О которыхъ по робости страшной
 Не возвысилъ свой голосъ гуманный.*

Дважды въ годъ, какъ извѣстно, снимаются
 Всѣ мосты на Невѣ, и въ то время
 За рѣку сообщенія свершаются
 Черезъ мостъ Благовѣщенскійъ всѣми.

Тутъ есмы ванькамъ закономъ прибавлена
 За концы отдаленные плата;
 Но обычная такса оставлена
 Круглый годъ нерушимо и свято —

На Васильевскій Островъ и къ Смольному.
 Какъ же Ваньки законъ соблюдаютъ?
 Только гнѣва порыву невольному
 Патріота они подвергаютъ . . .

Разъ мнѣ осенью въ Пятую линію
 Изъ-подъ Смольнаго бхать случилось.
 Занесло меня клочьями инея,
 Больше часа ѣзда наша длилась.

По прїѣздѣ я, вынувъ двугривенный,
Пять копеекъ потребовать сдани.
Что жъ мой ванька? — «Да, баринъ, трехгри-
венный . . .

«Наша такція нонче иначе . . .»

— Какъ иначе? — «Да какъ же? Указано
«Вдвое брать, какъ мосты-то снимаютъ».

Покажи мнѣ, плутъ, гдѣ это сказано?
Гдѣ про Островъ законъ поминаеть?

«Что мнѣ, сударь, напрасно показывать!
«Колн съѣсти нѣтъ, такъ ужъ, видно,
«Неча съ вами и дѣло завязывать . . .
«Только больно мнѣ эфто обидно».

И сказавши, хлестнуть снѣ рѣшительно
Лошаденку, и сталъ удаляться. .

На него закричать я пронзительно,
Что снѣ долженъ со мной расквитаться.

Но услыша мое восклицаніе
И пятакъ мнѣ отдать не желая,
Снѣ поѣхалъ быстрее . . . Въ молчаніи
Я стоить, за нѣтъ мысль устремляя.

Я обрабленъ канальей безвѣстною . . .
Но не это меня сокрушало:
Горько было, что ложью безчестною
Эта шельма законъ искажала . . .

Я подумать о томъ, какъ въ Британіи
Уважаются свято законы,
И въ груди закипѣли рыданія,
Раздались мои громкіе стоны . . .

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

Письмо изъ провинціи.

Какое торжество готовить древній Римъ?
Куда текутъ народа шумны волны?

Иначе сказать — куда направляется литературная процессія, извѣстія о которой, вотъ уже почти два мѣсяца, безпрерывно приносятся къ намъ петербургской и московской почтою? Какое торжество готовить вся наша литературная братія, которая въ послѣднее время все «ныщется гору родити»?.. Что за шумная исторія поднята вами¹ противъ поступка «Иллюстраціи»? *Поступокъ*, по общему мнѣнію публики, состоялъ въ томъ, что «Знакомый человѣкъ» по-русски писать не умѣетъ (иначе ужъ конечно онъ обругалъ бы своихъ противниковъ такъ, что прижаться было бы не къ чему); а вы привязались къ нему, какъ будто и къ грамотному, какъ будто и къ путному... Грѣшнѣйшій человѣкъ, я долго не понималъ, къ чему и изъ-за чего вся эта исторія. Написалъ я къ одному пріятелю въ Петербургъ, прося объяснить, что такое протестъ, почему протестъ, зачѣмъ протестъ? А тотъ отвѣчать мнѣ только двумя стихами:

Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипить, то силъ избытокъ...

Тогда выписалъ я «Иллюстрацію» (нѣсколько моихъ знакомыхъ то же сдѣлали послѣ вашего протеста), посмотрѣлъ, почиталъ ее: ничего, — журналецъ какъ журналецъ. Припомнилъ, не было ли за нею прежде какихъ-нибудь *исторій*: никакихъ. До ноября мѣсяца о ней и не знали вовсе... Она видимо старалась привлечь къ себѣ общее вниманіе: и ри-

¹ Не нами, вовсе не нами? Кто сказалъ, что нами? *Ред.*

сунки графа Толстого къ стихотвореніямъ г. Щербинны печатала, и майскій парадъ, и формы генеральскихъ мундировъ помѣщала, и о политикѣ вкривъ и вкосъ разсуждала, и о людодѣдахъ писала, и съ «Сѣверной Пчелой» вела полемику . . . нѣтъ, ничто не помогало. Никто ея не зналъ, никто о ней не говорилъ, журналы какъ будто и не подозрѣвали ея существованія. Шла себѣ «Иллюстрація» тихо и вяло, точно длинный обозъ, котораго убогая и похоронная медленность не нарушается даже тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ возахъ запряжены очень горячія лошади.

И вдругъ — все перемѣнилось. Какъ электрическая искра, мгновенно пронеслось, говорятъ, по Петербургу слово «Иллюстрація», по телеграфу переслана молва о ней въ Москву; а оттуда быстро разѣхалась по губерніямъ и уѣздамъ. Къ намъ писали сюда, что у васъ въ литературныхъ кругахъ повсюду стали разсуждать объ «Иллюстраціи» съ такимъ же жаромъ, какъ годъ тому назадъ о крестьянскомъ вопросѣ; въ книжныхъ лавкахъ, въ библіотекахъ для чтенія, безпрестанно, говорятъ, спрашивали «Иллюстрацію»; въ кондитерскихъ, выписывавшихъ «Иллюстрацію», учетверилось количество посѣтителей, тогда какъ другія, не имѣвшія «Иллюстраціи», опустѣли. «Странно было войти въ сін послѣднія, — писалъ мнѣ одинъ знакомый, — мракъ и запустѣніе царствовали въ нихъ; служители бродили, блѣдные и тощіе, какъ могильныя тѣни; на лицѣ хозяина написано было мрачное отчаяніе . . .» Сказывали, что у васъ даже появиться въ образованное общество человеку, не читавшему «Иллюстраціи», сдѣлалось невозможнымъ, ибо это значило бы просидѣть дуракомъ весь вечеръ, не

имѣя возможности принять участіе въ общемъ разговорѣ. Скоро и у насъ въ провинціи вопросъ объ «Иллюстраціи» оттіснитъ на второй планъ всѣ другіе вопросы, ибо стало невозможнымъ чтеніе журналовъ безъ предварительныхъ познаній въ «Иллюстраціи»: начиная съ «Русскаго Иералида», о ней заговорили почти всѣ журналы: «Русскій Вѣстникъ», «Атеней», «Библіотека для Чтенія», «Современникъ», «Московскія Вѣдомости», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Одесскій Вѣстникъ», «Сѣверная Пчела», даже самъ «Весельчакъ». Одна фраза изъ «Иллюстраціи» задавалась какъ тезисъ для глубокомысленныхъ рассужденій, другія фразы разбирались, перечитывались и переносывались съ заботливостью и нѣжностью, достойными лучшей участи. Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» одна изъ фразъ «Иллюстраціи» перепечатана четыре раза въ одной и той же книжкѣ. Лучшіе наши ученые и литераторы приняли участіе въ движеніи вопроса объ «Иллюстраціи». Самъ Н. Ф. Павловъ, знаменитый критикъ, только въ экстренныхъ, исключительныхъ случаяхъ берущійся за остроумное перо свое, написалъ статейку объ «Иллюстраціи».

И отчего же произошло столь внезапное перемѣна? чему обязана «Иллюстрація» пріобрѣтеніемъ толикой славы?

Грустно отвѣтить на этотъ вопросъ начальными словами одного поучительнаго рассужденія, котораго я теперь не помню, потому что уцѣль его когда-то наизусть: «бываютъ геростратова слава...».

Дальше не пошло уже, но должно и не нужно: смыслъ рѣчи понятенъ изъ первыхъ трехъ словъ.

Да, слава «Иллюстраціи» — геростратова слава. Я рѣшительно подозреваю, что «Иллюстрація» дав

но преслѣдовала ту же цѣль, что и Геростратъ. Да и способъ-то употребила тотъ же: Геростратъ сжегъ храмъ, а «Иллюстрація» напечатала статью, составляющую, по справедливому замѣчанію г. Чацкина, «жалкое отраженіе того зловѣщаго огня, которымъ нѣкогда зажигались костры на площадяхъ Мадрида». Это отраженіе мадридскаго огня «Иллюстрація» направила противъ евреевъ (знала противъ кого направить!), — и вамъ извѣстно, что изъ того послѣдовало: *«всемирное обозрѣніе»* получило славу, дѣйствительно всемирную... Не знаю, совершенно ли полны мои свѣдѣнія; но вотъ главные изъ данныхъ, мнѣ извѣстныхъ. Г-нъ Чацкинъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», г. Горвицъ въ «Атенеѣ», г. Оаддей Березкинъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» и можетъ еще кто-нибудь — написали возраженія на статью «Иллюстраціи», которая была подписана «Знакомымъ человѣкомъ». «Знакомый человѣкъ» въ отвѣтъ на ихъ возраженія написалъ, что они, конечно, *агенты жида Н.*, который не жалѣетъ золота для славы своего имени. Послѣ этого г. Чацкинъ обнародовалъ въ «Моск. Вѣдомостяхъ» письмо къ редактору «Иллюстраціи», котораго содержаніе заключалось въ слѣдующемъ:

Задѣтъ мою амбицію
Я не позволю вамъ:
На васъ, сударь, въ полицію
Я жалобу подамъ.

Объявите, говорятъ, что вы отказываетесь отъ вѣщей наглої клеветы, а не то я въ судъ пойду. И въ заключеніе прибавляетъ: поколотить бы, говорятъ, васъ слѣдовало, да это не такъ *гласно* было бы; такъ я для пущей гласности печатно объ этомъ

заявляю . . . «Обвиненіе, говорить, сдѣлано было печатно, а слѣдовательно и удовлетвореніе должно имѣть ту гласность, которой не доставило бы мнѣ кулачное право».

Еще не успѣла «Иллюстрація» отвѣтить на письмо г. Чацкина, какъ появился «Литературный протестъ», въ которомъ излагалось обстоятельно все дѣло обвиненія гг. Чацкина и Горвица въ подкупѣ (о г. Березкинѣ и другихъ не упомянулъ «Знакомый человѣкъ») и затѣмъ говорилось: «Мы не знакомы лично съ гг. Чацкинымъ и Горвицемъ и не имѣемъ съ ними никакихъ отношеній. Но, проникнутые убѣжденіемъ въ высокомъ и нравственномъ призваніи литературы, мы считаемъ обязанностью самымъ положительнымъ образомъ протестовать противъ такихъ злоупотребленій печатнаго слова, изъ органа мысли и гласности низводящихъ его на степень презрѣннаго орудія личныхъ оскорбленій».

Протестъ появился въ № 258 «Спб. Вѣд.», 25 ноября, и потомъ въ № 21 «Русск. Вѣстн.», въ значительно усовершенствованномъ видѣ; оба были подписаны многими лицами, составляющими гордость и украшеніе нашей литературы. До полученія № 21 «Русск. Вѣстн.» я все смѣялся надъ «жидовской исторіей», считая дѣло не важнымъ. Но прочитавъ великолѣпный протестъ, перепечатанный потомъ во многихъ журналахъ и газетахъ, я понялъ наконецъ всю великую важность событія, бросился отыскивать «Иллюстрацію», «Инвалидъ», статьи противъ «Знакомаго человѣка» въ другихъ журналахъ, — перечиталъ все это, выучилъ наизусть нѣсколько фразъ изъ статьи «Иллюстраціи» и, почувствовавъ, что стою наконецъ въ уровень съ вѣкомъ, рѣшился сказать и свое слово объ «Иллюстраціи».

Посылаю его къ вамъ, потому что вы не такъ много, какъ другіе, выказали азарта въ этомъ дѣлѣ, и слѣдовательно можете съ большимъ хладнокровіемъ выслушать мое мнѣніе, которое у насъ въ провинціи почти всѣ раздѣляютъ.

Слово мое не весело. Признаюсь, — я съ тяжелымъ чувствомъ пробѣгалъ длинный списокъ лицъ, протестующихъ противъ «Иллюстраціи», а въ ушахъ у меня почему-то раздавались въ это время стихи изъ «Бѣсовъ»:

Сколько ихъ, куда ихъ гонять?

Что такъ жалобно поютъ, — и пр.

Зачѣмъ это, думалъ я, — русскіе ученые и литераторы ополчились въ крестовый походъ для доказательства того, что клевета гнусна?.. Неужели они полагаютъ, что это еще предметъ неизвѣстный или спорный для русскаго общества? Но тогда остается имъ бросить занятіе наукой и литературой и уныло воззвать ко всѣмъ писателямъ: «братія! давайте плакать!».

Въ самомъ дѣлѣ, литература вѣдь существуетъ для общества, служить выраженіемъ его понятій, дѣйствуетъ въ средѣ своихъ читателей. Поэтому вамъ бы не слѣдовало выпускать изъ виду, что въ средѣ, окружающей васъ, всегда есть извѣстный общій тонъ, опредѣляющій тѣ границы, въ которыхъ вы можете и должны держаться при вашихъ словахъ и дѣйствіяхъ. Новый человѣкъ, являющійся въ чужую среду, тотчасъ поражаетъ странностью, неловкостью, даже неприличіемъ, если онъ не умѣетъ сразу попасть въ тонъ этой среды. Это происходитъ, разумѣется, оттого, что въ каждомъ кружкѣ людей есть такія общія понятія и интересы,

которые предполагаются уже всёми известными и о которых потому не говорятъ. Странно бываетъ обществу образованныхъ людей, когда въ среду ихъ вторгается рассказчикъ, не умѣющій, напр., произнести ни одного собственного имени безъ нарицательнаго добавленія, и говорящій безпрестанно: городъ Парижъ, королевство Пруссія, фельдмаршалъ Кутузовъ, гениальный Шекспиръ, рѣка Дунай, брюссельская газета «Le Nord» и т. п. Вы знаете, что всё его прибавки справедливы, вамъ нечего сказать противъ нихъ; но вы чувствуете почему-то, что лучше бы обойтись безъ нихъ. То же самое бываетъ и съ нравственными понятіями. Вамъ становится просто неловко и совѣстно въ присутствіи человека, съ азартомъ разсуждающаго о негуманности людоѣдства или о нечестности клеветы. Одно изъ двухъ: или *самъ разсуждающій* находится еще на той степени нравственнаго развитія, которая допускаетъ возможность разсужденій и споровъ о подобныхъ предметахъ, или онъ *васъ* считаетъ такъ мало развитыми, что полагаетъ нужнымъ внушить вамъ истинныя понятія о людоѣдствѣ или клеветѣ. И то и другое предположеніе одинаково вызываютъ васъ на кислую гримасу, а въ послѣднемъ случаѣ вы можете даже обидѣться и сказать правоучителю: «Милостивый государь! объясните мнѣ, чѣмъ я подалъ вамъ поводъ трактовать меня такимъ образомъ?».

Кажется, нѣтъ никакой надобности говорить, что «Литературный протестъ» противъ «Иллюстраціи» не могъ быть вызванъ первымъ изъ обстоятельствъ, на которыя я указалъ, т. е. нравственною неразвитостью самихъ протестовавшихъ. Очевидно, что для нихъ не могъ быть спорнымъ вопросъ

о томъ, гнусна или не гнусна клевета. Вслѣдствіе какихъ же побужденій они сочли нужнымъ объявить самымъ положительнымъ образомъ, что считаютъ клевету презрѣнною? Ясно, что это сдѣлано для публики. Здѣсь-то мы, читатели, и видимъ самую мрачную, самую печальную сторону протеста. Что же это, въ самомъ дѣлѣ, — неужели наше общество упало такъ низко, стало такъ развратно, дошло до такой подлости въ своихъ нравственныхъ понятіяхъ, что лучшіе люди литературы должны наконецъ писать къ нему воззванія и руководящія статьи, имѣющія цѣлью доказать гнусность клеветы? Неужели такъ ужасно безнравственны стали люди, что уцѣлѣвшая отъ всеобщаго развращенія горсть избранниковъ можетъ не краснѣя, съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, догматическимъ тономъ величаваго авторитета провозглашать всенародно, что признаетъ клевету гнусною, — и радоваться тому, что находитъ себѣ полсотни или полтысячи единомышленниковъ? Неужто до такой степени нравственного безобразія дошло наше общество и литература? Благородство духа познается въ томъ, что человѣкъ признаетъ гнусность клеветы! И онъ радъ, что стоитъ на такой высотѣ нравственности! Онъ спѣшитъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы повѣдать объ этомъ міру! Ужасно...

Но вы, господа *протестанты*, смотрите на дѣло съ другой точки зрѣнія. «На литературѣ вездѣ и всегда *лежитъ обязанность* обличать бездоказательныя посягательства на честь и доброе имя», говоритъ петербургскій протестъ, съ утонченной учтивостью цивилизованнаго джентльмена. «Въ лицѣ гг. Чацкина и Горвица оскорблено все общество, вся

русская литература. *Никакой честный человек не может оставаться равнодушнымъ при такомъ позорномъ поступкѣ, и вся русская литература должна какъ одинъ человекъ съ негодованіемъ протестовать противъ него*. Такъ выражается протестъ московскій, тономъ нѣсколько грубоватымъ, но зато выражающимъ широту русской натуры. И вслѣдъ за предписаніемъ: *должно протестовать съ негодованіемъ* [вспомните прописи: *дѣти должны горячо любить родителей*] слѣдуетъ подпись: ниже-подписавшіеся съ негодованіемъ протестуютъ, и пр. Итакъ — вотъ въ чемъ дѣло: эти господа въ своемъ негодованіи просто исполняютъ долгъ свой, обязанность, лежащую на литературѣ. Признаемся, мы, простые смертные, темные провинціальныя читатели, не совсѣмъ понимаемъ негодованія по обязанности и даже осмѣливаемся думать, что никакіе законы въ мірѣ не могутъ налагать на человека обязанности въ извѣстныхъ случаяхъ негодовать, а въ другихъ приходить въ восторгъ или умиляться. О насъ вы можете сказать,

Что мы не вѣдаемъ святыни,
Что мы не любимъ ничего...

Но что ни говорите, а выраженіе: *«обязанность съ негодованіемъ дѣлать что-нибудь»* ничего не возбуждаетъ въ насъ, кромѣ смѣха.

Но я постараюсь стать на вашу точку зрѣнія, постараюсь смотрѣть на дѣло, какъ протестантъ. Литература обязана обличать клевету... т. е. по-московскому — клевету, а по-петербургскому — *«бездоказательное посягательство»*. Разница эта должна быть замѣчена: петербургскій протестъ говоритъ: *«Мы не знаемъ личности гг. Чацкина и*

Горвица и не имѣемъ съ ними никакихъ отношеній», значитъ, онъ не утверждаетъ, что взведенное на нихъ обвиненіе несправедливо, онъ предполагаетъ возможность правды въ словахъ «Іллюстраціи» и протестуетъ только противъ *бездоказательности* обвиненія. Московскій протестъ имѣетъ другой мотивъ; онъ говоритъ: ««Іллюстрація» позволила себѣ не просто бездоказательное обвиненіе, а клевету, тѣмъ болѣе возмутительную и наглую, что не представлялось ни малѣйшаго повода къ ней». Московскій протестъ имѣетъ, очевидно, положительныя свѣдѣнія, которыхъ не имѣлъ петербургскій. Жаль, что онъ не подѣлился ими съ читателями; тогда бы дѣло обошлось проще. Но оставимъ это: дѣло не въ свѣдѣніяхъ, а въ обличеніи... Итакъ — литература обязана обличать клеветы. Съ этимъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, все являющееся въ печати и подлежащее гласности должно находить въ литературѣ отзывъ и въ случаѣ нужды опроверженіе и обличеніе. Такъ точно поступки чиновника находятъ себѣ судъ прежде всего въ его сослуживцахъ, дѣянія офицера — въ однополчанахъ, купца — на биржѣ и т. д. Представимъ же, что я поймалъ моего товарища-чиновника въ то время, когда онъ бралъ взятку; на мнѣ лежитъ обязанность обличить его передъ общимъ судомъ; но обязанъ ли я, рассказавъ его поступокъ, прибавлять: «Господа, я признаю это неблагороднымъ, съ негодованіемъ протестую противъ этого и думаю, что вы тоже должны съ негодованіемъ протестовать». Кажется, обязанность послѣдней прибавки никакой нравственный законъ на меня наложить не можетъ, а чувство деликатности предъ сослуживцами должно даже удержать отъ нея. Вообще, —

если я поймалъ вора на улицѣ, обязанъ ли я, приведши его въ судъ, провозгласить, что считаю его поступокъ нехорошимъ? Сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ и никто этого не дѣлаетъ. При публичномъ производствѣ судебныхъ дѣлъ въ развитомъ правственно обществѣ, отовсюду сами являются къ суду свидѣтели и всѣ люди, имѣющіе что-нибудь сообщить по дѣлу. Но гдѣ же являются въ судъ люди съ криками: «Я протестую противъ преступленія и отъ васъ требую того же! Я считаю его дурнымъ и неблагороднымъ поступкомъ, и всѣ вы должны провозгласить, что со мной согласны». И вельдѣ затѣмъ раздаются вопли: И я тоже! И я тоже! И я тоже! . .

Такимъ образомъ обязанность обличенія я не считаю исполненною въ протестѣ. Если уже рѣшились обратить серьезное вниманіе на глупо-наглую фразу и формально придать ей значеніе клеветы (чего вовсе не требовалось), то клевету слѣдовало опровергнуть представленіемъ положительныхъ доказательствъ правоты обвиняемыхъ. Но дѣло въ томъ, что публика вовсе и не думала принимать эту дѣйствительно гнусную фразу серьезно. Мало того: самъ г. редакторъ «Іллюстраціи», — хотя въ своемъ отвѣтѣ на письмо г. Чацкина и выказалъ замѣчательное тупоуміе, отвергая прямой и вполнѣ ясный смыслъ напечатанной имъ фразы, но тѣмъ не менѣе *отъ намѣренія оклеветать* гг. Чацкина и Горвица рѣшительно отказался. Оставалось, слѣдовательно, только *бездоказательное посягательство*. Но оно могло быть достаточно обличено предъ публикою простымъ указаніемъ на фразы «Іллюстраціи» и перепечаткою письма г. Чацкина или, еще лучше, только той части его, въ которой не говорится о су-

дебномъ преслѣдованіи и кулачномъ правѣ. Вы въ «Современникѣ» почти такъ и сдѣлали: но вы ужъ и это сдѣлали напрасно: довольно было разъ гдѣ-нибудь замѣтить эту фразу; что же носиться-то съ ней, какъ съ какимъ-нибудь сокровищемъ? И во всякомъ случаѣ, кромѣ простаго указанія, для публики ничего болѣе и не нужно было. Негодовать или радоваться слѣдовало, это она могла и сама понять, точно такъ, какъ судья, къ которому притащили вора съ поличнымъ, пойметъ, что его не по головкѣ гладить слѣдуетъ. Бываютъ, правда, и такіе судьи, что воровъ по головкѣ гладятъ, да что ужъ это за судьи? Я бы къ такимъ и судиться не пошелъ.

«Но мы это вовсе не для публики дѣлали, а для самаго дѣла», возражаете вы, господа *протестанты*. Отлично! Но къ кому же вы обращались-то, передъ кѣмъ протестовали? Если вы сдѣлаете хоть малѣйшій намекъ на то, что публику въ этомъ дѣлѣ отстраняете, то вы заставите насъ же, читателей, вспомнить эниграмму Пушкина: «Обиженный журналами жестоко» . . . А намъ этого не хотѣлось бы, потому что въ такомъ случаѣ пришлось бы припомнить и тотъ стихъ, котораго послѣднее слово ронмуетъ съ «*носомъ*», оканчивающій слѣдующій за тѣмъ стихъ.

Я впрочемъ убѣжденъ, что «протестанты» даже и не думали о томъ, чтобы хотя одинъ стихъ этой эниграммы могъ быть къ нимъ приложенъ. Если нѣкоторая примѣнимость и имѣетъ здѣсь мѣсто, то ужъ вышло это не отъ умысла, а скорѣе отъ недогадливой опрометчивости протестовавшихъ. А въ душѣ своей они неповинны ни въ какихъ злоумышленіяхъ. Даже напротивъ — вотъ какъ они вы-

ражаются о своемъ протестѣ: «такой общій протестъ будетъ самымъ лучшимъ удовлетвореніемъ чести оскорбленныхъ лицъ и самымъ лучшимъ доказательствомъ здоровья той общественной среды, которая собственнымъ свободнымъ актомъ поражаетъ и отбрасываетъ всякое недостойное дѣло».

Не знаю, какъ вы лично на это смотрите; но отъ себя замѣчу (вовсе не для того, конечно, чтобы учить «протестантовъ» началамъ логики), что въ заключеніи немножко больше сказано, чѣмъ въ послѣдкѣ. По логикѣ, если въ средѣ людей окажется одинъ человѣкъ, страдающій заразительной болѣзью, и всѣ его начнутъ съ воплями гнать отъ себя или сами съ шумомъ и крикомъ побѣгутъ отъ него, то изъ этого нельзя вывести прямого заключенія о томъ, что вся эта, гнавшая или бѣжавшая, среда — здорова. Скорѣе даже можно вывести заключеніе противное: извѣстно, что больные бываютъ раздражительнѣе и мнительнѣе здоровыхъ.

Это я, впрочемъ, мимоходомъ замѣтилъ; спѣшу оговориться, чтобы не упрекнули меня, что я придираюсь къ словамъ и не умѣю понять метафоры (метафора же, на бѣду, вышла не совсѣмъ удачною). Стараюсь снова стать на «протестантскую» точку зрѣнія и перевести слова протеста на обыкновенный языкъ. По-моему, они имѣютъ такой смыслъ: «Протестъ противъ «Иллюстраціи» долженъ показать, что литераторы сами умѣютъ беречь литературу и всегда готовы обличить, заклеить, опозорить того, кто изъ среды ихъ рѣшится на гнусный поступокъ. Все недостойное до такой степени имъ чуждо, что они не могутъ удержать своего негодованія при видѣ позорнаго поступка и изливаются

стремительнымъ потокомъ протестовъ и обличеній». Если принять слова протеста въ такомъ смыслѣ, то слѣдуетъ заключить, что русская литература съ сего дня принимаетъ на себя высокую, хотя и тяжкую обязанность — на каждое безнравственное явленіе литературы отзываться, что «это нехорошо». Трудъ похвальный, но весьма изнурительный, если на каждый разъ нужно будетъ тратить столько негодованія, сколько на этотъ разъ потрачено его противъ «Іллюстраціи». Кромѣ того, трудъ этотъ на практикѣ окажется совершенно неблагодарнымъ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія формъ, подъ которыми можетъ укрываться подлость и злонамѣренность (и чѣмъ подлѣе, тѣмъ укрывается искуснѣе) . . . Насъ, публику, возмутила, напр., статейка, въ которой Івановъ обвинялся какъ тунеядецъ, даромъ бравшій пенсію за то, чего не умѣлъ сдѣлать; но теперешніе «протестанты» молчали. Насъ возмутила, напр., выходка въ № 239 «Спб. Вѣдомостей» противъ «Русской Бесѣды», какого-то г. Н. Н., который сдѣлалъ такую замѣтку: «Помѣщая статью «Модный чиновникъ», напрасно редакція «Бесѣды» бонтся, что враждебные ей журналы и газеты «обвинять «Бесѣду» въ томъ, что она вступается за взяточничество и за старыхъ подъячныхъ» . . . Съ какой это стати вздумалось «Бесѣдѣ» дѣлать такую неумѣстную и ничѣмъ не вызванную оговорку? развѣ по пословицѣ, что на ворѣ и шапка горитъ!» («Спб. Вѣд.» 1858, № 239, стр. 1401). «Протестантовъ» это не возмутило. Выходки разныхъ листковъ, называвшихъ надувалами и мошенниками издателей «Весельчака», выходки самого «Весельчака», купно съ «Сыномъ Отечества», никого не возмущали. Отчего же это?

неужели такъ будетъ и впредь? Вы скажете, что то ужъ не литература, что на то не стоитъ обращать вниманіе. Да позвольте, однакожь, вѣдь то и другое — равно *печатное слово*. Да и чѣмъ же какой-нибудь «Знакомый человѣкъ» лучше какого-нибудь г. Нестерова, Львова, Ижицына и т. п.?.. Можете сказать намъ словами московскаго протеста, что тамъ были «просто бездоказательныя обвиненія, просто недостойныя намеки, которые могутъ вырваться въ жару спора у человѣка, увлеченнаго фанатизмомъ мнѣнія или не вполне развитого въ нравственномъ отношеніи». Да вѣдь это значить, что вы ужъ гоняетесь за словами. Значить, по-вашему не слѣдовало бы протестовать, и все дѣло измѣнилось бы, если бы «Иллюстрація» выразилась, напр., такимъ образомъ: «наша статья вызвала, конечно, оппозицію со стороны агентовъ г. Н., не жалующаго золота для своего прославленія... Въ литературѣ такую оппозицію представили два (безъ всякаго сомнѣнія въ высшей степени безкорыстные!) еврейскіе литератора — гг. Чацкинъ и Горвицъ». Смыслъ остался бы тотъ же, но клеветы бы не было, а оставался бы только *недостойный намекъ*. То же бы слово, значить, да не такъ бы молвилъ. Весь этотъ шумъ, видите, поднялся изъ-за того, что человѣкъ не сумѣлъ выразиться, какъ слѣдуетъ, потому что такими «способностями Богъ его не наградилъ». *Usus practicus* протеста, стало быть, заключается въ слѣдующемъ: «умѣй воровать, да умѣй и концы хоронить».

Да что ужъ... если на то пошло, то я представляю сейчасъ такую вещь, которой и концы-то были въ рукахъ «протестантовъ» — и они все-таки промолчали.

Еще раньше, чѣмъ обвинять г. Чацкина и Горвица, «Знакомый человѣкъ» обвинилъ въ подкупѣ какого-то французскаго фельетониста. Въ № 35 «Иллюстраціи» онъ написалъ, что Н. «такъ повелѣло между парижскими журналистами, что въ одной газеткѣ превознесли государственныя заслуги его» («Илл.», № 35, стр. 157). Можетъ быть и тутъ былъ только недостойный намекъ; но г. Чацкинъ — самъ Чацкинъ! — потрудился растолковать его и, нимало не возмущаясь безцеремоннымъ обращеніемъ «Знакомаго человѣка» съ печатнымъ словомъ, напечаталъ въ отвѣтъ ему въ «Русскомъ Вѣстникѣ» слѣдующее: «положимъ, что г. Н. дѣйствительно разбогатѣлъ нечестными путями и потомъ сталъ покушать себѣ незаслуженныя похвалы во французскихъ газетахъ, — что же изъ этого можно вывести», и пр. . . . («Р. В.», № 18, стр. 134). Постъ этого въ № 47 «Иллюстраціи» г. редакторъ ея подтвердилъ, что дѣйствительно французскій фельетонистъ «былъ, вѣроятно, подкупленъ г. Н. для прославленія его имени во французской газетѣ» («Илл.», № 47, стр. 351). Вотъ тутъ бы уместнѣе было воскликнуть: «мы не знаемъ французскаго фельетониста, но на литературѣ всегда лежитъ обязанность», и пр. А «протестанты» (тутъ ужъ васъ лично я не имѣю въ виду) даже въ протестѣ своемъ перепечатали («Р. В.», № 21, стр. 132) изъ статьи г. Чацкина тѣ слова, въ которыхъ онъ повторяетъ недоказанное обвиненіе. И не подумайте, чтобы эти слова перепечатаны были съ цѣлью выставить новый позоръ «Знакомаго человѣка»; вовсе нѣтъ, — и г. Чацкинъ, и всѣ «протестанты» смотрятъ на это послѣднее обвиненіе совершенно спокойно, даже какъ будто не замѣчаютъ его . . . Что же это зна-

читъ? Они взялись очищать русское печатное слово, отметаая все недостойное, и съ перваго же раза показывают такую слабость! . .

Они думаютъ, кажется, что и одного разу довольно. Казнимъ, дескать, «Иллюстрацію» въ примѣръ современникамъ и потомкамъ, другіе-то и побоятся. «Да послужить этотъ протестъ — манифестальнымъ тономъ говорить они, — примѣромъ и предостереженіемъ для будущаго и да оградить онъ навсегда нашу литературу отъ подобныхъ явленій». О, Боже мой! Зачѣмъ я долженъ разрушать пріятное заблужденіе людей, говорящихъ манифестальнымъ тономъ? Съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаю васъ, гг. «протестанты», что протестъ вашъ не послужилъ . . . и не предостерегъ . . . и не оградилъ . . . Въ № 47 «Иллюстраціи», 27 ноября, черезъ день послѣ появленія вашего перваго протеста, г. Вл. Зотовъ объявилъ, что позорная фраза, на которую вы указываете, «относится не прямо къ г. Чацкину, а къ г. Горвицу и другимъ». Пишите новый протестъ, господа, и постарайтесь, чтобъ онъ былъ сильнѣе прежняго . . . Правда, за г. Горвица вы ужъ протестовали, вступаясь за г. Чацкого; но теперь за другихъ-то надо возстать. Повторите всенародно, что хотя вы другихъ и не знаете (ужъ конечно — не знаете), но что неуваженіе печатнаго слова признаете неблагороднымъ. — Несомнѣнно, господа, протестуйте. Вѣдь никакой честный человѣкъ не можетъ «оставаться равнодушнымъ при такомъ позорномъ поступкѣ»; изливайте же скорѣе ваше негодованіе . . . Иначе г. Вл. Зотовъ съ «Знакомымъ человѣкомъ» будутъ торжествовать и смѣяться надъ вами!

Но что я говорю «будутъ»? Они уже торже-

ствуютъ, они уже смѣются. Между тѣмъ какъ вы истончаете всѣ силы души своей на увѣреніе насъ, невѣждъ и дикарей, въ томъ, что клеветать гнусно; между тѣмъ какъ вы находите себѣ полтора ста единомышленниковъ, съ важностью повторившихъ ваше замѣчательное мнѣніе, — г. Вл. Зотовъ не дремлетъ: онъ торжественно объявляетъ, что вы *всѣ подкуплены!* Въ корреспонденціи № 50 «Иллюстраціи», 18 декабря, онъ напечаталъ:

Г. Ф—у. Мы весьма благодарны вамъ за извѣстія о проискахъ въ Москвѣ и никогда не сомнѣвались въ томъ, что дѣло это не совсѣмъ безкорыстно со стороны лицъ, толкующихъ единственно о невенесвенной стороне вопроса. Всякій понимаетъ, что излишняя настойчивость дѣлается ребячествомъ или имѣетъ свои выгоды въ томъ, чтобы тинуть дѣло, уже разъясненное.

Какъ вамъ нравится, господа «протестанты», этотъ поступокъ г. Вл. Зотова? Неужели вы не повторите другъ за друга, съ вящею силою, что «хотя вы другъ друга и не знаете и не имѣете между собою никакихъ отношеній, но что честь печатнаго слова» и пр. . . . какъ извѣстно. Нѣтъ, господа, это будетъ ужъ непростительная слабость съ вашей стороны. Подумайте, что изъ 150 именъ, составляющихъ вашу фалангу, по крайней мѣрѣ 77 есть такихъ, о которыхъ мы, публика, ровно ничего не знаемъ, и которыя, слѣдовательно, нуждаются въ вашей защитѣ не менѣе гг. Чацкина и Горвица . . . А вѣдь г. Зотовъ всѣхъ повалыю обвиняетъ. Не боясь ни кулачнаго права, ни судебного процесса, ни публичнаго позора, онъ стоитъ на своемъ и знать ничего не хочетъ. Даже таинственные незнакомцы, появившіеся въ «Русскомъ Вѣстникѣ», не пугаютъ

его. Не говоря уже о гг. Вольскомъ, Михалкинѣ, Чариковѣ, Савурскомъ, Подчаскомъ, Млодзѣвскомъ, Дзюбинѣ и т. п., самъ князь Шаликовъ, самъ *Θ. Тимирязевъ*, самъ *Я. Ростовцевъ*, даже самъ *Я. Борозенковъ*, даже больше -- самъ г. *Мантейфель* не устрашаютъ его¹. Да что ужъ говорить о единицахъ! Даже двукратно и тоекратно повторенные незнакомцы не производятъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ совершенно равнодушно смотритъ на то, что противъ него подписываются *Д. Хомяковъ*, *И. Хомяковъ*, *С. Хомяковъ* (отчего же тутъ нѣтъ *А. Хомякова*?), и даже сами гг. *Милеанты* (*В. Милеантъ* и *Е. Милеантъ*) едва ли произвели на него особенное впечатлѣніе. Видно, что у него кременный характеръ! Другого бы, кажется, слеза прошибла . . . Да, признаюсь, мнѣ самому было сначала трогательно, — во-первыхъ потому, что я видѣлъ все-таки великое общее дѣло, которымъ наши потомки поминать насъ будутъ; во-вторыхъ, мнѣ пріятно было замѣтить, что у насъ уже нѣкоторыя понятія нравственные выработались и установились до того, что въ принятіи ихъ сходятся люди всѣхъ партій и направленій, — г. *Кавелинъ* съ гг. *Никитой Крыловымъ*, *С. Шевыревымъ* и *В. Лешковымъ*, г. *Чернышевскій* съ *О. Булгаринымъ* и г. *Н. Львовымъ* и пр., и пр. Кромѣ того, мнѣ и вообще было пріятно узнать, что напримѣръ гг. *Милеанты*, *В. Милеантъ* и *Е. Милеантъ*, — не одобряютъ клеветы, равно какъ и гг. *А. Арсеньевъ* и *И. Арсеньевъ*, *А. Наумовъ*, и *Д. Наумовъ*. Мнѣ казалось, что со стороны напр. г. *Θ. Тимирязева*,

¹ Всѣ означенныя фамиліи не вымышленны, но дѣйствительно, находятся въ спискѣ лицъ, протестующихъ противъ „Иллюстраціи въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

М. Ранга, Э. Циммермана и т. д. было очень благородно и отважно — выступить передъ публикою съ заявленіемъ своего негодованія противъ поступка «Иллюстраціи». Но г. В. Зотову, повидимому, вовсе нѣтъ нужды до того, что о немъ думаютъ гг. Милеанты и самъ А. Мантейфель. Надо на него напустить кого-нибудь пострашнѣе да побольше. А странное дѣло, въ самомъ дѣлѣ, — списокъ-то съ виду страшенъ и великъ; а какъ всмотришься, такъ въ немъ ужасно много изъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ не досчитаешься: все больше господами Милеантами наполненъ. Неужто же остальные-то одобряютъ г. Зотова и поступокъ «Иллюстраціи»? Отчего же они не заявили своего согласія? Или вопросъ надо иначе оборотить и спросить: по какимъ же наконецъ побужденіямъ именно эти 150 человекъ поспѣшили обнародовать свое благородное мнѣніе о поступкѣ «Иллюстраціи»? Сама «Иллюстрація» говоритъ, что всѣ подкуплены и у насъ (вѣрно, изъ того же источника) ходили слухи, что кто-то даже полтинникъ взялъ за подпись своей фамиліи, а потомъ раскаялся и полтинникъ возвратилъ, но фамиліи своей уже не получилъ обратно . . . Но это былъ, по всей вѣроятности, какой-нибудь исключительный случай. Ради Бога, на меня-то еще не напишите протеста: я повторяю только то, что слышалъ, и готовъ хоть сію же минуту отказаться отъ своихъ словъ; я не то, что г. Зотовъ, и мнѣніе гг. Милеантовъ, Дзюбина и Тимирязева для меня очень дорого. Меня уже пожалуйста оставьте въ покоѣ. Вотъ на г. Зотова-то напуститесь, собравшись съ новой силой! . . . Кличъ кликните, да откройте особый отдѣлъ во всѣхъ журналахъ для помѣщенія именъ, протестующихъ противъ «Иллю-

страціи». Наберутся, — авось!... А то вѣдь не хорошо, если вы ослабѣете, замолчите и оставите поле битвы г. Зотову и «Знакомому человѣку»: какъ разъ какой-нибудь насмѣшникъ (мало ли ихъ на свѣтѣ) вдругъ приложитъ къ вашимъ дѣяніямъ, совершеннымъ доселѣ, слова Репетилова, помните, когда онъ говоритъ Чацкому между прочимъ:

Литературное есть дѣло...

Оно, вотъ видишь, не созрѣло...

Нельзя же вдругъ...

Передъ этими стихами есть еще нѣсколько такихъ, что я не видывалъ человѣка, который бы не покраснѣлъ, когда ихъ къ нему примѣнять... А ихъ къ вамъ примѣнять навѣрное, если вы теперь отступитесь отъ своего дѣла: теперь ужъ надо доканчивать.

Ваше дѣло еще не додѣлано до сихъ поръ.

Но все-таки вы, разумѣется, поступили благородно: не имѣя силы казнить умныхъ и грамотныхъ негодяевъ, искусныхъ на прикрытіе своихъ злостныхъ и безсовѣстныхъ клеветъ, вы облегчили свое сердце, напавъ по крайней мѣрѣ на то, что вамъ по плечу, — на малограмотнаго, плохо владѣющаго слогомъ инсаку, который, желая уколоть противника, сказалъ больше, чѣмъ самъ, можетъ быть, хотѣлъ... И то хорошо и благородно!... При томъ же вы защитили г. Чацкина. Онъ долженъ быть вамъ благодаренъ. Только — знаете ли что? — я вспоминаю, по поводу всего дѣла объ «Иллюстраціи», одну сцену изъ разсказа Тургенева «Чертапхановъ и Недопоскинь». Помните, когда надъ Недопоскинымъ начинается какой-то нахаль, и среди общества, потѣшающагося смущеніемъ забитаго

Недопюскина, раздается рѣзкій голосъ Чертапханова: «перестаньте, стыдно», и потомъ Чертапхановъ заставляетъ нахала извиниться предъ собою и предъ Недопюскинымъ... Нѣтъ сомнѣнія, что Чертапхановъ поступилъ храбро и благородно... Недопюскинъ долженъ былъ быть очень счастливъ, что нашелъ такого прекраснаго заступника... Но, — не знаю, какъ вы, гг. протестующіе литераторы, — а я не завидую находкѣ Недопюскина, я бы не желалъ быть на его мѣстѣ. Даже скажу больше — мнѣ было бы неловко поставить кого-нибудь въ положеніе Недопюскина. — Недопюскинъ всю свою жизнь былъ жертвою и шутомъ, его самолюбіе ни мало не оскорбилось заступничествомъ Чертапханова. Но, встрѣчаясь въ обществѣ и литературѣ съ людьми, которыхъ я считаю равными себѣ, я едва ли рѣшусь принять на себя роль Чертапханова, — частью изъ деликатности предъ этими людьми, частью изъ уваженія къ самому обществу и литературѣ...

Впрочемъ, и то сказать, — я-то о чемъ растолковался? Самому доведись на вашемъ мѣстѣ быть, такъ вѣдь тоже бы подписалъ... Да и какъ же уклониться отъ такого дѣла, въ которомъ, по объявленію протестующихъ, всякій честный человѣкъ долженъ участвовать? Вѣдь это значитъ расходиться съ честными людьми... такъ зачѣмъ же съ честными людьми расходиться? Отчего имъ не сдѣлать угодное? Ничего, можно... Если бы меня хорошій человѣкъ сталъ допрашивать о вещахъ, всѣмъ извѣстныхъ, и увѣрять, что я долженъ отвѣтить, такъ отчего же и не отвѣтить? — Волжскій ли разбойникъ былъ Стенька Разинъ? — Волжскій! — Золото дороже ли серебра? — Дороже! —

Должно ли поощрять разбой на большихъ дорогахъ? — Не должно. — Гнусно ли поступила «Иллюстрація», оклеветавъ гг. Чацкина и Горвица? — Гнусно. — Слѣдуетъ ли желать, чтобы такихъ явленій въ русской литературѣ не было? — Слѣдуетъ. — Протестуете ли съ нами противъ поступка «Иллюстраціи»? — Протестую, самымъ положительнымъ образомъ протестую, — воскликнулъ бы я вдохновенно и подмахнулъ бы свою фамилію...

Ставши на такую точку зрѣнія, я дохожу до того, что даже вообще одобряю протестъ.

Но я все-таки чувствую, что мое легкомысленное обращеніе съ вопросомъ такой важности должно вызвать на меня бурю, отъ которой уже ничто не спасетъ. А вѣдь все отчего? Оттого, что я лишенъ способности представить себѣ стаканъ воды въ видѣ моря... Ахъ Боже мой! Что только сомною будетъ? Что заговорять обо мнѣ гг. Милеанты? Г-нъ Пикулинъ что скажетъ?

Ахъ, Боже мой! Что станеть говорить
Княгиня Марья Алексѣвна?..

Нижній Новгородъ.

30 дек. 1858 г.

Примите, милостивые государи, и пр.

Д. Свиристелевъ.

№ 2.

Краткое объясненіе.

При самомъ первомъ, еще не твердомъ, шагѣ своемъ на поприщѣ общественной дѣятельности, встрѣчаемый всеобщимъ негодованіемъ серьезныхъ дѣятелей науки и литературы, «Свистокъ» внезапно умолкъ, подобно робкому чижу, изображенному славнымъ баснописцемъ Иваномъ Андреевичемъ Крыловомъ въ баснѣ его сочиненія: «Чижъ и Ежъ». Отличаясь скромностью, неразлучною съ истиннымъ достоинствомъ, «Свистокъ» безропотно покорился приговору строгихъ судей, признавшихъ его недостойнымъ *настоящаго времени*, когда возбуждено такъ много общественныхъ вопросовъ. И скромность его не осталась безъ возмездія: онъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ отсутствіе его при второй книжкѣ «Современника» поразило грустью чувствительныя сердца читателей; онъ имѣлъ рѣдкое на землѣ наслажденіе — убѣдиться, что непоявленіе его и при третьемъ номерѣ журнала повергло публику въ мрачное отчаяніе. Но проникнутый гуманностью современной эпохи, «Свистокъ» скоро созналъ, что радость о людскихъ огорченіяхъ противна всѣмъ нравственнымъ законамъ, и вслѣд-

ствіе того рѣшился доставить себѣ наслажденіе болѣе чистое и возвышенное, и при томъ болѣе сообразное съ естественными наклонностями его натуры: онъ рѣшился вновь явиться предъ публикою, чтобы видѣть ея непритворную радость при его появленіи. Вся природа благопріятствуетъ его намѣренію и, кажется, съ нѣжною улыбкою благословляетъ его на дѣятельность. «Шествуетъ весна» по выраженію поэта; «берега расторгають ледъ», по выраженію другого поэта; хотя «еще въ поляхъ бѣлѣтъ снѣгъ», по замѣчанію третьяго поэта. Все твореніе оживаетъ и наполняется звуками; скоро прилетятъ птицы, будутъ благоухать цвѣты, просвѣщеніе быстрымъ потокомъ разольется по необъятной Россіи... Кто можетъ молчать при видѣ отрадныхъ событій! «Свистокъ» ли? — Нѣтъ!..

Мотивы современной русской поэзіи.

(Отдавая дань природѣ, мы даемъ первое мѣсто благородной и исполненной смѣлыхъ идей поэмѣ г. Лиліеншвагера: «Четыре времени года». Этотъ поэтъ-мыслитель замѣчательнъ особенно тѣмъ, что природа со всѣми своими красами для него, собственно говоря, не существуетъ сама по себѣ, а лишь служитъ поводомъ къ искуснымъ принощамъ и соображеніямъ, почерпнутымъ изъ высшей жизни духа. Въ новѣйшее время лучшими нашими критиками признано, что природа лишь настолько интересуется насъ, насколько она служитъ отраженіемъ разумной, духовной жизни. Съ этой точки зрѣнія долженъ быть признанъ огромный талантъ въ г. Лиліеншвагерѣ, который, какъ самъ признается, «всѣмъ явленіямъ природы придаетъ

смыслъ живой», никогда не пускаясь въ простое, безплодное поэтизирование неразумныхъ явленій міра. Поэзія его должна составить новую эпоху въ нашей литературѣ. Нельзя безъ особеннаго чувства читать стихотворенія, въ которыхъ поэтъ при видѣ весны размысливаетъ объ англійскомъ судопроизводствѣ, или, отморозивши себѣ носъ, съ отрадою предается историческимъ воспоминаніямъ о двѣнадцатомъ годѣ. До сихъ поръ только г. Розенгеймъ приближался нѣсколько къ такой высотѣ, да еще развѣ гг. Майковъ и Бенедиктовъ, въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, давали слабые намеки на подобную гражданскую поэзію. Прочитавши поэму г. Лиліеншвагера, читатели согласятся съ нами, что къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-нибудь, можно приложить слова г. Дружинина (въ «Библіот. для Чтенія» 1859, № 1) о г. Майковѣ: «онъ сумѣлъ проложить себѣ дорогу и въ мірѣ высокихъ помысловъ доискаться того лиризма, которымъ натура его не была богата».)

Четыре времени года.

1.

ВЕСНА.

Боже! Солнце засіяло,
Воды быстро потекли,
Время теплое настало
И цвѣточки расцвѣли!

Жизнью, свѣтомъ всюду вѣетъ,
Мысль о смерти далека,
И въ душѣ идея зрѣетъ,
Поэтично высока!

Такъ законовъ изученье
Свѣтъ и жаръ намъ въ сердце льетъ
И свободное теченье
Нашей мысли придаетъ.

Такъ въ разумномъ вертоградѣ
Правыхъ англійскихъ судовъ
Расцвѣтаетъ, пользы ради,
Много нравственныхъ цвѣтовъ!..

Всѣмъ явленіямъ природы
Придавая смыслъ живой,
Къ солнцу правды и свободы
Возношусь я такъ весной!

2.

ЛѢТО.

Иду по нивѣ я, смотрю на спѣлый колосъ,
Смотрю на дальній лѣсъ и слышу звонкій голосъ
Веселыхъ поселянъ, занявшихся жнитвомъ
И живописно такъ склоненныхъ надъ серпомъ...

Иду и думаю: такъ нравственности зѣрна,
Такъ мысли сѣмена пусть выростутъ проворно
На нивѣ нравственной Россіи молодой
И просвѣщенія дадутъ намъ плодъ благой.

Пускай увидимъ мы, пока еще мы живы,
На невещественной, духовной нашей нивѣ,
Духовный хлѣбъ любви, и правды, и добра,
И радостно тогда воскликнемъ всѣ: ура!..

3.

ОСЕНЬ.

Вѣтеръ одежду зеленую
Съ дерева рветъ,

Все въ эту пору студеную
Вянетъ и мретъ.

Но и съ главою обнаженною
Дубъ вѣковой,
Полонъ своей непреклонною,
Мощной красой.

Крѣпкіиіи корнеиіи своихъ твердостью,
Онъ безъ листовъ
Ждетъ съ благородною гордостью
Бурь и вѣтровъ.

Такъ надъ главою благородною
Годы мелькнутъ,
И украшенье природное —
Кудри — сорвутъ.

Но и съ главою плѣшивою,
Силенъ душой,
Будетъ онъ гордъ предъ лѣнивою,
Глупой толпой . . .

Онъ не надѣнетъ, съ плачевною
Миной, парикъ;
Но красотою душевною
Будетъ великъ.

4.

ЗИМА.

Зима холодная! Тебя въ укоръ намъ ставятъ
Ть, кои чуждое все неразумно славятъ.
Но мнѣ пріятнѣе родимая зима,
Чѣмъ пресловутая Италія сама.
Невольнымъ образомъ нашъ холодъ жесточайшій
Напоминаетъ мнѣ о родинѣ дражайшей.

Идя по улицѣ и отморозивъ носъ,
 Съ отрадою всегда припомнишь тотъ морозъ,
 Что намъ въ Двѣнадцатомъ году помогъ францу-
 зовъ
 Прогнать и перебить, какъ самыхъ жалкихъ трусовъ.
 Тогда вся кровь во мнѣ кипитъ на холоду;
 Я самъ тогда живу въ Двѣнадцатомъ году,
 Не чую холода, ни вѣтра завываній,
 Полнъ историческихъ, родныхъ воспоминаній . . .
 Дрожь въ тѣлѣ чувствуя, пылаю я душой
 И родину люблю сильнѣе я зимой.
 Я гордо сознаю тогда душою мощной,
 Что Русь дѣйствительно есть исполнить полнощ-
 ный! . .

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

Росписка г. Бѣшенцова въ полученіи. .¹

Въ «Современникѣ» помѣщена была рецензія стихотвореній г. Бѣшенцова. Въ удостовѣреніе, что рецензію читалъ, — г. Бѣшенцовъ прислать намъ стихотвореніе «По поводу рецензій», при слѣдующихъ строкахъ: «Препровождая при семь стихотвореніе, написанное мной, по случаю рецензій, прошу покорнѣйше его напечатать». Исполняя его желаніе, мы позволимъ себѣ только одинъ, можетъ быть нескромный, вопросъ: почему г. Бѣшенцовъ предполагаетъ, что журнальныя рецензій на его стихи были слѣдствіемъ *интригъ и сплетенъ*? Не знаемъ, какъ другіе, но что касается до насъ, то мы говорили *только о стихахъ г. Бѣшенцова и о томъ, что*

¹ Выраженіе «росписка въ полученіи» взято Добролюбовымъ изъ эпиграммы Пушкина на Каченовскаго:

Въ полученьи оплеухи
 Расписался нашъ дуракъ. *Примѣч. Вл. Кр.*

изъ стиховъ слѣдуетъ. Рецензентъ «Современника» никогда отъ роду не видалъ г. Бѣшенцова; отчего же скромный поэтъ полагаетъ, что въ рецензін были личности, и почему именно презрѣнныя личности? Неужели замѣчанія рецензента о стихахъ г. Бѣшенцова оказались примѣнимыми къ дѣйствительной жизни скромнаго поэта? Въ такомъ случаѣ остается намъ подивиться странной случайности и пожалѣть, что не выпало такой же удачи на долю самого г. Бѣшенцова, который въ своемъ выстрѣлѣ по рецензенту ужасно неловко промахнулся. Впрочемъ, судите сами: мы печатаемъ стихотвореніе г. Бѣшенцова, даже не отмѣчая курсивомъ дурныхъ стиховъ и грамматическихъ ошибокъ.

ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗИИ.

Какъ грустно, въ нашъ пытливый вѣкъ,
Вѣкъ прогрессивнаго стремленья,
Когда такъ жаждетъ человѣкъ
Научныхъ знаній, просвѣщенья,
— Встрѣчать въ числѣ журнальныхъ книгъ,
Съ фальшивой фирмой, — современныхъ, —
Проводниковъ одиѣхъ интригъ
Да сплетенъ, личностей презрѣнныхъ.
Какого ждать отъ нихъ добра!
— Они въ лакейскихъ лишь пригодны.
Изъ подъ продажнаго пера
Не выйдетъ мысли благородной.
Иной присяжный рецензентъ,
Изъ касты, завистью клейменной,
Бранить, или хвалить, какъ агентъ
Торговли книжной и письменной.

А. Бѣшенцовъ.

Нашъ демонъ.*(Будущее стихотвореніе.)*

Въ тѣ дни, когда намъ было ново
Значенье правды и добра,
И обличительное слово
Лилось изъ каждаго пера;
Когда Россія съ умиленьемъ
Внимала звукамъ Щедрина,
И разсуждала съ увлеченьемъ,
Полезна палка иль вредна;
Когда возгласы раздавались,
Чтобъ за людей считать жидовъ,
И мужики освобождались,
И вредъ былъ сознанъ откуповъ;
Когда Громека съ силой адскою
Все о полиціи писалъ;
Когда въ газетахъ Вышнеградскій
Насъ безкорыстьемъ восхищалъ;
Когда мы гласностью карали
Злодѣевъ, скрывъ ихъ имена,
И гордо міру возвѣщали,
Что мы возстали ото сна;
Когда для Руси въ школь Сзя
Открылся счастья идеаль,
И лишь издатель «Атеней»
Искусства свѣточъ возжигалъ:

Въ тѣ дни, исполненъ скептицизма,
Злой духъ какой-то намъ предсталъ,
И новымъ именемъ *трюзима*
Святыню нашу запятналъ.
Не зналъ онъ ничего святого:
Громекой не былъ увлеченъ,

Не оцѣнилъ комедіи Львова,
Не вѣрилъ Кокореву онъ.
Не вѣрилъ онъ экономистамъ,
Проценты *ростомъ* называлъ,
И мефистофелевскимъ свистомъ
Статьи Вернадскаго встрѣчалъ.
Не вѣрилъ онъ, что нуженъ геній,
Чтобы разумный дать отвѣтъ,
Среди серьезныхъ нашихъ преній,
Нужна ли грамотность иль нѣтъ . . .
Онъ хохоталъ, какъ мы рѣшали,
Чтобъ мужика не баринъ сѣкъ,
И какъ гуманно утверждали,
Что жидъ есть тоже человѣкъ.
Сонмъ благородныхъ «протестантовъ»
Онъ умиленно не почтилъ,
И даже братьевъ Милеантовъ
Своей насмѣшкой оскорбилъ.
Не оцѣнилъ онъ Розенгейма,
Растопчину онъ осмѣялъ,
На все возвышенное клейма
Какой-то пошлости онъ клалъ.
Весь нашъ прогрессъ, всю нашу гласность,
Громъ обличительныхъ статей,
И публицистовъ нашихъ страстность,
И даже самый «Атеней», —
Все жертвой грубаго глумленья
Содѣлалъ жолчный этотъ бѣсъ,
Бѣсъ отрицающаго, бѣсъ сомнѣющаго,
Бѣсъ, отвергающій прогрессъ.

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

Письмо изъ провинціи.

*Чей шопоть въ душу проникаеть?
Что говоритъ мнѣ: „веселись!“*

Такъ спрашиваю я себя съ нѣкотораго времени чуть не каждый день, — и вотъ по какому случаю.

Съ каждой почтой получаю я изъ столицы (преимущественно изъ Москвы) газеты и журналы, и въ каждомъ ихъ номерѣ меня поражаетъ какой-то таинственный голосъ, рассказывающій какую-нибудь изъ мелкихъ житейскихъ непріятностей и съ видимымъ удовольствіемъ прибавляющій, что «пришла наконецъ благодатная, радостная, желанная и т. д. пора, когда подобныя непріятности можно рассказывать во всеуслышаніе». Подъ рассказомъ обыкновенно подписанъ какой-нибудь зетъ или иксъ, а чаще — и ничего не подписано; мѣстность не обозначена; къ кому голосъ относится, — неизвѣстно. Я долго ломалъ себѣ голову, чтобы узнать, о чемъ хлопчуть восторженные рассказчики, и наконецъ остановился на предположеніи, которое на первый разъ можетъ вамъ показаться страннымъ, но которое не лишено своей доли правдоподобія. Я полагаю, что всѣ безыменныя извѣстія въ вашихъ газетахъ сочиняетъ одинъ какой-нибудь шалунъ, желающій подурочить васъ, господъ редакторовъ. Вы всѣ вѣдь, разумѣется, — народъ кабинетный; вы насквозь пропитаны идеальными понятіями о жизни; вамъ все въ мірѣ представляется необыкновенно связнымъ, разумнымъ, чистымъ и проч. Въ своемъ умозрительствѣ вы, по невѣдѣнію дѣйствительной жизни, рѣшительно уподобляетесь тому профессору, который у Гейне «затыкаетъ

своимъ колпакомъ всѣ прорѣхи мірозданія». Вы еще недавно стали соглашаться, что жизнь имѣетъ нѣкоторыя права, что литераторъ тоже есть до нѣкоторой степени *смертный*, что толпа достойна отчасти вашего вниманія, и пр. Мы, разумѣется, тотчасъ же примѣтили начало вашего обращенія и дружно рукоплескали благому начинанію. Но для вашей же пользы позвольте намъ иногда сообщать свои замѣчанія о нѣкоторыхъ *странныхъ*, нерѣдко проявляющихся въ вашихъ сужденіяхъ о дѣйствительной жизни, съ которою вы начинаете знакомиться. На этотъ разъ я намѣренъ сообщить вамъ нѣсколько практическихъ замѣчаній о тѣхъ голосахъ, которые теперь такъ часто раздаются въ журналахъ и газетахъ.

Имѣя о русской жизни и русскомъ обществѣ понятіе, какъ видно, самое неопредѣленное, вы постоянно приходите въ изумленіе, поднимаете шумъ и начинаете горячиться изъ-за такихъ вещей, къ которымъ мы всѣ давно уже привыкли и которыя вообще не принадлежатъ къ числу явленій чрезвычайныхъ. Вамъ, напр., скажутъ, что кто-то и гдѣ-то взятку взялъ; вы сейчасъ думаете: «ужасное, чудовищное, сверхъестественное событіе! надо о немъ объявить во всеобщее свѣдѣніе!» — и немедленно печатаете, что вотъ, дескать, какое событіе произошло: одинъ чиновникъ съ одного просителя взятку взялъ! — Услышите вы гдѣ-нибудь, что цыганъ лошадь укралъ: поднимается шумъ, пишутся грозныя обличенія на неизвѣстнаго цыгана, укравшаго лошадь. Пришлетъ вамъ кто-нибудь извѣстіе о томъ, что одинъ сапожникъ плохо сапоги шьетъ; вы сейчасъ же и тиснете извѣстіе о сапожникѣ, съ видимымъ удовольствіемъ, что можете сообщить

такую новость. Вы, конечно, предполагаете, что чиновникъ, взявшій взятку, цыганъ-конокрадъ и плохой сапожникъ — такія рѣдкія исключенія въ Россіи, что на нихъ будутъ всѣ сбѣгаться смотрѣть, какъ на г-жу Пастрану. Но смѣю васъ увѣрить, что вы ошибаетесь, просвѣщенные литераторы и журналисты! Я, конечно, не могу назваться человекомъ старымъ, не могу похвалиться и тѣмъ, чтобы я видалъ слишкомъ много; но все же я, должно быть, опытиѣ васъ, и потому вы мнѣ можете повѣрить. И я вамъ скажу, что у насъ, собственно говоря, — что ни цыганъ, то и конокрадъ; что ни сапожная вывѣска, то и плохой сапожникъ; что ни присутственное мѣсто — то и чиновниковъ такая толпа, въ которой никого не распознаешь по тому признаку, что одинъ беретъ взятки, а другой нѣтъ... Это вѣрно; спросите кого хотите, если мнѣ не вѣрите. Мы, читатели, даже удивляемся всѣ, какъ *вы* этого до сихъ поръ не знаете! Конечно, вы жизнь по книжкамъ изучали; да неужели же нѣтъ такихъ книжекъ, въ которыхъ бы это было рассказано какъ слѣдуетъ? Знаете, что: намъ кажется иногда, что вы и книжки-то плохо читали; вы какъ будто читаете только *текущую литературу*, т. е. свои журналы. Этимъ только и можно объяснить азартъ, съ которымъ вы кидаетесь на всякое извѣстіе о взяткѣ, грубости, несправедливости и всякой другой дряни. Тутъ у васъ въ журналахъ дѣйствительно было время, когда ни о чемъ подобномъ не писалось; «*не писалось*» не значить, что *и не дѣлалось*, и не расходилось въ публикѣ. Вы ничего не писали, а взятки и кражи учинялись попрежнему, и мы о нихъ знали очень хорошо, такъ что для насъ онѣ вовсе не были новостью,

когда вы внезапно закричали о нихъ въ своихъ журналахъ. А вотъ вы-то сами какъ будто и дѣйствительно новость узнали: такъ вы погружены были въ свои журналы, такъ пропитались ихъ розовымъ запахомъ и такъ отвлеклись отъ всего живого! . . . Мы васъ и не винили вначалѣ-то, думая, что вы, какъ люди умные, тотчасъ же оглянитесь вокругъ себя смекнете въ чемъ дѣло, да потомъ еще и насъ поучите, куда намъ идти и что дѣлать. Но, видно, знаніе жизни дается не такъ легко, какъ изученіе какого-нибудь нѣмецкаго курса эстетики! Вы, какъ стали на одной точкѣ, такъ и не двигаетесь съ нея . . . А все оттого, что жизни не знаете! Три года тому назадъ вы стали печатать обличительныя повѣсти; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ талантъ, въ другихъ просто рассказывались любопытные факты. И тѣ, и другія были приняты публикою благосклонно. Почему? Очевидно потому, что публика признала дѣйствительность фактовъ, сообщаемыхъ въ повѣстяхъ, и читала ихъ — не какъ вымышленныя повѣсти, а какъ рассказы объ истинныхъ происшествіяхъ. Но и тогда уже публика поправляла недомолвку литературы, называя истинными именами тѣхъ, которые скрывались подъ псевдонимами въ повѣстяхъ. И нужно признаться, что первыя ваши обличительныя повѣсти давали читателю возможность отыскивать обличаемыхъ. У г. Щедрина описанъ, напр., Порфирій Петровичъ: я зналъ двоихъ Порфирьевъ Петровичей, и весь городъ у насъ зналъ ихъ; есть у него городничій Фейеръ: — и Фейеровъ видалъ я нѣсколько... Разумѣется, еще чаще видали мы Чичиковыхъ, Хлестаковыхъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Держимордъ, и пр. Но объ этомъ я ужъ и не говорю. У Гоголя

такая ужъ сила таланта была, что до сихъ поръ, — куда ни обернешься, такъ все и кажется, что передъ тобой стоитъ или Чичиковъ, или Хлестаковъ, а если ни тотъ, ни другой, то ужъ навѣрное Земляника . . . Въ этомъ отношеніи я долженъ признаться, — большая часть *щедринскихъ* разсказовъ составляетъ шагъ назадъ отъ Гоголя. Но все-таки они не такъ далеко отъ него убѣжали, какъ нынѣшніе разсказы, непрерывно печатаемые въ газетахъ. По разсказу Щедрина я еще могъ узнавать обличаемыхъ, хотя не въ той степени, какъ по разсказу Гоголя; но теперешнія повѣсти (которыя вы почему-то называете *гласностью!*) совершенно лишаютъ меня этой возможности. Ну, скажите на милость, куда мнѣ годится, напр., такое обличеніе:

Одному моему знакомому случилось заказать себѣ сапоги, изъ петербургскаго товара, здѣшнему цеховому сапожнику. *Что же оказалось?* Онъ, желая выдать поставленный имъ товаръ за петербургскій, самъ вывелъ клеймо фабриканта на кожѣ чернилами, и довольно искусно, такъ что съ перваго раза трудно догадаться о поддѣлкѣ. Но сапоги нецѣли черезъ двѣ *перелопатилась*, — *фальшивъ* оказался несомнѣннымъ, тѣмъ очевиднѣе, что на петербургской кожѣ клеймо фабриканта печатное. (См. „Русск. Дн.“ 1859, № 22.)

Извѣстіе это прислано въ «Русскій Дневникъ», изъ Нижняго Новгорода, съ подписью: «*Корреспондентъ*». Я самъ, какъ вамъ извѣстно, обитатель Нижняго, и потому легче другого могъ бы сособразить, кто тутъ обличается; но, хоть убейте меня, я до сихъ поръ никакъ не могу указать вамъ гнуснаго сапожника, о которомъ извѣщаетъ *Корреспондентъ*. Если бы онъ подписалъ хоть свою собственную фамилію, то до сапожника ужъ мы бы добрались какъ-нибудь: узнали бы, кто у Корреспондента знакомые,

потомъ справились бы, какіе сапожники шьютъ на нихъ сапоги, и такимъ образомъ понемножку добились бы свѣдѣній, по крайней мѣрѣ вѣроятныхъ, если не совершенно непогрѣшимыхъ. Но обличитель скрылъ даже и свою фамилію и тѣмъ лишилъ насъ всякой возможности напасть хоть на слѣдъ негоднаго сапожника. Если бы онъ представилъ типическія особенности сапожника, какъ дѣлалось прежде, въ щедринскихъ разсказахъ, тогда была бы польза: можно бы узнать, по указаннымъ признакамъ, почти всякаго надувалу-сапожника. Но *Корреспондентъ* говоритъ просто: «одному цеховому сапожнику» — какъ тутъ искать его? И какую пользу для общества можетъ принести свѣдѣніе, что одинъ сапожникъ дурной товаръ на сапоги ставитъ? Если вы полагаете, что есть люди, которые не знаютъ о существованіи такихъ сапожниковъ, то вы очень ошибаетесь. Всякій изъ читателей подивится только, какимъ образомъ *вы* могли этого не знать. Развѣ не оттого ли ваше незнаніе, что вы постоянно *котуриѣ* надѣваете и не имѣете понятія о сапогахъ? Но вѣдь мы все думали, что вы въ *котуриѣ*-то являетесь передъ нами только печатнымъ образомъ; а какъ же вы по улицамъ-то ходите? Развѣ тоже въ *котуриѣ*? Впрочемъ, дѣйствительно въ *котуриѣ*, нечего и спрашивать: это по сочиненіямъ вашимъ видно. Ну, въ чемъ же иначе можетъ ходить, напр., г. Жемчужниковъ, напечатавшій въ № 1 «Московскихъ Вѣдомостей» нынѣшняго года статейку «Еще придирка». Статейка написана горячо, благородно, остроумно; а по какому поводу? Читайте.

Нѣкто [кто?] прѣзжаетъ въ *нѣкоторый* [какой] городъ и отправляется въ гостиницу [какую?], куда приказыва-

ваетъ и своему слугѣ [какъ его зовутъ?] явиться съ чемоданами. Слуга нанимаетъ извозчика [имя? номеръ?] и ѣдетъ... Съ нимъ встрѣчаются блюстители порядка и общественной безопасности, — *все равно*: казаки ли они, или какіе-либо полицейскіе служители [далеко не все равно для гласности!]. Ёдущій слуга почему-то имъ кажется человѣкомъ подозрительнымъ. Они его останавливаютъ и спрашиваютъ: кто онъ и куда ѣдетъ? Онъ отвѣчаетъ имъ, что онъ такой-то, и называетъ гостиницу, куда ему приказано ѣхать. Блюстители замѣчаютъ, что онъ ѣдетъ не въ ту сторону, гдѣ находится гостиница, и еще болѣе утверждаютъ въ своемъ мнѣніи, что онъ человѣкъ подозрительный; вѣдѣвше что они его задерживаютъ и представляютъ въ полицію. Слуга ѣхалъ дѣйствительно не въ ту сторону, гдѣ гостиница; извозчикъ, вѣроятно, не знаетъ дороги или не понимаетъ, куда везти. Что же дѣлаетъ полиція съ задержаннымъ человѣкомъ? Она [кто же, однако, эта *она*?] спрашиваетъ его: кто онъ и куда ѣхалъ? Онъ отвѣчаетъ, что онъ такой-то; называетъ гостиницу, куда приказано ему ѣхать; объясняетъ, что онъ самъ дороги не знаетъ, будучи въ городѣ въ первый разъ; немедленно предъявляетъ свои виды; называетъ лицо, у котораго находится въ услуженіи, и проситъ проводника для сопровожденія его въ гостиницу и для удостовѣренія въ истинѣ своего показанія. Но полицейскій чиновникъ [какъ его имя?] не соглашается на это предложеніе и принимаетъ слѣдующую мѣру, чтобы убѣдиться въ достовѣрности словъ слуги и въ подлинности представленнаго имъ лица: онъ открываетъ чемоданы и осматриваетъ находящіяся въ нихъ вещи. Обревиговавъ такимъ образомъ и бѣлье, и платье, и все, что было тамъ спрятано и заперто именно съ тою цѣлью, чтобы никто не смѣлъ ни до чего касаться безъ разрѣшенія или приказанія хозяина, и продержавъ слугу въ полиціи два часа, чиновникъ наконецъ соглашается на его первоначальную просьбу и отправляетъ его въ гостиницу съ проводникомъ.

Случайъ самый обыкновенный, самый невинный, — сошлюсь на всѣхъ русскихъ читателей! Изъ-за чего же тутъ горячиться, отъ чего приходить въ изумленіе, и — главное — зачѣмъ все это

разсказывать намъ съ такими подробностями? Можетъ быть, это особенный родъ остроумія, потѣшающійся надъ несбывшимися ожиданіями; но такое остроуміе, имѣя цѣлью — одурачить человѣка, не совсѣмъ удобно въ отношеніяхъ автора съ читателями. Я, помню, читалъ гдѣ-то, какъ одинъ шутникъ отдѣлался отъ навязчиваго господина, который все спрашивалъ его, таскаютъ ли волки коровъ въ лѣсъ. — «Бываетъ», — отвѣчалъ шутникъ, — и затѣмъ разсказалъ длиннѣйшую исторію о томъ, какъ у него однажды корова домоіи не пришла, какъ онъ искалъ ее по лѣсу и какъ она оказалась возлѣ забора его дома, совершенно въ добромъ здоровьѣ. — «Ну, а волкъ?» — спросилъ слушатель. — «Волка не было», — лаконически отвѣчалъ разсказчикъ . . . Г-нъ Жемчужниковъ поступаетъ съ нами отчасти въ этомъ родѣ: мы ожидаемъ какой-нибудь ужасной исторіи, чего-нибудь необычайнаго, чтобы дыханье захватило, а тутъ вдругъ *«отправился благополучно домоіи»*. Да помилуйте, что вы насъ морочите-то? Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ не понимаете, что объ этакихъ вѣщахъ объявлять все равно, что объявить: «одинъ кварталный надзиратель недавно пообѣдалъ!» Объ этомъ говорить нечего; мы не такіе виды видали . . . Я, напр., могъ бы разсказать, какъ у одного проѣзжаго купца было отнято близъ города разбойниками 50,000 руб., и какъ черезъ мѣсяць потомъ у частнаго пристава умеръ дядюшка въ Сибири и оставилъ ему 50,000 наслѣдства. Я могъ бы сообщить, какъ одинъ домовладѣлецъ далъ во время пожара 3,000 цѣлковыхъ полиціи, чтобы только она не подступалась къ его дому. Я могъ бы передать исторію, какъ одну нѣмку изъ Виртемберга, захо-

тѣвшую приписаться къ Россіи, приписали-было въ крѣпостныя къ казеннымъ заводамъ, за то, что она, *не зная порядковъ*, никому ничего не платила . . . Да мало ли что можно бы рассказать, если бы была охота! Слава Богу, — Русь-то наша не клиномъ сошлась! А то — побезпокоили человѣка, чемоданы посмотрѣли: велика важность! Извѣстное дѣло — *à la guerre, comme à la guerre* . . .

Но г. Жемчужниковъ рассказываетъ эту исторію собственно для выводовъ, какіе онъ дѣлаетъ изъ нея. Онъ говоритъ: «я не счелъ нужнымъ обозначить мѣсто, гдѣ случилось рассказанное мною происшествіе. Предположите, пожалуй, что оно вымышленно: но отъ этого не потеряетъ своего характера возможности и вѣроятія». Слѣдовательно, вмѣсто гласности опять выступаетъ на сцену міѳологія! Хорошо! Гдѣ же нравоученіе? Ихъ два, — одно теоретическое, другое практическое. Первое таково:

У насъ *есть еще* [скоро не будетъ, конечно!] люди, считающіе насиліе и произволъ мѣрами общественнаго порядка и гражданскаго благоустройства.

Практическіе выводы имѣютъ такой видъ:

Къ стыду нашему, мы должны сознаться, что чувство чести и собственного достоинства у насъ еще не развилось, или, можетъ быть, заглохло. Въ нашей общественной жизни мы умѣли соединить привычку неповиновенія закону съ постыднымъ и рабѣйнымъ самоуничтоженіемъ передъ всякимъ произволомъ. *Избѣгая исполненія нашихъ обязанностей, мы не заботимся о защитѣ нашихъ правъ и не умѣемъ протестовать противъ оскорбленія нашей гражданской чести и человѣческаго достоинства, когда это оскорбленіе наносится намъ безъ всякаго повода и причины, а просто подъ предлогомъ исполненія служебныхъ обязанностей* („Моск. Вѣд.“, № 1).

Итакъ — вотъ вамъ мораль: «исполняйте свои обязанности, защищайте свои права и протестуйте противъ оскорбленій». Великая истина, — жаль только, что не совсѣмъ новая. Это еще звѣри у Крылова предлагали. Помните, какъ они, защищая овецъ отъ волковъ, рѣшили, что ежели волкъ нападетъ на овцу,

То волка тутъ властна овца,
Не разбираючи лица,

Схватить за шиворотъ и тотчасъ въ судъ представить
Въ ближайшій лѣсъ или боръ...

Но мнѣ кажется, что это разсужденіе истинно-звѣрское, хотя оно г. Жемчужникову и нравится. Я говорю: *нравится*, основывая это вотъ на какихъ соображеніяхъ. Статейка г. Жемчужникова направлена противъ того, что мы не заботимся о защитѣ своихъ правъ; въ заключеніи же ея говорится: «Нельзя однакоже отказаться отъ надежды, что во всѣхъ сферахъ нашей жизни человѣческій разумъ одержитъ наконецъ верхъ надъ животными инстинктами! Будемъ ожидать терпѣливо наступленія этого вождельннаго времени». Видите: мы должны отстаивать свои права и ожидать терпѣливо, когда человѣческій разумъ, и пр. . . . Ясно, — хватайте волковъ за шиворотъ, отстаивая свои права, и ожидайте, пока ихъ разумно разсудятъ съ вами въ ближайшемъ лѣсу! Стоило такой шумъ подымать для того, чтобы напомнить намъ о *терпѣнии*! Терпѣнію-то ужъ насъ, провинціаловъ, не учите пожалуйста: сами горазды!

А вѣдь дѣйствительно, другой цѣли-то нѣтъ, должно быть, у васъ, кромѣ того, чтобы порисоваться передъ нами въ котурнѣ да поучить насъ терпѣнію. Все, что вы дѣлаете, доказываетъ это.

Напримѣръ, въ № 2 «Московскихъ Вѣдомостей», вслѣдъ за статейкой г. Жемчужникова, было напечатано вотъ какое письмо къ редактору:

М. Г. Позвольте мнѣ сообщить вамъ фактъ, сильно поразившій меня, когда я услыхалъ о немъ. Вѣроятно многимъ нечасто приходилось слышать такого рода случаи.

Н, оставивъ въ Москвѣ жену съ тремя дочерьми безъ всякихъ средствъ къ существованію, пошелъ въ казачи и былъ посланъ на Амуръ. Бѣдная женщина на кое-какъ пристроилась къ мѣсту и своими трудами содержала себя и свое семейство. Спустя нѣсколько лѣтъ взгрустнулось мужу по женѣ: онъ почувствовалъ снова склонность къ семейной жизни и, боясь не найти сочувствія въ женѣ къ своему предложенію, послалъ ей чрезъ кого слѣдуетъ приглашеніе придти повидаться съ нимъ въ Сибирь. Въ одно прекрасное утро ей было объявлено, что она должна чрезъ двѣ недѣли по этапу, съ колодниками, отправиться на Амуръ для свиданія съ мужемъ. Вы можете себѣ представить ужасъ *несчастной жертвы этой любви*. Для сохранения *супружескаго счастья* жертвовалось всѣмъ: здорвьемъ, спокойствіемъ, привязанностью къ родинѣ, къ семейству; вмѣнялось въ связанность нравственной женщиной, единственной опорѣ семейства, отправиться зимой, по этапу, съ колодниками, за нѣсколько тысячъ верстъ, на свиданіе съ человекомъ, который пустилъ ее и семью по міру. Ни слезы, ни молебны несчастной не могли поправить дѣло: она *должна* будетъ отправиться въ путь, бросивъ все, что было ей дорого и мило въ Москвѣ, ея родинѣ. Стоитъ немного остановитъ вниманіе на этомъ фактѣ, чтобъ увидѣть всю массу послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собою подобное внушеніе высоко-нравственнаго чувства.

Примите и пр.

Д. З—скій.

Мы читали письмо г. Д. З—скаго о женѣ г. Н и терялись въ догадкахъ, зачѣмъ оно напечатано. Что мужъ, по существующимъ законамъ, имѣетъ право вытребовать къ себѣ жену, это мы всѣ знали;

что женѣ это требованіе всегда бываетъ непріятно, — тоже всякому извѣстно. Чего же хотѣлъ г. З — скій, говоря о женѣ г. Н? Возбудить къ ней участіе? Но какъ же это участіе могло выразиться, когда ея имя не было названо? Задумались мы, и только покачали головой, при мысли о непрактичности писателей и редакторовъ. И, должно быть, не намъ однимъ приходили въ голову такія мысли. Недѣли черезъ двѣ въ № 15 «Моск. Вѣд.» появилось письмо къ редактору такого содержанія. «Не иначе, — говоритъ, — какъ въ видахъ христіанской любви, вы сообщили извѣстіе о женѣ, требуемой мужемъ по этану. Дѣйствительно, о ней жалѣютъ и хотятъ помочь ей; но кто она и гдѣ она? *Какъ добрый человекъ и христіанинъ*, примите, — говоритъ, — на себя трудъ указать мѣсто ея жительства». Въ отвѣтъ на это письмо редакторъ оказался человекомъ чувствительнымъ: онъ назвалъ письмо *трогательнымъ* и сказалъ, что жена г. Н называется Акулиною Варѣоломеевною Кащѣевою, живетъ на Срѣтенкѣ, въ домѣ купца Сазикова, въ квартирѣ Матвѣя Филипповича, и должна отправиться черезъ недѣлю. Къ сему редакторъ счелъ нужнымъ присовокупить: «Мы слышали, что, по распоряженію начальства, эта несчастная женщина снабжена тѣмъ, что можетъ облегчить ей предстоящее путешествіе. Говорятъ, ей даны тулунъ и лошадь». Замѣьте, что со времени перваго объявленія до этого письма и редакторской приписки прошло двѣ недѣли, — въ продолженіе которыхъ благодѣтельные москвичи рвались всѣми силами души своей помочь несчастной, но не знали, гдѣ она, не знали даже, не миѡъ ли она, вмѣстѣ съ г. Д. З — скимъ! . . . Что мѣшало въ первомъ же из-

вѣщеніи объявить ея имя? Неужели и тутъ были какія-нибудь помѣхи, не зависящія отъ редакціи? Нѣтъ-съ, быть не можетъ: тутъ во всемъ виновата единственно ваша привычка къ отвлеченности и совершенное отчужденіе отъ жизни. Вы очень чувствительны; услышавши о несправедливости, вы начинаете громко кричать; узнавъ о несчастѣ, горько плачете. Но вы какъ-то умѣете возмущаться противъ несправедливости вообще, также какъ умѣете сострадать несчастью въ отвлеченномъ смыслѣ, а не человѣку, котораго постигло несчастье... Отъ того всѣ ваши разсужденія и отличаются такимъ умомъ, благородствомъ, краснорѣчіемъ и — непрактичностью въ высшей степени. Вы до сихъ поръ разыгрываете въ вашей литературѣ (скажу, не какъ Хлестаковъ) какихъ-то чувствительныхъ Эрастовъ: какъ будто исполнены энтузіазма и силы, какъ будто что-то дѣлаете, а въ сущности все только себя тѣшите и — виновать — срамите передъ нами, простыми провинціальными жителями.

Я надѣюсь, что вы моими жесткими выраженіями не обидитесь, какъ и я не обидѣлся вашимъ замѣчаніемъ о моемъ первомъ письмѣ — относительно «Литературнаго протеста». Богъ съ вами: бранитесь, сколько хотите, — только представьте и мое мнѣніе на судъ публики. Она разсудитъ... Что касается до гласности, которой вы хвалитесь, то я о ней еще поговорю съ вами. О ней можно много говорить, а я еще только началъ. Тороплюсь послать письмо на почту: мнѣ хочется, чтобы вы въ апрѣлѣ напечатали его. Но не могу съ вами разстаться, не сдѣлавъ слѣдующаго предложенія: издавайте ежедневную газету! Я готовъ вамъ поставлять каждый день въ теченіе десяти лѣтъ по

двадцати одному истинному анекдоту, въ родѣ тѣхъ, которыхъ десятка два, подъ именемъ *гласности*, напечатано въ вашихъ газетахъ за нынѣшній годъ. Разумѣется, я буду всячески избѣгать собственныхъ именъ, и даже своего собственного не буду приписывать. Рѣшайтесь . . . Не бойтесь, что матеріалу не хватитъ: земля наша велика и обильна . . .

Д. Свиристелевъ.

Нижній-Новгородъ,
25 марта 1859 г.

Безразсудныя слезы.

Солнце въ тучахъ непроглядныхъ
Грустно ликъ свой прячетъ;
У воротъ двора сквозного
Бѣдный ванька плачетъ.

Цѣлый день онъ по столицѣ
Съ юнкеромъ катался;
Пять рублей ему дать юнкеръ
За день обѣщался.

Но чрезъ дворъ сквозной подь вечеръ
Онъ отъ ваньки скрылся;
Ванька съ клячей понапрасну
Цѣлый день морился.

Успокойся, бѣдный ванька:
Есть тебѣ защита.
Какъ тебя обидѣлъ юнкеръ, —
Будетъ всѣмъ открыто.

Отъ обидъ и отъ обмановъ
Ужъ прошла опасность!

Нынче время не такое:
    Процвѣтаетъ гласность!
Завтра жъ я во всѣхъ газетахъ
    Публикую ясно:
«Вздилъ съ юнкеромъ извозчикъ
    Цѣлый день напрасно.
Дать хотѣлъ онъ пять цѣлковыхъ,
    Не далъ ни копейки!»
И предамъ его позору
    Я въ моей статейкѣ...
Но, не внемля утѣшеньямъ,
    Глупый ванька плачетъ...
Солнце гнѣвно ликъ прекрасный
    Въ черныхъ тучахъ прячетъ.

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

№ 3.

Краткая исторія „Свистка“ во дни его временнаго несуществованія.

«Свистокъ» дожидался только выѣзда уполномоченныхъ изъ Цюриха, чтобы опять раздаться въ русской литературѣ. Теперь объявлено, что они въ октябрѣ выѣдутъ, и если они, по свойственной дипломатамъ правдивости, сдержатъ слово, то «Свистокъ» надѣется уже безраздѣльно завладѣть вниманіемъ публики. Въ лѣтніе мѣсяцы ему было неловко являться потому, что общее любопытство было привлечено итальянской войной, и въ началѣ іюля, поощренные примѣромъ «Русскаго Дневника», редакторы «Свистка» даже послали было въ «Современникъ» такое объявленіе:

«Въ настоящее время, когда все вниманіе публики обращено на политическія событія, совершающіяся на Западѣ, для «Свистка», не способнаго заниматься политикою — иначе какъ въ штуку, прекратилась возможность рассчитывать на увеличеніе ограниченнаго числа своихъ поклонниковъ; вслѣдствіе чего «Свистокъ» вынужденнымъ находится прекратить свой свистъ.

«Хотя «Свистокъ» былъ при «Современникѣ» не что иное какъ «съ боку припека», по глубоко вѣрному выраженію нашего умнаго народа, тѣмъ не

менѣе редакція «Современника» должна счесть личною своею обязанностию дать своимъ подписчикамъ удовлетвореніе за австрійско-французскую войну, лишившую ихъ русскаго «Свистка». Но такъ какъ извѣстно, и многократно было опубликовано, что редакція «Современника» не имѣетъ достаточно остроумія для подобнаго удовлетворенія, то она и должна вознаградить публику за «Свистокъ» приложеніемъ къ своему журналу статей о новыхъ памятникахъ древне-вавилонской письменности, для которыхъ редакція уже имѣетъ достаточный запасъ матеріаловъ въ статьяхъ г. Хвольсона».

Объявленіе это было готово въ тотъ самый день, когда появилось объявленіе о прекращеніи «Русскаго Дневника». Но, «къ сожалѣнію или къ счастью», по словамъ нашего милаго балладника Василія Андреевича Жуковскаго, «Современникъ» нынѣ всегда запаздываетъ (въ чемъ стараются по возможности подражать ему и другіе журналы). Слѣдствіемъ такого обстоятельства было то, что объявленіе наше на нѣсколько дней задержалось, а тутъ вдругъ — ни съ того, ни съ сего — пришло извѣстіе о мирѣ, и наши резоны сдѣлались совершенно неумѣстными.

Тогда мы получили надежду, что скоро придетъ и нашъ чередъ; но — увы! — горько ошиблись! Русская публика, изъ подражанія французамъ, продолжала и по окончаніи войны читать и толковать объ Италіи, такъ что мы шикнуть не смѣли, не только свистнуть о нашихъ домашнихъ вопросахъ. Это обѣсило насъ, и мы даже сочинили было филиппику противъ увлеченія иностранными вопросами. Филиппика была очень грозна. Въ ней напоминали мы русскимъ читателямъ слова г. Погодина, что

стыдно намъ заниматься европейскими мелочными дразгами, когда у насъ — и у насъ однихъ только въ настоящее время — поднято столько міровыхъ вопросовъ. Мы перечисляли даже нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ, какъ на примѣръ: «Зачѣмъ въ лѣтній зной, по свидѣтельству Н. Ф. Павлова, московскія улицы посыпаются пескомъ? Зачѣмъ докторъ Рклицкій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, расхваленъ въ «Современникѣ»? Зачѣмъ г. Вышнеградскій пересталъ объявлять въ газетахъ о собственномъ безкорыстіи? Зачѣмъ «Наука жизни» г. Дыманна не вводится, какъ обязательный предметъ, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ не преподается греческій языкъ?» и т. д. Сдѣлавъ подробное перечисленіе нашихъ родныхъ вопросовъ, мы взглядывали и на итальянскій вопросъ съ русской точки зрѣнія и приходили къ такому заключенію: «Что намъ за дѣло до Италіи? Взойдетъ ли къ намъ на дворъ бѣлая корова, въ случаѣ возстановленія герцоговъ или присоединенія герцогствъ къ Пьемонту? Что намъ мѣшать въ чужія дѣла? Давно уже замѣчено, что *«Italia farà da se»* — Италія и безъ насъ проживетъ, — плюньте на Италію: Италія есть географическій терминъ, — не болѣе, по глубокомысленному замѣчанію австрійскаго государственнаго мужа. Да и въ географіи-то она совершенно ничтожна: по основательному соображенію г. Шевырева, если бы съ Алыя спустить на Италію нашу Волгу, — всю бы затопило!! Стоитъ ли жъ послѣ всего этого заниматься такой ничтожностью? Сравните-ка наше-то положеніе: у насъ Волга не только ничего не затопила, но и сама-то вся засорилась и пересохла! Вотъ какой мы великій народъ».

Мы убѣждены, что наши соображенія, явно расчитанныя на патріотизмъ, успѣли бы образумить русскую публику. Но въ этомъ году злой рокъ судилъ намъ вѣчно опаздывать: когда мы изготовили свою филиппику, — оказалось, что во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ Петербурга портреты Гарибальди замѣнены уже портретами Шамиля! Къ этому мы были совершенно не приготовлены! Между тѣмъ въ публикѣ проявился такой энтузіазмъ къ Шамилю, какого не бывало со времени посѣщенія Россіи Дюмою. Мы опять было принялись за увѣщанія и хотѣли доказать, что Шамиль, какъ и Дюма, теперь уже не интересенъ, что —

Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ:
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній дѣятельный жаръ, —

что при томъ же борода у него — рыжая, что ужъ вовсе не соответствуетъ нашему идеалу прекраснаго черкесса, что слѣдовательно онъ — просто вниманія не стоитъ. Но тутъ ужъ мы сами почувствовали, что подобная попытка была немножко дерзка и не повела бы ни къ чему хорошему, окромя худого. При томъ же мы были совершенно озадачены г. Горяиновымъ, который въ «Сѣверной Пчелѣ» доказалъ, что мы ходимъ смотрѣть на Шамиля вовсе не съ тѣмъ чувствомъ, какъ на Дюму, что мы всѣ одушевлены теперь не простымъ любопытствомъ, а самымъ патріотическимъ желаніемъ — повѣсить и растерзать въ клочки ужаснаго иностранца, съ которымъ обходятся такъ несправедливо, т. е. прилично и гуманно. Противъ такого воззрѣнія на Шамиля съ русской точки мы уже ничего не могли возразить и сочли за лучшее — продлить свое молчаніе еще на нѣкоторое время.

Но теперь — о, какія благопріятныя для насъ обстоятельства! . . Шамиль уѣхалъ въ Калугу, уполномоченные тоже, вѣроятно, уѣхали изъ Цюриха, сама Москва — хотя и никуда еще не уѣхала (потому что по желѣзной дорогѣ ей можно покамѣстѣ ѣхать только на Петербургъ, на что она ни подъ какимъ видомъ не рѣшится) — но все-таки Москва занята теперь недавними банкротствами достойныхъ сыновъ ея, — слѣдовательно, и она мѣшать намъ не можетъ. Начнемъ же снова насвистывать, со свойственными намъ безпечностью и благодушіемъ, тѣмъ болѣе, что г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, много намъ вредившій своими выходками, теперь исправился, какъ сейчасъ убѣдятся читатели. Его стихотвореніемъ мы нарочно начинаемъ нынѣшній «Свистокъ».

Раскаяніе Конрада Лиліеншвагера.

Извѣстно, что г. Лиліеншвагеръ своимъ смѣлымъ и звучнымъ стихомъ воспѣлъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ «бѣса отрицанья и сомнѣнья», который вовсе не долженъ былъ бы и носа показывать въ публику въ настоящее время, когда (какъ очевидно изъ примѣра акціонеровъ общества «Сельскій Хозяинъ») все создается на взаимномъ довѣріи и сочувствіи. За непростительную дерзость г. Лиліеншвагера досталось и намъ и ему въ № 95 «Московскихъ Вѣдомостей». Мы, разумѣется, тотчасъ же сказали, что наше дѣло сторона, и тѣмъ себя немедленно успокоили. Но г. Лиліеншвагеръ, какъ пылкая, поэтическая и при томъ почти нѣмецкая натура, принялъ упреки «Московскихъ Вѣдомостей» очень близко

къ сердцу, и — кто бы могъ это подумать? — въ убѣжденіяхъ его совершился рѣшительный переломъ. Какъ Пушкинъ отрекся отъ своего «Демона», вслѣдствіе нѣкоторыхъ совѣтовъ изъ Москвы, такъ и г. Лиліеншвагеръ отрекся отъ своего бѣса, и сдѣлался отнынѣ навсегда (до первой перемѣны, разумѣется) вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ пѣвцомъ нашего прогресса. Вотъ стихотвореніе, которымъ ознаменовалъ онъ моментъ своего раскаянія.

Мое обращеніе.

Во дни пасхальныхъ балагановъ
Я буйной лирой оскорблялъ
Прогресса русскаго титановъ
И нашу гласность осмѣялъ.

Но отъ стиховъ моихъ шутовскихъ
Я отвратилъ со страхомъ взоръ,
Когда въ «Вѣдомостяхъ Московскихъ»
Прочелъ презрительный укоръ.

Я лишь потоки слезъ неожиданныхъ
О томъ, что презрѣнъ я въ Москвѣ . . .
Себѣ, въ порывахъ покаянныхъ,
Надралъ я плѣшь на головѣ! . .

Но плѣшью сей купишь я право
Смотрѣть на будущность свѣтло! . .
Съ тѣхъ поръ, не мудрствуя лукаво,
Я прояснилъ свое чело:

Меня живить родная пресса,
И, полнъ святого забытья,
Неслышной поступи прогресса
Съ благоговѣньемъ внемлю я . . .

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

Опыты австрійскихъ стихотвореній.

Соч. Якова Хама.

(Отъ редакціи «Свистка». Въ настоящее время, когда всѣмъ признано, что литература служитъ выраженіемъ народной жизни, а итальянская война принадлежитъ исторіи, — любопытно для всякаго мыслящаго человѣка прослѣдить то настроеніе умовъ, которое господствовало въ австрійской жизни и выражалось въ ея литературѣ въ продолженіе послѣдней войны. Извѣстный нашимъ читателямъ поэтъ, г. Конрадъ Лиліеншвагеръ, по фамиліи своей интересующійся всѣмъ нѣмецкимъ, а по мѣсту жительства — пишущій по-русски, доставилъ намъ коллекцію австрійскихъ стихотвореній; онъ говоритъ, что перевелъ ихъ съ австрійской рукописи, ибо австрійская цензура нѣкоторыхъ изъ нихъ не пропустила, хотя и не понимаетъ, чего тутъ не пропускать. Стихотворенія эти принадлежатъ одному молодому поэту — Якову Хаму, который, какъ по всему видно, долженъ занять въ австрійской литературѣ то же мѣсто, какое у насъ занималъ прежде Державинъ, въ недавнее время — г. Майковъ, а теперь — г. Бенедиктовъ и г. Розенгеймъ. На первый разъ мы выбираемъ изъ всей коллекціи четыре стихотворенія, въ которыхъ, по нашему мнѣнію, очень ярко отразилось общественное мнѣніе Австріи въ четыре фазиса минувшей войны. Если предлагаемая стихотворенія удостоятся лестнаго одобренія читателей, — мы можемъ представить ихъ еще нѣсколько десятковъ, ибо г. Хамъ очень плодовитъ, а г. Лиліеншвагеръ неутомимъ въ переводѣ.)

1.

НЕБЛАГОДАРНЫМЪ НАРОДАМЪ.

(Передъ началомъ войны.)

Не стыдно ль вамъ, мятежные языки,
 Возстать на насъ? Вѣдь ваши мы владыки! . .
 Мы сорокъ лѣтъ оберегали васъ
 Отъ необдуманныхъ ребяческихъ проказъ;
 Мы, какъ дѣтей, держали васъ въ опекѣ
 И такъ заботились о каждомъ человѣкѣ,
 Что каждый шагъ старались услѣдить
 И каждое словечко подхватить . . .
 Мы, — къ вамъ любовью отцовской одержимы, —
 Отъ золь анархіи хранили васъ незримо;
 Мы братски не жалѣли ничего
 Для вѣрнаго народа своего:
 Нашъ собственный языкъ, шпіоновъ гарнизоны,
 Чины, обычаи и самые законы, —
 Все, все давали вамъ мы щедрою рукой . . .
 И вотъ чѣмъ платите вы Австріи родной! . .
 Не стыдно ль вамъ? Чего еще вамъ нужно?
 Зачѣмъ не жить попрежнему намъ дружно? . .
 Иль мало нашихъ войскъ у васъ стоитъ?
 Или полиція о дѣлѣ нерадитъ?
 Но донесите лишь, — и въ мигъ мы все поправимъ,
 И въ каждый домъ баталіонъ поставимъ . . .
 Или страшитесь вы, чтобъ въ будущемъ отъ васъ
 Не отвратили мы заботливый свой глазъ?
 Но мысль столь страшная напрасно васъ трево-
 житъ:
 Австрійская душа коварна быть не можетъ!! . .

2.

НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА (ЕСЛИ БЫ ОНО СЛУЧИ-
ЛОСЬ).

(Писано при объявленіи войны.)

Давно ли бунтъ волною шумной
Грозилъ залить австрійскій тронъ,
И, полонъ ярости безумной,
На насъ вставалъ Наполеонъ?
Давно ли ты, страна разврата,
Отчизна бунтовъ и крамоль,
Была надеждою объята
Разбить еще одинъ престолъ?

И что же? Честь, законъ и право
Сразились съ буйнымъ мятежомъ,
И въ мигъ — страстей народныхъ лава
Застыла, въ ужасъ нѣмомъ!..
Предъ громоносными полками
Крамольникъ голову склонилъ,
И надъ парижскими стѣнами
Орель австрійскій воспарилъ!..

Теперь простись, о градъ надменный,
Съ республиканскою мечтой!
Ты не опасенъ для вселенной
Подъ нашей мудрою пятой!
Въ тебѣ покорность и порядокъ
Отнынѣ царствовать должны,
И сонъ француза будетъ сладокъ
Средь безмятежной тишины!

Мечты преступныя забудутъ,
Всѣ по закону станутъ жить:
Курить на улицахъ не будутъ,

Не будутъ громко говорить;
 Людей мятежныхъ разумъ узкій
 Закономъ будетъ огражденъ.
 Источникъ смуть — языкъ французскій
 Всѣмъ будетъ строго воспрещенъ!

Развратъ, вездѣ у васъ разлитый,
 У насъ сокроется во мракъ,
 И надъ заразою сокрытой
 Не посмѣется злобный врагъ.
 Мы будемъ горды, неприступны,
 Къ вамъ не дойдетъ умовъ развратъ:
 Шпіоны наши неподкупны
 И полицейскіе не спятъ.

3.

ОДА НА ПОХОДЪ ВЪ ИТАЛІЮ.

(Въ началѣ войны.)

Война! и снова лавръ побѣдный
 Австрійскимъ воинамъ готовъ! . .
 Я вижу, какъ — смущенный, блѣдный —
 Уже трепещетъ строй враговъ;
 Готовъ просить себѣ пощады,
 Готовъ о мирѣ умолять . . .
 Но австру нѣтъ иной отрады,
 Какъ непокорныхъ усмирять!

Неотразимо, безпощадно,
 Мы будемъ рѣзать, бить и жечь,
 Въ крови враговъ купая жадно
 Австрійскій благородный мечъ!
 Во грады будемъ мы врываться
 По трупамъ сверженныхъ враговъ
 И гордо станемъ наслаждаться
 Проклятьями сиротъ и вдовъ! . .

Мы будемъ чужды состраданью:
Дѣтей и старцевъ перебьемъ,
Возьмемъ мы дѣвъ на поруганье;
Что не разграбимъ, то сожжемъ!
Сожжемъ мы города и села,
Мы выжжемъ нивы и луга, —
Чтобъ знала гнусная крамола,
Какъ поражаемъ мы врага!..

Поникнетъ, какъ отъ Божья грома,
Страна всегдашнихъ мятежей!..
О, намъ давно она знакома,
И мы давно знакомы ей!
Князь Виндшигрецъ и графъ Радецкій,
Баронъ Гайнау, Гиулай, —
Съ отвагой истинно-нѣмецкой
Уже ходили въ этотъ край...

Осѣнены ихъ чудной славой
И полны памятью ихъ дѣлъ,
Мы потечемъ рѣкой кровавой
Въ тотъ ненавистный намъ предѣлъ!
Ура! Австрійскую державу
Распространить австрійскій мечъ,
И намъ спокойствіе и славу
Дастъ смертоносная картечь!..

4.

ДВѢ СЛАВЫ.

(При вѣсти о заключеніи мира.)

Пусть лавръ побѣдный украшаетъ
Героя славное чело, —
Но друга мира не прельщаетъ
Войны блистательное зло...

Предсмертный крикъ враговъ сраженныхъ,
Вопль матерей и плачъ сиротъ,
Стонъ земледѣльцевъ разоренныхъ
Онъ внемлетъ — и войну клянеть . . .

Иная, лучшая есть слава!
Иная, громче есть хвала!
И вновь австрійская держава
Ее теперь приобрѣла!
Мечты воинственные бросивъ,
Щадя запасъ народныхъ силъ,
Нашъ императоръ Францъ-Иосифъ
Миръ въ Виллафранкъ заключилъ! . .

На лицахъ всѣхъ сіяетъ радость;
Ликують села, города;
Въ поляхъ, почуявъ мира сладость,
Пасутся весело стада!
Отъ груди матерней ребенка
Теперь никто не оторветъ,
И даже малаго цыпленка
Никто безвинно не убьетъ!

За столь благіе элементы
Охотно мы врагамъ своимъ
Трофей Палестро и Мадженты
И Сольферино отдадимъ!
Возсядемъ мы подъ мирной кущей,
Въ восторгъ пѣсни запоемъ
Величью Австріи цвѣтущей
И кружкой пива ихъ запьемъ!

Съ австрійскаго Конрадъ Лиліеншлагеръ.

№ 4.

Наука и свистопляска, или какъ аукнется, такъ и откликнется.

(Разсказъ въ стихахъ и прозѣ, со свистомъ и пляскою.)

Титъ Титычъ. Настасья! Смѣть меня кто обидѣть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка Китъ Китычъ, не смѣть васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

Острозскій.

Предувѣдомленіе.

«Свистокъ» умеръ! «Свистокъ» кончилъ свое земное странствіе! Такъ и должно было ожидать, ибо, не признавая ничего возвышеннаго въ мірѣ, жить долго невозможно».

Такіе слухи и мнѣнія давно уже ходили по Россіи и особенно усилились съ начала великаго поста, когда, съ закрытіемъ театровъ и прекращеніемъ баловъ, образованному обществу рѣшительно нечего дѣлать, кромѣ какъ только сплетничать. Мы долго и упорно молчали, но наконецъ рѣшаемся протестовать. Прискорбно, конечно, объявлять, что я, дескать, живъ, и, сколько мы помнимъ, въ русской литературѣ только Алексѣю Дмитріевичу Галахову пришлось однажды сдѣлать такое объявленіе¹. Но что дѣлать? Извѣстно, что неблаго-

---

¹ См. „Отеч. Зап.“ 1819, № 2, Сибирь, стр. 259. „А. Д. Галаховъ живъ и здравствуетъ въ Москвѣ, дѣлательно работая надъ своими хре-

намѣренные слухи могутъ доводить людей до отчаянныхъ выходокъ. И мы предупреждаемъ, что если слухи о смерти «Свистка» не прекратятся, то мы послѣдуемъ примѣру санктпетербургской полиціи, объявившей недавно въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 54), чтобъ никто не вѣрилъ ложнымъ слухамъ о дочери г. Вебера. Вообще считаемъ не безполезнымъ объявить, что мы жизнь свою дешево не продадимъ!!

Мы впрочемъ и теперь не вышли бы въ свѣтъ, если бъ не вызывало насъ особое обстоятельство. Мы не очень гонимся за тѣмъ, чтобы безпрестанно быть на выставкѣ, и очень радуемся, видя, что наше дѣло, то есть забава читателей, исполняется не безъ успѣха другими. Съ нашей легкой руки «Свистокъ» подъ разными названіями появился во всѣхъ русскихъ журналахъ, даже наиболѣе похожихъ на «Revue des deux Mondes», которымъ такъ кололи намъ глаза. Такъ, напримѣръ, въ «Отеч. Запискахъ», съ которыхъ еще очень недавно снятъ эпиграфъ: «beatae plane aures» и пр., появилась въ концѣ прошлаго года весьма юмористическая статья г. Буслаева «О дрегне-русской бородѣ»; а въ «Русскомъ Вѣстникѣ» недавно напечатана статья г. Ржевскаго «О мѣрахъ, содѣйствующихъ развитію пролетаріата», до того родственная со «Свисткомъ», что у г. Лиліеншвагера оказалось нѣсколько стихотвореній, почти буквально сходныхъ съ нѣкоторыми ея мѣстами. А сколько свисту было въ Петербургѣ, когда г. Серно-Соловьевичъ ораторствовалъ, а Е. И. Ламанскій приказывалъ всѣмъ молчать! А

стоматіями, которыя пріобрѣли теперь всеюдною заслуженною извѣстностію и приняты въ руководство въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ“.

на желѣзныхъ-то дорогахъ сколько было свисту!.. Свистокъ рѣшительно вошелъ въ нравы, — и не только русскіе, но даже французскіе, ибо и въ главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ акціонеры, директора и инженеры свистали, можно сказать, выпуски... Видя такое всеобщее рвеніе къ свисту, мы уже и не считали нужнымъ утруждать себя для общественнаго блага. Но случилось обстоятельство, разлившее въ насъ именно то душевное довольство, при которомъ свищется само собою, умиленно и весело. Обстоятельство было вотъ какое.

До сихъ поръ солидные люди насъ знать не хотѣли, или, говоря любимымъ словомъ нѣкоторыхъ ученыхъ, — «игнорировали», и это чрезвычайно насъ беспокоило. «Что же это въ самомъ дѣлѣ, — думали мы: — развѣ мы не стоимъ никакого вниманія? Ну, положимъ, я дурень; такъ и скажи, что я дурень, а не молчи! Вѣдь писали же въ «Атеней» нѣсколько статей о сухихъ туманахъ, что жъ, мы развѣ хуже сухихъ тумановъ?» Но молчаніе о насъ продолжалось невозмутимое; даже Гарибальди не прислалъ (какъ мы ожидали) протеста на наши «Австрійскія стихотворенія». Впрочемъ Гарибальди мы еще извиняли: какъ хорошій знакомый г. Берга (смотри объ этомъ въ письмахъ г. Берга, «Русск. Вѣстн.», № 14), онъ вѣроятно слѣдитъ за русской литературой болѣе по «Русскому Вѣстнику», да и тамъ, послѣ переводовъ г. Берга, всего больше читаетъ статьи и стихотворенія семейства Павловыхъ... Но пренебреженіе русскихъ ученыхъ насъ очень беспокоило. Мысль привлечь ихъ вниманіе все болѣе овладѣвала нами, а одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ дошелъ даже до того, что заключилъ мечту всей своей жизни въ

томъ, чтобы увидѣть о «Свисткѣ» печатный отзывъ профессора Леонтьева! Какъ мы ни увѣряли нашего сотрудника, что г. Леонтьевъ, по однимъ уже строгимъ и классическимъ отношеніямъ своимъ къ университету, долженъ удалять отъ себя всякую мысль о свистѣ, — ничто не помогало: мысль видѣть въ печати отзывъ г. Леонтьева о «Свисткѣ» долго мучила нашего друга, и едва могъ онъ утѣшиться извѣстіемъ, что о «Свисткѣ» говорятъ даже за границей. Впрочемъ, мы сознаемся, это уже была крайность, нѣчто болѣзненное — *mania leontiana*. Мы не доходили до такой степени и охотно бы удовольствовались, если бъ увидѣли, что заслужили вниманіе, напр., хоть г. Рачинскаго, столь знаменитаго своею критикою стихотвореній г. Майкова (справьтесь, пожалуйста, въ «Русск. Вѣстн.», 1858, № 10). Если же заговорилъ бы о насъ г. Бунге, г. Горловъ и вообще кто-нибудь изъ ученой публики, дававшей недавно обѣдъ бельгійскому экономисту Густаву де Молинару, — нашему счастью предѣловъ бы не было . . . Но нѣтъ, наши ученые рѣшительно продолжали насъ «игнорировать». Они вспоминали скорѣе о предметахъ самыхъ отдаленныхъ, нежели о насъ. Напримѣръ, г. Утинъ, говоря во вступительной лекціи (см. въ «Отеч. Зап.», № 1) о началѣ государственной жизни у разныхъ народовъ, ухитрился перевести латинскую цитату изъ Тацита о государственной жизни германцевъ, а не потрудился поискать свидѣтельства въ «Свисткѣ». Еще недавно г. академикъ Гротъ, выражая въ «Спб. Вѣдомостяхъ» свое неудовольствіе отъ перваго литературнаго вечера въ пассажѣ, вдругъ заговорилъ собственными стихами о томъ,

Какъ струны *Брагга* запоютъ.

Брагга этого онъ называетъ «скандинавскимъ Аполлономъ». Но скажите на милость, неужели «Свистокъ» не ближе къ литературнымъ чтеніямъ, нежели какой-то скандинавскій Аполлонъ?.. О «Свисткѣ» слѣдовало бы тутъ упомянуть уже и потому, что стихотвореніе «Нива», непрерывно читаемое г. Майковымъ въ пользу нуждающихся литераторовъ, было отчасти помѣщено въ «Свисткѣ», — правда, въ извлеченіи, но за то съ весьма энергическимъ послѣднимъ стихомъ. И однако же — о Браггѣ повѣдано русской публикѣ устами почтеннаго академика, а о «Свисткѣ» ничего не сказано? Мы ужасно огорчились, и въ горѣ своемъ рады были даже г. Бестужеву-Рюмину, косвенно объяснявшему намъ въ «Отеч. Запискахъ» (1859 г., № XI) все неприличіе «Свистка». Въ награду за такое вниманіе, мы было рѣшились даже при первомъ удобномъ случаѣ произвести его въ великіе ученые.

И вдругъ, что же открывается? Открывается, что вся игноранція ученыхъ была въ этомъ случаѣ фальшивая, совершенно такъ, какъ въ большинствѣ другихъ случаевъ бываетъ фальшива ихъ эрудиція. Они зорко слѣдили за «Свисткомъ» и очень хорошо знали, что это такое, но «диссимулировали» свое знаніе¹. Открылась эта диссимуляція благодаря изслѣ-

¹ Диссимулировать, dissimulare значить притворно отрицать чувство или мысль, которая действительно въ насъ существуетъ. А есть другое слово симулировать simulate, такъ то значить — притворно показывать въ себѣ то, чего нѣтъ въ самомъ дѣлѣ. Для удобнѣшаго сближенія въ различіи этихъ словъ есть стихъ, который я всегда пересказываю, но наконецъ запомнилъ, потому что профессоръ латинской словесности въ теченіе курса повторилъ его намъ 23 раза. Вотъ этотъ стихъ:

Simulantur quae non sunt, quae sunt vero — dissimulantur.

Примѣчаніе сотрудника, добывающагося отзыва отъ г. Леонтьева.

дованіямъ г. Костомарова о началѣ Руси. Само собою разумѣется, что самъ г. Костомаровъ не предполагалъ такихъ результатовъ отъ своихъ изслѣдованій о варягахъ. Но такова уже участь великихъ открытій, что они дѣлаются случайно. Очень вѣроятно, что и г. Чичеринъ, работая надъ своею диссертациею о русскихъ областныхъ учрежденіяхъ XVII в., не предполагалъ, что диссертация эта поведетъ къ открытію слабости профессора Крылова и силы профессора Леонтьева въ латинскихъ склоненіяхъ; а вышло такъ. То же самое случилось и теперь. Впрочемъ расскажемъ все по порядку, и теперь уже безъ отступленій.

Въ то самое время, какъ г. Костомаровъ печаталъ въ «Современникѣ» статью о Руси-литовской, г. Погодинъ издалъ книжку о *норманскомъ* періодѣ русской исторіи. При разборѣ этой книжки въ «Современникѣ» съ обыкновенною скромностью замѣчено было, что новый взглядъ, отвергающій норманство, долженъ возбудить новыя хлопоты со стороны г. Погодина, который вотъ уже дѣтъ пятнадцать побѣдоносно почилъ на норманскомъ вопросѣ, точно въ Валгаллѣ, окруженный Валкиріями въ образѣ гг. Устрялова, Касторскаго, Зернина и пр. Предположеніе «Современника» оправдалось: г. Погодинъ пріѣхалъ изъ Москвы, чтобы вызвать г. Костомарова на публичный диспутъ о томъ, кто были призванные варяги, норманны или литовцы. Но это для насъ не главное; главное въ томъ, что вызовъ свой г. Костомарову сдѣлалъ г. Погодинъ письменно и что въ письмѣ этомъ посвятилъ нѣсколько отдѣльныхъ и новыхъ мыслей собственно намъ. Онъ изобрѣлъ для насъ особое названіе: «рыцари Свистопляски», довольно пространно говорилъ о томъ, что

онъ съ нами и говорить-то не хочетъ, и наконецъ, обращаясь къ г. Костомарову, такъ возопилъ: «Я считаю васъ честнымъ, добросовѣстнымъ дѣятелемъ въ кучѣ шарлатановъ, невѣждъ, непосредственностей и бездарностей, которыя, пользуясь исключительнымъ положеніемъ [?], присвоили себѣ на минуту авторитетъ въ дѣлѣ науки и приводятъ въ заблужденіе неопытную молодежь». Затѣмъ, вызывая г. Костомарова на ученый поединокъ, г. Погдинъ прибавилъ: «секундантовъ мнѣ не нужно, развѣ тѣни Байера, Шлѣцера и Круга, если у васъ въ Петербургѣ есть вызыватели духовъ; а вы, ради потѣхи, можете пригласить себѣ въ секунданты любыхъ рыцарей Свистопляски». На что г. Костомаровъ отвѣчалъ, что лучше выбрать живыхъ посредниковъ изъ ученыхъ мужей нашего времени (только не того, которое въ Москвѣ издается), ибо «тѣни Байера, Шлѣцера и Круга не помогутъ намъ: они уже только тѣни, да если бъ и имѣли тѣло, то не могли бы сохранить совершеннаго безпристрастія; а настоящая моя готовность отказаться отъ своего мнѣнія, если оно не будетъ имѣть достаточной силы, чтобы убѣдить нашихъ посредниковъ, можетъ служить М. П. Погдину ручательствомъ, что я не думаю мнѣніе свое защищать одобреніемъ рыцарей Свистопляски».

Можете себѣ вообразить наше торжество, когда мы узнали все это — сначала изъ устныхъ разсказовъ (ибо о Костомаровѣ, Погдинѣ и Свистопляскѣ жужжать нѣсколько дней весь городъ), а потомъ изъ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей». Такъ вотъ они какъ не знаютъ-то насъ! — радостно подумали мы. Они, какъ видно, покоя не имѣютъ отъ нашего свиста; они до того нами заняты, что даже

клички намъ придумываютъ и распускаютъ. Нашъ свистъ мѣшаетъ спокойно горѣть ихъ труженической лампадѣ, къ нашему свисту прислушиваются они постоянно, —

Въ своихъ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ!

Вопреки ихъ волѣ и желанію, нашъ свистъ слышится имъ изъ-за каждой строчки сочиняемыхъ ими книгъ, изъ-за каждой фразы произносимыхъ ими спичей. Нашъ свистъ для нихъ —

Das ist die ganze Wissenschaft,
Das ist der Bücher tiefster Sinn.

Споря съ г. Костомаровымъ какъ будто бы о норманнахъ, г. Погодинъ главнымъ образомъ обращаетъ свое негодованіе на насъ, и горячится при этомъ вовсе не за норманновъ, а совершенно по другимъ причинамъ, которыя угадать, конечно, не трудно. О норманнахъ «Свистокъ» никогда и не думалъ толковать; что намъ до нихъ за дѣло? Г-нъ Погодинъ не могъ даже знать, согласны ли мы съ нимъ или съ г. Костомаровымъ. Въ «Современникѣ», конечно, была рецензія, говорившая отчасти въ пользу новаго мнѣнія, но вѣдь «Современникъ» все-таки еще не «Свистокъ». Въ «Современникѣ» участвуютъ время отъ времени почтенные люди, какъ, напр., г. Безобразовъ, г. Лакіеръ, г. Де-Пуле, г. Аполлонъ Григорьевъ, не безызвѣстный г. Погодину, и т. п. Слѣдовательно нельзя предположить, чтобы подъ «кучею шарлатановъ, невѣждъ, посредственностей и бездарностей» г. Погодинъ разумѣлъ «Современникъ»¹. Дальнѣйшее добавленіе о рыца-

¹ Мы въ этомъ окончательно убѣдились, узнавъ, что г. Погодинъ самъ пожелалъ помѣстить въ «Современникъ» свои возраженія г. Костомарову.

ряхъ «Свистопляски», — безъ всякаго поясненія, кого разумѣть подъ этимъ, — доказываетъ, что и все предыдущее относилось къ «Свистку». Итакъ, почтенный ученый, академикъ и заслуженный профессоръ, находящійся уже, можно сказать, въ преклонныхъ лѣтахъ, никакъ не могъ, начиная ученый споръ, отстранить отъ себя мысль о «Свисткѣ» и до того разгорячился, что даже заподозрилъ между нами и своимъ ученымъ противникомъ нѣкотораго рода комплотъ! Это намъ очень польстило.

Но мы все еще страшились, что г. Костомаровъ разочаруетъ насъ, обнаруживъ полнѣйшее невѣдѣніе о «Свисткѣ». Гдѣ жъ ему, — разсуждали мы, — погруженному въ изысканія о жмуди и о жизни русскаго народа въ XVII столѣтіи, знать что-нибудь о насъ! Но нѣтъ, — оказалось, что и онъ знаетъ насъ очень хорошо. Прочитавъ о рыцаряхъ Свистопляски, онъ не пришелъ въ изумленіе, не спросилъ, что это за рыцари и что за Свистопляска, и съ какой стати о нихъ упоминаетъ ученый единоборецъ. Онъ принялъ все дѣло такъ, какъ будто бы ему рыцари Свистопляски были столько же понятны и знакомы, какъ и Шлѣцеръ, Байеръ и Кругъ. Вотъ, значитъ, мы каковы! Просто, значитъ, всемірную славу пріобрѣли! Правда, что г. Костомаровъ выразилъ нежеланіе защищать свое мнѣніе нашимъ одобреніемъ; но вѣдь онъ и тѣни Шлѣцера съ товарищами отвергъ, значитъ мы тутъ не очень обижены. Правда, и въ томъ надо сознаться, — г. Костомаровъ обнаруживаетъ какъ будто даже нѣкоторую боязнь, чтобъ его съ нами не смѣшали и не причислили къ нашему рыцарскому кругу; но и это ничего. Конечно, самолюбіе, свойственное всякому человѣку вообще, а свистящему въ особен-

ности, говорить намъ, что если бъ г. Костомарова и къ нашему кругу причислили, то для него особенной бѣды и безчестья отъ этого еще не было бы. Но, во всякомъ случаѣ, важно не то, благосклонно ли на насъ смотрятъ ученые, а то, что они обращаютъ на насъ вниманіе. «Намъ лишь бы обратили вниманіе», — какъ говоритъ Бѣлогубовъ у Островскаго. А что отзываются о насъ съ пренебреженіемъ, такъ вѣдь это отъ насъ же заимствовали: мы сами обо всѣхъ, исключая развѣ г. Бышенцова и еще немногихъ, говорили если не съ пренебреженіемъ, то съ нѣкоторою недовѣрчивостью; вотъ и о насъ теперь такъ говорятъ, и это служить новымъ доказательствомъ, что ученые мужи изучаютъ насъ очень тщательно. Да впрочемъ объ этомъ всего лучше свидѣтельствуется самый диспутъ г. Погодина, при которомъ Свистопляска получила такія прочныя права гражданства въ ученомъ мірѣ и о которомъ мы намѣрены теперь рассказать вкратцѣ. Въ г. Погодинѣ мы замѣтили прилежное изученіе Свистопляски, и чего въ этомъ дѣлѣ возможно достигнуть изученіемъ, снѣ достигъ; недоставало маститому ученому только природной ловкости и легкости, чтобы мы могли воскликнуть: нашего полку прибыло! Да еще недоставало почтенному академику той твердости духа, которою такъ отличались защищаемые имъ норманны, а теперь отличаемся мы, рыцари Свистопляски. Онъ не рѣшился прочитать передъ публикою письмо свое сполна, со всѣми обращеніями къ намъ; мало того — онъ отступилъ отъ своихъ словъ, сказанныхъ въ напечатанномъ отрывкѣ его письма. Мы уже этого никогда не дѣлаемъ. Пусть теперь г. Погодинъ отправится за море и привезетъ на насъ цѣлую тучу норманновъ

пусть съѣздитъ опять въ Москву и оттуда вывезетъ себѣ подкрѣпленіе — хотъ все «Наше Время» съ самимъ Н. Ф. Павловымъ; пусть онъ, что всего ужаснѣе, сдѣлается хотъ постояннымъ сотрудникомъ «Современника»: мы все будемъ продолжать нашу борьбу и не отступимся ни отъ одного шага, сдѣланнаго нами!! Это для насъ, разумѣется, и не трудно, потому что мы вѣдь дѣйствуемъ хланокрово, и даже съ большой пріятностью, а не горячимся, какъ г. Погодинъ. А при томъ и наше званіе не позволяеть намъ отступить, если ужъ насъ затронули. «Погибни, но погибни поражая противника», -- вотъ нашъ девизъ: на то мы и рыцари!

Но г. Погодинъ, какъ мы сказали, сдѣлавшись нашимъ подражателемъ и союзникомъ, самъ себя уже поразилъ достаточно, и потому намъ остается только, вмѣсто боевой тревоги, насвистывать побѣдную пѣснь и съ великодушіемъ побѣдителей припомнить факты минувшей битвы. *C'est ce que nous ferons*, съ помощью нашего барда — Конрада Лиліеншвагера.

Новый общественный вопросъ въ Петербургѣ.

*Domine, libera nos a furore nor
mannorum!..*

Еще одинъ общественный вопросъ
Прибавился въ общественномъ сознаньи:
Кто были тѣ, отъ коихъ имя «Россъ»
Къ намъ перешло, по древнему сказанью?
Изъ-за моря тогда они пришли
(Изъ-за моря идетъ къ намъ все благое).
Но кто жъ они? Въ какихъ краяхъ земли
Шумѣло море то своей волною?

Не знаемъ мы! Искали мы его
Отъ Каспія, куда струится Волга,
Гдѣ дешева икра, — вплоть до того,
Гдѣ странствовалъ Максимовъ очень долго.
На Черномъ морѣ думали найти,
Гдѣ Общество родного Пароходства
Цвѣтеть, растеть, и будетъ все цвѣсти,
Десятки лѣтъ, на зло недоброхотству.
На Балтикѣ его искали мы,
Гдѣ вознеслась полночная столица,
Гдѣ средь болотъ, тумановъ и зимы
Жизнь такъ легко и весело катится.
Такъ мы не день, не мѣсяцъ и не годъ,
А цѣлый вѣкъ, отъ моря и до моря,
Метались, какъ угорѣлый котъ,
Томительно изслѣдуя и споря.
Но наконецъ, измучась, истомясь,
Рѣшили все на томъ остановиться,
На чемъ засталъ моментъ послѣдній насъ, —
Чтобъ съ этимъ дѣломъ больше не возиться!
Въ такой-то часъ норманство водворить
И далъ почить намъ господинъ Погодинъ,
И съ той поры весь русскій людъ твердилъ,
Что Рюрикъ нашъ съ норманнами быть сроденъ.

Но снова мы сомнѣніемъ полны,
Волнуются тревожно наши груди:
Мы слышимъ, что норманны смѣнены
Варягами-литовцами изъ Жмуди...
Норманновъ уничтожить, говорятъ,
Въ статьѣ своей профессоръ Костомаровъ.
Погодинъ хочетъ встать на прежній взглядъ
И вѣрно ужъ не поцадитъ ударовъ.

Кому-то нать? Кому-то предлежитъ

Насъ озарить открытѣемъ благодатнымъ?
Богъ вѣсть! Но трудъ у всѣхъ у насъ горитъ
Предчувствіемъ какимъ-то непонятнымъ.
Привѣтъ тебѣ, счастливая пора
Поднятія общественныхъ вопросовъ,
Въ дни торжества науки и добра
Томить насъ вновь призывъ варяго-россовъ!

Что жъ дѣлать намъ? Какъ разрѣшить вопросъ,
Который такъ давно насъ всѣхъ тревожитъ?
Онъ въ дѣтствѣ намъ такъ много стоилъ слезъ
И, кажется, въ могилу насъ уложить!

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

Столичная суматоха въ пользу науки.

Что возмутило васъ? Волненіе
Литвы? *Пушкинъ.*

Предыдущее стихотвореніе г. Лиліеншвагера довольно удачно выражаетъ то отчаянное положеніе, въ какомъ находился Санктпетербургъ въ послѣднее время, въ отношеніи къ варяжскому вопросу. Но дѣйствительность далеко превосходила поэтическое описаніе. Варяги занимали дѣйствительно все образованное общество наше, до того, что слова «Погодинъ», «Костомаровъ», «дуэль» — непрерывно оглашали воздухъ, — и на Невскомъ проспектѣ, и на набережныхъ Невы, и въ театрахъ, концертахъ, ресторанахъ, и даже въ каждомъ домѣ, гдѣ сходились пять-шесть человѣкъ. Устраивались даже ученыя собранія по этому поводу, гдѣ ужасно горячились о томъ: какъ «поставить вопросъ» между двумя противниками — исторически или юри-

дически? Въ другихъ крутахъ, не дошедшихъ до такой мудрости, утверждали, что Погодинъ вызвалъ Костомарова на дуэль, и что они просили на это разрѣшенія у полиціи, но не получили. Нѣкоторые находили это похвальнымъ, другіе же не одобряли запрещенія дуэли, — говоря, что хотя вообще дуэль безиравственна, но въ этомъ случаѣ безъ нея нельзя было, ибо варяжскій вопросъ самъ по себѣ есть для насъ вопросъ жизни и смерти, особенно въ настоящее время, когда Россіи исполнится тысяча лѣтъ. Наконецъ дѣло объяснилось, когда въ газетахъ объявлено было о диспутѣ въ университетѣ. Но тутъ толки еще усилились. Утверждали, что дѣло будетъ рѣшаться всѣми присутствующими посредствомъ *suffrage universel*, и такимъ образомъ несомнѣнно уже будетъ, кого Русь лучше хочетъ — норманновъ или литовцевъ. Кромѣ того рассказывали, что среди университетской залы будетъ устроенъ костеръ, на которомъ сожгутъ сочиненія побѣжденной стороны. Вообще, — варяжскій вопросъ сильно волновалъ умы, такъ что, смотря на всеобщее движеніе Петербурга, г. Лиліеншвагеръ сочинилъ даже, во славу нашей любви къ наукѣ, слѣдующее стихотвореніе, которое должно насвистываться на голосъ: *«Вотъ на пути село большое»*.

Пока не требуетъ столицы
Вопросъ общественный къ себѣ, —
Услышишь вздоръ и небылицы
Въ пустой и суетной толпѣ.
Услышишь рѣчи о погодѣ,
О производствахъ рысакахъ,
Перчаткахъ, галстукахъ по модѣ,
Портныхъ, танцовщицахъ, пѣвцахъ.
Но лишь Перозъо пуститъ паръ,
Или Погодинъ вызовъ грянетъ, -

Весь Петербургъ мгновенно вспрянетъ,
Какъ будто на большой пожаръ...
Ужъ не сидить онъ въ ресторанахъ
И на Армансъ онъ не глядитъ...
Объ антрацитѣ и норманнахъ
Онъ вдохновенно говоритъ.
Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
Рискуя жизнью, взять билетъ —
Въ Пассаждъ, пріютъ науки новый,
Иль въ старый — въ университетъ!

Дѣйствительно, два дня до диспута походили на новый годъ, пріѣзжему человѣку можно было подумать, что всѣ разѣзжаются съ визитами, а это они: за билетами рыскали!.. Въ университетѣ уже въ четвергъ оказался недостатокъ въ билетахъ, и вслѣдствіе того въ городѣ на каждомъ шагѣ можно было встрѣтить озабоченны лица, и биться объ закладъ, что они тревожно заняты изобрѣтеніемъ средствъ достать билетъ, или какимъ бы то ни было образомъ попасть на диспутъ. Даже люди, которые принимали норманновъ за потомковъ Нормы, а о Литвѣ знали только по Литовскому рынку, и тѣ приходили въ волненіе отъ одной мысли о диспутѣ. И не даромъ!..

Награда милымъ дѣтямъ.

Дѣтушки скушали, ложки обгерли
сказали: спасибо!

Жуковскій („Овсянный кисель“).

Какіе кудесники ученые, изобрѣтшіе себѣ авторитетъ! Можно сказать навѣрное, что ни Германъ, ни Боско и ни одинъ изъ новѣйшихъ мажиковъ не можетъ произвести того, что они дѣлаютъ. Германъ заставляетъ цвѣты расти у себя въ шляпѣ и потомъ раздаегъ ихъ прекрасному полу: ученые

наши заставляють у себя во рту созрѣвать людей, и потомъ эту зрѣлость уничтожаютъ, т. е. съ человекомъ, даже съ цѣломъ обществомъ, дѣлають то, что всякій фокусникъ производитъ съ батистовымъ платочкомъ — сжимаетъ, сжимаетъ, пока тотъ совсѣмъ исчезнетъ, а потомъ опять его вывертитъ изъ рукъ. Потѣшаются себѣ ученые надъ православными душами!.. Еще въ рѣчи Георгія Конисскаго, той самой, гдѣ говорится, что солнце наше вкругъ насъ ходитъ, сказано, помнится, о нашей зрѣлости. Съ тѣхъ поръ толковали объ этомъ весьма нерѣдко, особенно въ отчетахъ и патриотическихъ стихотвореніяхъ. Со времени изданія «Русскаго Вѣстника» зрѣлость общественной среды нашей до того была часто провозглашаема, что наконецъ о ней стали говорить уже съ очевиднымъ опасеніемъ, чтобъ мы не перезрѣли. И вдругъ Е. Н. Ламанскій, бывшій суперъ-арбітръ въ пассажѣ, однимъ словомъ уничтожилъ всю нашу зрѣлость, — да вѣдь такъ искусно, что мы всѣ усумнились, дѣйствительно не пропалъ ли нашъ платочекъ въ рукахъ профессора магіи и не хочетъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ сварить въ нашей шляпѣ яичницу!.. Мы возбудили общественный вопросъ изъ этого, и не меньше, чѣмъ жмудью, интересовались тѣмъ, «созрѣли мы или не созрѣли». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщались даже длинныя статьи въ газетахъ. И вотъ, прошло три мѣсяца, — новая перемѣна: явился новый профессоръ, во рту у котораго мы мгновенно созрѣли, и всѣ ужасно обрадовались... Но расскажемъ все какъ слѣдуетъ.

19 марта университетская зала представляла (говоря высокимъ слогомъ объявленія «Спб. Вѣдомостей») «умилительное сліяніе представителей ли-

тературы и наукъ съ одной стороны, и съ другой стороны — самаго учрежденія, гдѣ науки и литература обрабатываются въ высшей своей сферѣ, и слияніе это могло служить вѣрнымъ залогомъ новыхъ утѣшительныхъ надеждъ для отечества». Дѣйствительно, въ залѣ съ семи часовъ давка была страшная: стулья были нумерованные, но половина народу не нашла своихъ мѣстъ; многіе остались въ проходахъ между стульями, другіе забрали въ бокъ, поближе къ кафедрамъ двухъ противниковъ, стоявшимъ одна противъ другой по обѣимъ сторонамъ залы. Словомъ, въ теченіе получаса публика въ живой картинѣ представляла собою положеніе новгородцевъ, кривичей, чудн, мери и веси, въ то время, какъ они, изгнавши варяговъ за море и не давши имъ дани, не знали, что имъ затѣмъ съ собою дѣлать. Наконецъ, видя, что публика велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ, г. Плетневъ вошелъ на норманскую (т. е. Погодина) кафедру и, подобно древнему Гостомыслу, указалъ на варяговъ. Вслѣдъ за тѣмъ явились и норманны въ образѣ г. Погодина. Тогда все стихло, и маститый норманщикъ, по обычаю всѣхъ новыхъ владѣтелей, началъ свое дѣло съ благосклоннаго изъявленія своей благодарности обществу и затѣмъ милостиво объявилъ, что МЫ СОЗРѢЛИ. Вся присутствующая публика подпрыгнула кверху (отчего дѣйствительно показалась выше ростомъ), и взрывъ оглушительныхъ рукоплесканій выразилъ торжественную радость всего общества. Говоря языкомъ поэзіи, —

Дѣтушки слушали, ложки обтерли, сказали: спасибо!

Мы въ первую минуту не раздѣляли этой радости и благодарности. Мы думали: неужели въ са-

момъ дѣлъ слова г. Ламанскаго были только невѣжливы, а не совершенно вздорны? Неужели дѣйствительно мы еще такъ незрѣлы, что готовы ставить памятникъ всякому, кто скажетъ, что мы созрѣли? Дѣти бываютъ всегда очень довольны, когда ихъ называютъ большими; такъ неужели и въ насъ есть то же самое чувство? Или въ самомъ дѣлѣ мы — тѣ самая *взрослая дѣти*, для которыхъ гг. Солдатенковъ и Щепкинъ издають свое «Чтеніе для взрослыхъ людей»? Одинъ почтенный мужъ сказалъ, что вы мальчишка, а другой говоритъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ утѣшеніе: «нѣтъ, вы не мальчишка», — и вы кланяетесь, благодарите и не знаете, что дѣлать отъ восторга. И по какимъ основаніямъ-то каждый изъ нихъ произноситъ свой верховный приговоръ! Е. Н. Ламанскому не понравилось, что публика шикаетъ г. Серно-Соловьевичу, который ему пришелся по вкусу, и вотъ мы не созрѣли¹; г. Погодину понравилось, что много народу собралось слушать диспутъ о норманнахъ, и у него въ устахъ мы созрѣли! Это значить, что одинъ авторитетъ называетъ васъ невѣждой за то, что вы не сочувствуете трагедіямъ Сумарокова, а другой признаетъ васъ образованнѣйшимъ человѣкомъ за умѣнье разбирать глаголическую печать. Правду сказать, если и въ своихъ лекціяхъ о банкахъ и въ изслѣдованіяхъ о норманнахъ гг. Ламанскій и Погодинъ точно такъ же основательны, то на нихъ положиться довольно трудно. И съ какой стати этотъ безцеремонный и не деликатный намекъ въ самомъ началѣ дѣла? Неужели г. Погодинъ считаетъ это

¹ Подробности этого эпизода читатель увидѣтъ въ статьѣ „Любопытныя пассажи въ исторіи русской словесности“, въ т. VI настоящаго изданія. *Вл. Кр.*

за комплиментъ? Но вѣдь онъ долженъ же понимать, что большому собранію людей, соединившихся разсуждать о дѣлѣ, не говорятъ: «господа! то, что вы не бросаетесь другъ на друга и не кусаетесь, доказываетъ, что вы въ здоровомъ умѣ». А фраза о зрѣлости, сказанная взрослымъ людямъ, пришедшимъ въ университетъ на диспутъ, совершенно равносильна такому обращенію. Но отчего же публика рукоплещетъ?

Нашни глубокія размышленія прерваны были г. Линденшвагеромъ, который сидѣлъ возлѣ насъ и въ то время, какъ продолжались аплодисменты, успѣлъ импровизировать и прочитать намъ слѣдующую пьесу.

— — — — —

БЛАГОДАРНАЯ ПѢСНЬ СОЗРѢВШАГО РОССА.

(Пасвистывается на голоса: славься самъ Максимъ Петровичъ.)

Мы созрѣли! мы созрѣли!
Веселись созрѣвшій Россъ!
Вотъ теперь ты въ самомъ дѣлѣ
Сталъ полунощный колоссъ.

Помнишь, какъ тебя въ Пассаждѣ
Уложили въ колыбель?
Но созрѣлъ (зимою даже!)
Ты въ четырнадцать недѣль¹.

---

¹ Здѣсь маленькая пінтическая вольность: собственно въ 13 недѣль 6 часовъ 4 часа и 30 минутъ, но зрѣлость наша засвидѣтельствована Е. И. Ламанскимъ 13 декабря 1879 г. въ воскресенье, въ 2 сь половиною часа пополудни, а патентъ на зрѣлость выданъ намъ г. Подинымъ 19 марта, въ субботу, ровно въ восемь часовъ вечера. Петровичъ-то надо принимать единственно скорость сочиненія, а то г. Линденшвагеръ сумѣлъ бы вписывать въ статью делъ и мѣренія времени самымъ точнымъ образомъ.

Мы созрѣли! мы созрѣли! —
Такъ Погодинъ намъ сказалъ.
Изъ Москвы для этой цѣли
Онъ нарочно прискакалъ.

Съ той поры, какъ насъ огрѣли,
Жили мы повѣся носъ,
И твердя: «мы не созрѣли»,
Проливали токи слезъ.

Но теперь возьмите смѣлость, —
Взысканъ милостями Россъ:
Изъ Москвы патентъ на зрѣлость
Академикъ намъ привезъ.

Мы созрѣли! Россъ, пойми же
И душою умились:
Скинъ-ка шапку да пониже,
Да пониже поклонись! . .

Выслушавъ эти стихи, мы сами преисполнились благоговѣніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы прежде не приняли въ соображеніе того, кто таковъ г. Погодинъ и кто мы всѣ, публика! Вѣдь онъ москвичъ, а мы петербуржцы; онъ авторитетъ, а мы простые смертные; онъ преисполненъ норманскимъ духомъ, а мы — ни то, ни се; онъ составилъ древле-хранилище и продалъ его, а мы по большей части не составляемъ (и не продаемъ) даже маленькой библіотеки. Дѣйствительно, патентъ на зрѣлость привезъ намъ г. Погодинъ: г. Лиліеншвагеръ хорошо объ этомъ выразился:

Какая честь для насъ и всей Россіи.

Самъ г. Погодинъ сказалъ, что мы созрѣли! Теперь мы смѣло можемъ глядѣть въ глаза Е. И. Ла-

манскому: клеймо, наложенное имъ, снято съ насъ: у насъ есть документъ о нашей зрѣлости, и если кто-нибудь вздумаетъ насъ попрекать Ламанскимъ, мы теперь станемъ защищаться Погодинымъ.

„Не созрѣлъ“, — сказалъ Ламанскій;
„Нѣтъ, созрѣлъ“, — сказалъ Погодинъ.
„Свищеть!“ — вымолвилъ Ламанскій;
„Рукоплещеть!!“ — рекъ Погодинъ.

И такимъ образомъ вопросъ о зрѣлости и незрѣлости рѣшенъ въ нашу пользу, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, пока г. Погодину тоже не покажется, что «свищеть!».

Педагогическое обращеніе съ взрослыми дѣтьми.

Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою...

Лермонтовъ.

Милостиво объявивъ публикѣ, что она созрѣла, г. Погодинъ во все продолженіе диспута такъ съ нею и обходился, что давалъ разумѣть: «вы вѣдь, дескать, зрѣлость-то отъ меня получили, единственно по моему великому снисхожденію; я же могу ее и отнять отъ васъ: она вѣдь у меня во рту». Такъ, принявшись читать свои возраженія г. Костомарову (до нихъ намъ дѣла мало: ихъ смотри въ «Современникъ», такъ какъ онъ нынче въ ученость пустился), г. Погодинъ счелъ нужнымъ отрекомендовать Костомарова публикѣ. «Это, — говоритъ, — ученый, извѣстный своими сочиненіями о Богданѣ Хмельницкомъ, о Стенькѣ Разинѣ и многими важными журнальными статьями». Скажите пожалуй-

ста, — неужели? А мы никогда и не слышали объ этомъ! Очень вамъ благодарны, г. Погодинъ, за такое любезное сообщеніе . . . Ну, а вы чѣмъ замѣчательны? Отчего же вы кстати не позаботились познакомиться насъ и съ вашею особою? Вѣдь ваша шумная дѣятельность относится къ тому времени, когда мы еще дѣйствительно были не зрѣлы, когда многихъ изъ насъ еще и на свѣтъ не было. Между нами есть такіе, которые не помнятъ не только вашей «Ураніи» на 1825 г., не только вашей «Невѣсты на ярмаркѣ», «Историческихъ афоризмовъ», «Исторіи въ лицахъ о Димитріи Самозванцѣ», но даже знаютъ только по слухамъ о вашихъ «Путевыхъ замѣткахъ» и едва-едва смутно припоминаютъ учено-патетическія статьи ваши, въ родъ «Посланія къ ученому», «Мыслей по прочтеніи Соловецкаго донесенія», «О воскресной полночи въ Кремль», «Историческихъ замѣчаній о политическомъ равновѣсіи», «Рѣчи при избраніи директоровъ общества Волжско-Донской желѣзной дороги», и пр., и т. п. Не мѣшало бы вамъ сообщить собраннейшей публикѣ хотя краткое обзорѣніе этихъ и другихъ «важныхъ журнальныхъ статей», чтобы публика, знакомясь изъ вашей рекомендаціи съ г. Костомаровымъ, не могла остаться въ невѣдѣніи и насчетъ вашей литературной и ученой дѣятельности.

Впрочемъ мы забываемъ одно обстоятельство: г. Погодинъ является къ намъ какъ власть имѣющій; его должны всѣ заранѣе знать, и всѣ другихъ должны знать только по его рекомендаціи. Это ясно; нечего намъ и добиваться.

Что ужъ говорить о г. Костомаровѣ? Г-нъ Погодинъ, по выслушаніи возраженій своего противника, счелъ необходимымъ, во-первыхъ, *аттестовать* его

доводы, сказавши, что они отличаются остроуміемъ и пр. (см. подлинныя слова въ «Диспутѣ»), а потомъ вмѣсто всякаго отвѣта, угостилъ всю публику старою баснею о крестьянинѣ и его дѣтяхъ . . . да вѣдь не въ намекѣ, не въ двухъ словахъ, а въ цѣломъ обстоятельномъ разсказѣ, съ особою моральною! Этотъ эпизодъ былъ великолѣпенъ: тысячи образованныхъ людей слушаютъ съ университетской каедрѣ, по поводу вопроса о жмудѣ, басню о пучкѣ прутьевъ! Г-нъ Погодинъ очевидно полагаетъ, что для созрѣвшей публики необходимы такіе доводы; но онъ забылъ, что и для несозрѣвшихъ слушателей г. Серно-Соловьевичъ доказывалъ неправоту г. Перозіо тѣмъ, что два полтинника и два четвертака не составляютъ четырехъ полтинниковъ . . . И тогда ему шикала несозрѣвшая публика. Увы! то же произвела и созрѣвшая, услышавъ басню . . .

Но какъ же г. Погодинъ пригналъ басню къ своему отвѣту? Посмотрите въ «Современникѣ» подлинныя слова его. А мы, если угодно, предложимъ и объясненіе, сдѣлавъ вольное переложеніе приведенной имъ басни.

НОРМАННЫ И ПУКЪ.

Басня.

(Вольное переложеніе изъ академика Погодина; на музыку будетъ положено вѣроятно Александромъ Васильевичемъ Лазаревымъ.)

Задумавъ долгъ отдать природѣ¹,
Мужикъ къ себѣ сыновъ и внуковъ пригласилъ,
И сочинилъ
Имъ завѣщанье въ новомъ родѣ:

¹ Стихъ сей заимствованъ изъ одной дѣтской басни Б. М. Гердлова, за что и приносимъ ему нашу чувствительную благодарность.

Пукъ розогъ имъ вручилъ
 И предложилъ,
 Чтобъ кто-нибудь изъ нихъ его переломилъ.
 Пыхтѣлъ тутъ каждый сынъ, чтобъ похвалилъ отецъ,
 И каждый внукъ кряхтѣлъ, чтобы потѣшить дѣда...
 Но наконецъ
 Сознались, что побѣда
 Надъ пукомъ симъ
 Не дается имъ.
 Тогда старикъ пукъ развязать
 И имъ сказалъ,
 Чтобъ каждый взялъ
 По пруту
 И такъ ломалъ.
 И что же? Въ ту жъ минуту
 Всякъ, даже самый малый внукъ,
 Свой пруть сломалъ,
 И вдругъ —
 Гдѣ пукъ?!

Смыслъ притчи сей совсѣмъ не тотъ,
 Какой намъ съ дѣтства быть извѣстенъ;
 Къ вопросу о норманнахъ онъ идетъ,
 И здѣсь весьма умѣстенъ.
 Когда теорію норманства вообще
 Однимъ усиліемъ разрушить вы хотите, —
 То вы погубите труды свои вотще
 И никого не убѣдите.
 Но если вы начнете разбирать
 Всѣ доказательства отдѣльно,
 Тогда, конечно, вамъ не трудно ихъ сломать
 И всѣхъ насъ поразить смертельно.

Итакъ, мораль здѣсь та:

Доводы разбирать не слѣдуетъ отдѣльно,
А взятыя слѣдуетъ за общія мѣста:

Вотъ это будетъ дѣльно,
И выгодно защитникамъ норманства.

А то, пожалуй, вдругъ
Исчезнетъ ихъ ученое убранство
Какъ въ баснѣ — пукъ.

✱

Разсказъ этотъ произвелъ впечатлѣніе, которое
тоже должно быть изображено стихами:

Такъ рекъ онъ, новѣйшихъ временъ
Мененій Агриппа.

Но плохо онъ былъ оцѣненъ:
Змѣинаго шипа

Въ отвѣтъ ему кто-то пустилъ,
И всюду по залѣ

Послышался шопоть: «нѣтъ силъ
Въ норманскомъ началѣ!..

Явился норманщикъ съ Москвы
Во имя науки.

И важно, пространно — увы! —
Толкуетъ — о пукѣ.

Пришла жъ къ академику мысль
Скрываться за сказки!

Скорѣй его, Клію, причисль
Къ друзьямъ Свистопляски!»

И шипомъ змѣинымъ прошелъ
Тотъ шопоть по залѣ.

Но рѣчь Костомаровъ повелъ, —
И всѣ замолчали.

Г-нъ Костомаровъ отвѣтилъ тоже аллегорически,
попросивъ, впрочемъ, предварительнаго позволенія на

эго. Онъ указалъ на театральныя иллюзіи, происходящія отъ размалеванныхъ декорацій, и утверждалъ, что нужно разсматривать дѣло ближе, если хочешь узнать настоящую истину. Г-нъ Погодинъ тотчасъ же согласился, потому что именно это заключеніе выходило и изъ его басни. Затѣмъ пошелъ споръ о частностяхъ, который уже составляетъ достояніе «Современника» и изъ котораго мы похитимъ только три перла — объ авторитетахъ, о порогахъ и о тайномъ голосѣ.

Неизвѣстно, выбившись ли изъ силъ, или желая сдѣлать тонкій намекъ публикѣ и своему противнику (который, какъ видно изъ отвѣта его, вполнѣ понималъ этотъ намекъ), г. Погодинъ вдругъ заговорилъ объ уваженіи къ авторитетамъ, и въ примѣръ представилъ самого себя: какъ онъ уважалъ Карамзина, и какъ Карамзинъ сказалъ ему, по поводу перевода Эверса, что въ норманствѣ истина! . . . Какія трогательныя подробности о числѣ и годѣ этого свиданія (26 декабря 1825 г.) сообщитъ г. Погодинъ! Жаль, что не прибавилъ, въ чемъ одѣтъ былъ исторіографъ, когда г. Погодинъ пришелъ къ нему съ переводомъ Эверса!

Г-нъ Лиліеншвагеръ, все время мѣшавшій намъ слушать, и тутъ вдохновился и засвисталъ на ухо:

Въ двадцать пятомъ году, въ декабрѣ, —

Помню — двадцать шестого числа . . .

Былъ я въ юной и свѣжей порѣ

И свершилъ я большія дѣла:

Книгу Эверса я перевелъ

И представилъ немедля тому,

За кѣмъ я безсознательно шелъ,

Чьему слѣпо дивился уму . . .

Да Погодинъ не говорилъ этого, — перебили мы.

— Ничего, мысль его была такова, — отвѣчалъ пѣта, — и продолжалъ:

И меня спросилъ онъ тогда,
Зачѣмъ Эверса я преложилъ:
«Не годится вѣдь онъ никуда,
Ибо съ юга онъ Русь выводилъ».
Я въ отвѣтъ ему скромно сказалъ:
«Для того перевелъ я его,
Чтобъ негодность его увидалъ
Русскій людъ изъ него самого».
Благосклонно взглянувъ на меня,
Мнѣ отвѣтить тогда Карамзинъ:
«Мнѣ яснѣй теперь Божьяго дня,
Что изъ споровъ исходъ намъ одинъ, —
Тотъ, что къ намъ изъ норманской земли,
Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ пришли».
Такъ сказалъ мнѣ тогда Карамзинъ,
И слова тѣ запали мнѣ въ грудь.
Пусть меня покараетъ Одинъ,
Если я вамъ совралъ что-нибудь!

Вотъ душа занята чѣмъ была
Еще въ юной и свѣжей порѣ, —
Помню, — двадцать шестого числа,
Въ двадцать пятомъ году, въ декабрь! . .

Не знаемъ, заслужили ль бы одобреніе публики мысли г. Погодина, изложенныя въ такой формѣ. Но въ подлинномъ стоимъ видѣ разсужденіе г. Погодина объ авторитетахъ и даже жалобы его на молодую литературу приняты были очень холодно, несмотря на то, что онъ къ концу своей фразы

приклеить довольно ловко злоупотребленія акціонерныхъ обществъ. Извѣстно, что въ Александрийскомъ театрѣ возбуждаютъ фуроръ фразы, въ родѣ напр.: «домовладѣльцы, эти кровожадные вороны!», и т. п. Судя по этому, мы думали, что и фраза г. Погодина о молодой литературѣ, торопливо обернутая акціями, вызоветъ взрывъ рукоплесканій. Но совершенно ничего не бывало: аплодисменты раздались позже, послѣ реплики его противника. Это, вѣроятно, и вызвало вдохновеніе нашего пінты.

Такимъ образомъ г. Погодинъ долженъ былъ отказаться и отъ авторитетовъ, услыхавъ, что порядочный авторитетъ только тотъ и есть, который ни въ чемъ не стѣсняетъ свободы мнѣнія, ища въ своихъ изысканіяхъ не удовлетворенія личнаго самолюбія, а одной истины. Стали спорить безъ авторитетовъ. Но тутъ г. Погодинъ какъ разъ наткнулся *на пороги*. Можетъ, вы этого дѣла не изучали, такъ мы расскажемъ вамъ: мы вѣдь на всѣ руки . . .

Видите ли, Константинъ Багрянородный, византийскій авторъ X вѣка, написалъ сочиненіе объ управленіи государствомъ, и такъ какъ собственно управленіе мало занимало его, то онъ и пустился здѣсь въ ту науку, которую г-жа Простакова называетъ недворянскою. Перебирая разныя мѣстности, онъ, между прочимъ, говоритъ о семи порогахъ на Днѣпрѣ и приводитъ ихъ названія на двухъ языкахъ: по-славянски, — — говоритъ, — — называется такъ-то, а по-русски такъ-то. Ученые принялись добираться, какой же это языкъ разумѣется подъ именемъ *русскаго*. Лербергъ написалъ объ этомъ даже чуть не цѣлую книгу. Норманщики, разумѣется, принялись объяснять все изъ скандинавскихъ языковъ.

Между этими порогами особенно два показались имъ ясны: *Варуфорось*, по-славянски *Вульнипрагъ* и *Геляндри*. Нашли въ скандинавскомъ *waг* — тихій, и *fors* — порогъ, а славянское имя растолковали — вольный прагъ; *вольный* и *тихий* — все равно, стало быть ясно . . . Другой порогъ, *Геляндри*, названъ у Константина по-славянски, а какъ онъ по-русски, этого не сказано; но норманички рѣшили, что тутъ ошибка, и нашли въ исландскомъ точно такое слово, съ значеніемъ *шумящій*. Опять ясно. Руководясь такими свѣтлыми соображеніями, г. Погодинъ, послѣ всѣхъ доводовъ противника, объявилъ, что *Геляндри* и *Варуфорось* — это такіе два столба, которые всегда поддержать норманство и выдержатъ какой угодно напоръ. Нашъ сосѣдъ, соперникъ г. Розенгейма, такъ воодушевился при этихъ словахъ г. Погодина, что немедленно развилъ ихъ въ слѣдующихъ стихахъ:

ДВА ПОРОГА.

(Насвистывается на голосъ: Задѣть мою амбицію...)

Геляндри и Варуфорось
Вотъ два мои столба!
На нихъ мою теорію
Поставила судьба.
Пороговъ сихъ названія
Такъ Лербергъ объяснилъ
Изъ языка норманскаго,
Что спорить нѣту силъ.
Конечно, авторъ греческій
Ихъ могъ и перевернуть;
Но могъ, противъ обычая,
И вѣрно написать.

Геляндри хотъ приводить онъ
 Въ числѣ славянскихъ словъ;
 Но ясно — здѣсь ошибся онъ,
 Не зная языковъ.
 Въ славянскихъ всѣхъ нарѣчіяхъ
 Такого слова нѣтъ:
 Но обратясь къ исландскому,
 Сейчасъ найдемъ отвѣтъ.
 Такъ точно и *Варуфорось*
 Быть можетъ объясненъ
 Лишь только скандинавскою
 Пригонкою именъ.
Геляндри и *Варуфорось* —
 Вотъ, такъ сказать, быки,
 Объ кои обобьете вы
 Напрасно кулаки!

Такимъ образомъ изъ пороговъ г. Погодинъ (по крайней мѣрѣ въ стихахъ г. Лиліеншвагера) выѣхалъ благополучно. Но все-таки продолжать споръ безъ авторитетовъ ему, какъ видно, показалось затруднительно, и онъ, при самомъ концѣ уже, обратился къ ресурсу, никѣмъ неожиданному и почерпнутому имъ по всей вѣроятности изъ «Ключа къ тайнствамъ натуры», Эккартсгаузена: онъ вдругъ сослался на *тайный голосъ*! Хоть бы, говорить, и заставили меня отказаться отъ норманства, не вѣрьте мнѣ: какой-то тайный голосъ шепчетъ мнѣ: «Норманны, норманны! . .».

Ну, хороша наша наука, только славушка дурна, — подумали мы; — а г. Лиліеншвагеръ сейчасъ же на ухо --- со стихами. Слушайте, — говорить:

ТАЙНЫЙ ГОЛОСЪ.

(Свистится на голосъ известнаго „Мальбруга“.)

Пускай, вы побѣдили,
Я спорить не могу;
Но все я въ прежней силѣ
Норманство берегу.

Моихъ авторитетовъ
Не слушаете вы,
Другихъ же вамъ отвѣтовъ
Не взялъ я изъ Москвы.

Я могъ бы, какъ Ламанскій,
Васъ всѣхъ теперь огрѣть:
«До истины норманской
Вамъ нужно, моль, дозрѣть!»

Но я — клянусь — несроденъ
Къ такому куражу.
Какъ русскій, какъ Погодинъ,
Отъ сердца вамъ скажу:

«Хоть я и откажуся
Отъ взгляда своего,
Такъ это все, божуся,
Не значить ничего.

«Слаба у насъ наука,
И толку мало въ ней;
Но есть во мнѣ порука
Надежнѣй и вѣрнѣй.

«Какой-то чрезвычайной
Я силой обуянъ:
Мнѣ шепчетъ голосъ тайный,
Что Рюрикъ былъ норманнъ.

«На вѣрѣ къ симъ внушеньямъ
 Основанъ весь мой взглядъ:
 Довѣрьемъ и смиреньемъ
 Весь нашъ народъ богатъ».

Опять громкое словцо, котораго профессоръ не говорилъ, — сказали мы Конраду Исаичу (пора сообщить публикѣ имя и отчество нашего поэта, послѣ знаменитаго «Протеста» онъ не можетъ уже конфузиться своимъ, отчасти еврейскимъ, происхожденіемъ).

— Теперь не говорилъ, такъ прежде говорилъ, — возразилъ Конрадъ Исаичъ, — что жъ я, по-вашему, три единства, что ли, долженъ соблюдать въ стихахъ своихъ? А вы вспомните-ка, напр., хоть рѣчь г. Погодина при выборѣ директоровъ Волжско-Донской желѣзной дороги. Что онъ тогда говорилъ? Я приведу, пожалуй, подлинныя его слова. «Въ нашихъ ушахъ, — говоритъ, — прозвучали только два слова: Волга и Донъ, — и мы, ни о чемъ больше не разсуждая, ничего не спрашивая, ничего не изслѣдуя, принесли свои деньги, на одно честное слово... Что доказываетъ это явленіе? Это доказываетъ, что у насъ есть довѣріе, вѣра, кредитъ особаго, высшаго рода. Это сильный рычагъ дѣятельности, вѣрный залогъ и твердое основаніе великихъ дѣлъ и успѣховъ. Да, въ русскомъ народѣ есть много вѣры въ разныхъ ея видахъ — это его достоинство». И на основаніи этого достоинства г. Погодинъ предложилъ не дѣлать выборовъ въ директора, а просить о назначеніи ихъ учредителей — В. А. Кокорева, Н. А. Новосельскаго и др. Не хотите ли, я все это вамъ въ стихахъ изложу сейчасъ же?

— Нѣтъ, ужъ избавьте на этотъ разъ, — отвѣчали мы, видя, что г. Лиліеншвагеръ находится въ ужасномъ ударѣ стихотворства (что съ нимъ, къ счастью русской публики, бываетъ довольно рѣдко).

Но намъ не суждено было въ этотъ вечеръ отдѣлаться отъ стиховъ. Только что преніе кончилось, — по обыкновенію ничѣмъ, — только что противники сошлись среди залы, торжественно расцѣловались и были подняты на руки, а г. Костома-ровъ даже понесенъ на рукахъ изъ залы, только что мы оправились отъ внезапнаго напоминанія о безсмертіи души, сдѣланнаго г. Погодинымъ, — какъ вдругъ въ ушахъ нашихъ раздался романсъ: «когда бъ онъ зналъ», въ переложеніи нашего прія-теля. Романсъ этотъ служилъ достойнымъ pendant къ заключительной рѣчи г. Погодина, и мы, не имѣя ничего болѣе прибавить, рѣшаемся закончить имъ нашъ отчетъ о знаменательномъ диспутѣ, столь много послужившемъ къ возвышенію не только ученой славы г. Погодина, но и его блистательнаго краснорѣчія и удачнаго остроумія.

Романсъ.

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

(Отъ рыцаря Свистопляски.)

Когда бъ онъ зналъ, что рыцарь Свистопляски
Невольно съ нимъ сливается душой
И больше радъ его ученой ласкѣ,
Чѣмъ онъ быть радъ, музей продавши свой.

Когда бъ онъ зналъ, какъ милъ мнѣ «Москвитя-
нинъ».

Гдѣ всякъ писать изъ чести былъ бы радъ!

Когда бь онъ зналъ, что мнѣ совсѣмъ не страшенъ
Его порывъ къ востоку, на Царьградъ.

Когда бь онъ зналъ! Когда бь онъ зналъ! . .

Когда бь онъ зналъ, какъ слогу его прилежно
Я въ «Путевыхъ замѣткахъ» изучалъ,
Когда бь онъ зналъ, какъ пристально и нѣжно
Его статью я въ «Парусѣ» читалъ!

Когда бь онъ зналъ, что въ снѣгахъ затрапез-
ныхъ

Меня живить его вертлявый тонъ,
И что изъ всѣхъ ораторовъ полезныхъ
Милѣе всѣхъ мнѣ Кокоревъ да онъ!

Когда бь онъ зналъ, въ борьбѣ о жмудскомъ дѣлѣ,
Что ужъ во мнѣ романсъ ему созрѣлъ!
Рѣшась сказать, что всѣ ужъ мы созрѣли,
Когда бь онъ зналъ, что тутъ и я сидѣлъ!

Когда бь онъ зналъ! Когда бь онъ зналъ! . .

Три стихотворенія Конрада Лиліеншвагера.

1.

Ч Е Р Н Ъ.

(Первое стихотвореніе новаго періода.)

Прочь, дерзка чернь, непросвѣщенна
И презираемая мной!

Держазинъ.

Прогрессъ стоною благородной
Шель тихо торною стезей,
А вокругъ него, въ толпѣ голодной,
Къ идеямъ выпиреннымъ несродной,

Носился жалобъ гуль глухой.
И толковала чернь тупая...

Ч е р н ь.

Зачѣмъ такъ тихо онъ идетъ,
Такъ величаво выступая?
Куда съ собой онъ насъ ведетъ?
«Что дастъ онъ намъ? чему онъ служить?
Зачѣмъ мы съ нимъ теперь идемъ? ..
И нынче всякъ, какъ прежде тужить,
И нынче съ голоду мы мремъ ...
Все въ ожиданьѣ благъ грядущихъ
Мы безъ одежды, безъ угла,
«Обмановъ жертвы вопіющихъ
Среди царюющаго зла».

П р о г р е с с ь.

Молчи, безумная толпа!
Ты любишь наѣдаться сыто,
Но къ высшей правдѣ ты слѣпа,
Покаместъ брюхо не набито! ..
Скажи какую хочешь рѣчь
Тебѣ съ парламентской трибуны:
Но хлѣбъ тебѣ колъ нечѣмъ печь,
То ты презришь ея перуны
И не поймешь ея красотъ!
Раба нужды матеріальной
И пошлыхъ будничныхъ заботъ
Чужда ты мысли идеальной!

Ч е р н ь.

Насъ натошакъ не убѣждай,
Но обезпечь для насъ работу
И честно плату выдѣляй:
Оцѣнимъ мы твою заботу, —

Поїдемъ въ палаты засѣдать
 И будемъ рѣчи вдохновенной
 О благоденствіи вселенной
 Свѣтло и радостно внимать!

Прогрессъ.

Подите прочь! Какое дѣло
 Прогрессу мирному до васъ? ..
 Жужжанье ваше надоѣло:
 Смирите вашъ строптивый гласъ!
 Прогрессъ — совсѣмъ не богадѣльня.
 Онъ — служба — будущимъ вѣкамъ;
 Не остановится безцѣльно
 Онъ для пособья бѣднякамъ.
 Взгляните, — на небесномъ сводѣ
 Свѣтило дневное плыветъ,
 И все живущее въ природѣ
 Имъ только дышитъ и живетъ.
 Но путь его не остановить —
 Ни торжествующій порокъ,
 Ни филинъ, что его злословить,
 Ни увядающій цвѣтокъ! ..

2.

НАШЕ ВРЕМЯ.

Наше время такъ хвалили,
 Столько ждали отъ него,
 И о немъ, какъ о Шамилѣ,
 Всѣ такъ долго говорили,
 Не сказавши ничего!

Стало притчей наше время
 И въ пословицу вошло ...
 Утвердась на этой темѣ,

Публицистовъ наше племя
Сотни хрій произвело.

Наконецъ намъ надоѣло
Слушать праздный ихъ синклитъ,
И съ возгласами безъ дѣла
Наше время опошлѣло,
Потеряло свой кредитъ.

Осердясь на невниманье,
Чуть не сгибло ужъ въ Невѣ...
Но потомъ, намъ въ наказанье, —
Вдругъ въ газетное названіе
Превратилось въ Москвѣ!..

3.

ГРУСТНАЯ ДУМА ГИМНАЗИСТА ЛЮТЕРАНСКАГО
ИСПОВѢДАНІЯ II НЕ КІЕВСКАГО ОКРУГА ¹.

Выхожу задумчиво изъ класса.
Вкругъ меня товарищи бѣгутъ;
Жарко спорить ихъ живая масса,
Быль ли Лютеръ геній или плутъ.

Говорилъ я нынче очень вольно, —
Горячо отстаивалъ его...
Что же мнѣ такъ грустно и такъ больно?
Жду ли я, боюсь ли я чего?

Нѣтъ, не жду я кары гувернера,
И не жаль мнѣ нынѣшняго дня...
Не хочу я брани и укора,
Я бѣ хотѣлъ, чтобъ высѣкли меня.

---

¹ Стихотвореніе это находится въ прямой связи со статьей „Всероссійскія излюзіи, разрушаемыя рогатми“, напечатанной въ т. VI настоящаго изданія. *Вл. Кр.*

Но не тѣмъ свѣченіемъ обычнымъ,
Какъ свѣкутъ повсюду дураковъ,
А другимъ, какое счесть приличнымъ
Николайъ Ивановичъ Пироговъ;

Я бѣ хотѣлъ, чтобъ для меня собрался
Весь педагогическій совѣтъ,
И о томъ чтобъ долго препирался,
Сѣчь меня за Лютера иль нѣтъ;

Что потомъ табличку наказаній
Показавши молча на стѣнѣ,
Дали мнѣ понять безъ толкованій,
Что достоинъ порки я вполне;

Чтобъ узнать объ этомъ попечитель,
И лежа подъ свѣжею лозой,
Чтобъ я зналъ, что нашъ руководитель
Въ этотъ мигъ болитъ о мнѣ душой . . .

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

Стихотворенія, присланныя въ редакцію „Свистка“¹.

Въ редакціи «Свистка» получена изъ Москвы
Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ,
при слѣдующемъ письмѣ:

«Стихотворенія, къ которымъ въ печати Добролюбовъ далъ предисловіе и библіографическія примѣчанія, написаны не имъ.

Примѣч. Чернышевскаго.

Это примѣчаніе Чернышевскаго не вполнѣ точно: Добролюбовъ не только авторъ предисловія и библіографическихъ примѣчаній, вмѣстѣ съ Некрасовымъ онъ участвовалъ и въ составленіи текста письма «Дружеской переписки». Въ письмѣ къ Добролюбову отъ П. П. Бардюгову есть опредѣленные указанія на это. См. «Матеріалы», стр. 102, а также стр. 143, гдѣ «Дружеская переписка» приведена въ переложеніи, въ сущности тождественномъ примѣчанію редакціи.

Вл. Кр.

Мм. Гг.!

«Хотя еще незабвенный поэтъ нашъ Александръ Сергѣичъ сказалъ:

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфиросная вдова;

но мы видимъ, что старушка Москва до сихъ не перестаетъ оспаривать у красавца Петербурга пальму первенства въ сердцѣ русскаго. Многія свѣтила нашего литературнаго горизонта принимали на себя сладостный трудъ заявленія признательныхъ русскіхъ чувствъ къ этому священному хранилищу отечественныхъ воспоминаній. Довольно упомянуть имена О. Н. Глинки, С. П. Шевырева, М. А. Дмитріева, Н. В. Сушкова, Н. В. Берга, графини Евдокіи Растопчиной, Каролины Павловой, Авдоты Глинки, чтобы оживить въ памяти и сердцѣ каждаго истинно-русскаго высокія вдохновенія, посвященныя стѣнамъ Кремля, Поклонной горѣ, Марьиной роцѣ, московскимъ цыганамъ, царю-колоколу, Ивану-великому, квасамъ и кулебякамъ и т. д. Сѣверная Пальмира, практическая и холодная красавица, не имѣла высокаго счастья внушить столько вдохновенныхъ гимновъ тѣмъ изъ своихъ обитателей, которые пылаютъ божественнымъ пламенемъ поэзіи. Но зато обильно было число *сравненій* созданія Великаго Петра съ древнею столицею царей московскихъ. Всѣ подобныя сравненія, сколько намъ извѣстно, были съ пламеннымъ энтузіазмомъ принимаемы всеми благородными сердцами, которыя лукавою наукою Запада не доведены еще до жалкаго индифферентизма ко всему родному и въ которыхъ

свѣточъ чистой вѣры не погасъ во тьмѣ лжеумствованій кичливаго разума. Не всѣ изъ упомянутыхъ нами сравненій появились въ печати; между прочимъ ненапечатанною остается и предлагаемая «Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ». Она попала ко мнѣ въ руки отъ самого автора «Московского стихотворенія», и онъ дозволилъ мнѣ украсить имъ страницы вашего ¹ . . . изданія. Посылаемые два письма составляютъ, по всей вѣроятности, только начало переписки, которая обѣщаетъ быть не только любопытною, но и поистинѣ отрадною для патріотическаго наблюденія. Уже въ первыхъ письмахъ вы видите, — съ одной стороны широкую, размашистую русскую натуру, не знающую никакихъ деликатесовъ и модныхъ изворотовъ, рѣзкую правду-матку прямо, безъ обиняковъ, съ виду нѣсколько грубоватую, но глубоко основательную, берущую дѣло съ корня, съ самаго начала сѣверной столицы, и въ концѣ письма возвышающуюся до трогательнаго лиризма, до трагизма истинно-шекспировскаго; съ другой стороны — предъ вами прилизанный франтикъ съ дешевенькой проницей, поддѣльнымъ скептицизмомъ, съ затверженными, пошлыми заманками, съ виду какъ будто приличный, но въ сущности издѣвающійся надъ всѣмъ святымъ, слящійся бросить тѣнь даже на такія событія, какъ морозы 12-го года, изданіе «Русскаго Вѣстника», педагогическая дѣятельность г. Киттары и пр., а между тѣмъ не смѣющій даже и отвѣчать прямо москвичу, а обращающійся въ своемъ отвѣтѣ къ какому-то третьему лицу, — и ужъ конечно петербуржцу! . . . Здѣсь уже ясно для васъ торжество

¹ Тутъ были обычные complimenty, которые мы, по скромности, выкинули. *Ред. „Свистка“.*

московской, на русской почвѣ выросшей и струею русскаго духа омытой, родной жизни — надъ чужеземнымъ, чахлымъ произрастеніемъ невскихъ береговъ, искусственно выведеннымъ по нѣмецкому мануиру. Въ слѣдующихъ письмахъ преимущество это должно выказаться еще ярче. Къ сожалѣнію, другъ мой, авторъ «Московского стихотворенія», по московскому обычаю, — что грѣха таить! — лѣнивецъ и нескоро соберется, а пожалуй и вовсе не соберется отвѣчать петербургскому пріятелю. А ужъ если бъ собрался, — то-то бы его отдѣлалъ!

Позвольте по крайіней мѣрѣ надѣяться, что вы не упустите случая предать гласности прекрасное произведеніе московской музы, еще болѣе получающее цѣны отъ присоединенія къ нему легкомысленнаго петербургскаго отвѣта. Примите, и пр.».

Прочитавъ «Переписку», мы пожелали узнать время ея происхожденія, о которомъ ничего не говорится въ полученномъ нами письмѣ. Мы полагали, что время это можно опредѣлить по библиографическимъ даннымъ, находящимся въ перепискѣ, и для этого обратились за помощью къ весьма серьезному и усидчивому, хотя и не признанному библиографу, г. Лайбову. Г-нъ Лайбовъ взялъ «Переписку» и, по своей библиографической натурѣ, не удержался, чтобъ не составить къ обоимъ стихотвореніямъ ученыхъ и весьма обширныхъ библиографическихъ примѣчаній. Мы пришли въ ужасъ, увидавши, какъ два тоненькіе листика превратились въ рукахъ его, въ продолженіе двухъ дней, въ толстую тетрадь, въ которой однако опредѣленія времени-то и не было. Печатать всѣ примѣчанія оказалось невозможно: они бы составили около 20 печатныхъ листовъ; но.

не желая доводить до отчаянія скромнаго труженика, и безъ того уже весьма отвергнутаго, мы выбрали нѣкоторыя примѣчанія, сократили ихъ и печатаемъ, въ видѣ образчика, собственно для утѣшенія г. Лайбова, и для тѣхъ, кого это дѣло касаться можетъ.

Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ.

1.

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ.

На дальнемъ сѣверѣ¹, въ гиперборейскомъ краѣ²,
Гдѣ солнце тусклое, показываясь въ маѣ,
Скрывается опять до дѣта въ сентябрѣ³,

Библиографическія примѣчанія.

¹ 59° 56' 31" сѣв. ш. и 27° 57' 58" долг. (см. Dictionnaire général de biographie et d'histoire, etc. etc., p. Ch. Dezobry et Th. Bachelet), согласно съ нимъ показывать и Dictionnaire universel, p. Bouillet: 59° 56' с ш. и 27° 58' д. Но въ географіи Ободовскаго (стр. 129) показано 59° 57' с ш. и 47° 50' д. И не сѣв. ш. еще вѣрнѣе, страннѣе сираотичнѣе словарямъ, въ свѣдѣніяхъ о Россіи!!! На 20 градъ со- врани два лучшие сираотичные словаря, и имъ ничего! Никто не обращаетъ вниманія, даже не обвинить ошибку, и пренебрежетъ соотечественниковъ отъ покупки такихъ словарей!.. А между тѣмъ

Какой бы шумъ вы подняли, друзья,
Когда бы сдѣлалъ это я!—

какъ говорить знаменитый баснописецъ (Басни Н. А. Крылова, Спб. 1856, стр. 160).

- Гиперборей—должно быть греческое слово, а чортъ его знаетъ, что оно значитъ, какъ говорить Лякинъ-Гякинъ у Гоголя (см. Соч. Гоголя, т. II, стр. 331). Хорошо еще, если варваръ, а можетъ и того хуже. Впрочемъ извѣстно, что греки называли Гипербореями всѣ народы, жившіе на сѣверъ отъ Фракіи (Мансерт. Geographie der Griechen, т. IV, стр. 48). Шведскій профессоръ Олафъ Верелінъ утверждаетъ, что Гиперборей жили въ Швеціи (см. Atlantis, т. I, стр. 371). Карамзинъ говоритъ, что мы, русскіе, также могли бы объявить права свои на свою честь и славу (Карамзинъ, т. I, прим. 4). Любопытные могутъ найти пресрѣтныя разсужденія о Гипербореяхъ въ статьяхъ академиковъ Галера и Фишера (Mém. de l'Académie des inscript. т. X, стр. 176).

² 1 мая солнце въ Петербургѣ восходитъ въ 3 ч. 28 м., а захо-

Столица новая возникла при Петръ ¹.

Возникнувъ съ помощью чухонскаго народа ²

Изъ топей и болотъ ³ въ какихъ-нибудь два года,

Она до нашихъ дней съ Россіей не срослась:

Въ употребленіи тамъ гнусный рижскій квасъ ⁴,

Съ нѣмецкимъ языкомъ тамъ перемѣшанъ русскій ⁵

И надъ обоими господствуетъ французскій ⁶,

А рѣчи истинно-народный оборотъ

Тамъ рѣдокъ столько же, какъ честный патріотъ ⁷!

Да, патріота тамъ нащепься со свѣчкой.

днѣ въ 8 ч. 26 м. А 13 сентября — восходитъ въ 5 ч. 19 м. и заходитъ въ 5 ч. 53 м., — *стало темнѣе с тоишю только четыре минуты!!!* (См. Мѣсяцесловъ на 1859 г.).

¹ Возникла въ 1703 г.!

Не одного чухонскаго, ибо вотъ историческое свидѣтельство: корелы, олочане, повгородцы [это ужь не чухонцы!], также пѣльмѣнцы, шведы, казаки, татары, катмики [развѣ это чухонцы, московскій поэтъ?] и тысячи разноплеменныхъ [видите ли: *разно племенныхъ*] людей прибыли сюда [къ устью Невы], по повелѣнію царя, со всѣхъ частей его обширныхъ владѣній“. Такъ разсказывается о строеніи Петербурга въ „Исторіи Петра Великаго“ Ламбина, стр. 319.

² „Изъ нѣмы лѣсовъ, и въ тои блатъ“, — стихъ Александра Сергѣевича (см. Соч. Пушкин., изд. Исакова, т. II, стр. 304).

³ Ясно изъ вышесказаннаго на каждой почти мелочливой лавочкѣ (см. объ этомъ также статью Фаддея Булгарина „Петербургская чухонская кухарка“, въ „Биод. дѣл Чт.“ 1834, № 10, и вечкій номеръ „Всякой Всячины“, въ прежней „Сѣверной Пчелѣ“).

⁴ Это глупо, между прочимъ, изъ стихотворенія барона Розена „Небосводъ“, помѣщенного въ Литер. прибл. въ „Русск. Нивѣ“ 1837, № 11, и изъ изслѣдованій Елены Кестини, помѣщенныхъ въ „Матѣ“ 1845, Нивѣ по ихъ слѣдамъ пошесть г. Розенгеймъ, изобрѣтающій, какъ недавно мы видѣли „Отеч. Зап.“ 1849, № 16, слеза въ родѣ *слеза въ-ности, либра въ-ности* и пр., и т. Павровъ въ своихъ философскихъ изслѣдованіяхъ.

⁵ Объ этомъ есть любопытная книжечка: „Оставшееся послѣ покойнико NN разсужденіе объ опасности и вредѣ, отъ немъ и выгодахъ отъ французскаго языка, въ сравненіи его съ русскимъ“ (Москва. Въ Унив. Типогр. 1817). Книга эта рѣдка; но многія мысли, изложенныя въ ней, можно читать въ гораздо болѣе общедоступной статьѣ Н. Ф. Павлова „Вотьяки и г. Дюма“ („Русск. Вѣсти.“ 1858, № 16).

⁶ Совершенно правда! На дняхъ мы видѣли описательное дѣла-тельство этого петербургскаго жителя правильно выражаться по русски. Въ протоколѣ 13го засѣданія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ напечатано въ

Подбѣться къ сильному, прикинуться овечкой,
 Мѣстечка теплаго добѣться, и потомъ
 Безбожно торговать и честью и умомъ —
 Таковъ тамъ человекъ! Но впрочемъ, безъ со-
 мнѣнья,
 Спѣшу оговорить, найдутся исключенья.
 Забота Промысла о людяхъ такова,
 Что если гдѣ растетъ негодная трава,
 Тамъ есть и добрая: вотъ напримѣръ Жуковскій, —
 Хоть въ Петербургъ жить, но быть съ душой мо-
 сковскою ¹¹.

Театры ¹² и дворцы, Нева и корабли,
 Несущіе туда со всѣхъ концовъ земли ¹³

пунктъ 8-мъ, слѣдующее: Если въ каждомъ сраженіи, въ которомъ значительно развито чувство отгородной деликатности, *тамъ и тамъ* не только не *нападаютъ* на пособіе, но и *откажутся* и *не дадутъ* пособіе добровольное, то оно должно быть еще сильнее развито въ *человѣкѣ*, посвятившемъ себя литературѣ или наукѣ (см. Сто Бѣ и „Моск. Вѣст.“). Можеть ли хоть одинъ москвитинъ допустить такое выраженіе, являющее еще смѣль рѣчи? *Чуждъ ли онъ этимъ и не допускаетъ ли и не предостерегаетъ! Зап. съаево съ адиго прикинуло!* Боже мой! Дѣти же т. Подровскіи съ своимъ памятымъ лжецемъ ошибокъ въ русскомъ языкѣ? Гдѣ А. Г. Издхеві, который такъ промѣня, бывало, Греча и Кеенофунта Подсого? Хоть бы онъ разумилъ этихъ петербургскихъ литераторовъ, не умѣющихъ писать по русски со смысломъ!!!

¹¹ Слова поэта нужно ограничить: сѣль положительное свидѣтельство о москвитствѣ Жуковскаго. Такъ, въ рѣчи о Жуковскомъ г. Шевиревъ говоритъ: „по мѣсту воспитанія Жуковскіи наизъ „Москв.“ 1855, № 2, стр. 79. И далѣе приводитъ замѣчательное обстоятельство: „Въ стѣнахъ Москвы, топящихся сѣя на костеръ сожженія за всю землю рускую, Карамзинъ, отъ пролетнаго поворачиваясь къ истекшему, въ тощѣ графа Ростопчина вдохновенно провозгласилъ: „Патриотъ и самъ не будучи въ силѣ сѣсть на коня и примкнуть къ арміи, благословилъ на бѣгу Жуковскаго“ (тамъ же, стр. 89). Последомъ этого и вылетѣлъ „Нѣвецъ въ стѣнахъ русскаго бѣиновъ“, а потомъ еще и „Нѣвецъ въ Кремль“!..

¹² Закрываются на первой недѣлѣ поста (см. афиши).

¹³ Стихи Александра Сергѣевича (Соч., т. II, стр. 305).

Корабли
 Толпой со всѣхъ концовъ земли
 Къ богатымъ присганямъ стремятся.

Затѣи роскоши¹⁴, музеи просвѣщенья,
Музеи древностей — «всѣ признаки ученья»
Въ томъ городѣ найдешь; нѣтъ одного: души!
Тамъ высохъ человѣкъ¹⁵, погрязнувъ въ барыни¹⁶,
Улыбка на устахъ, а на умѣ коварность:
Святого ничего — одна утилитарность¹⁷!

Итакъ, друзья мои! клянусь тщеславный градъ!
Рыдаю и клянусь... Прогрессу онъ не радъ.
Въ то время, какъ Москва надеждами пылаетъ,
Онъ погружается попрежнему въ развратъ
И противъ гласности стилистики сочиняетъ¹⁸!..

2.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ.

Ты знаешь градъ¹⁹, заслуженный и древній,
Который совмѣстилъ въ свои концы
Хоромы, мѣжины, посады и деревни,
И храмы Божіи, и царскіе дворцы²⁰?
Тотъ мудрый градъ, гдѣ смѣлый провозвѣстникъ

---

¹⁴ „Отъ роскоши и развращенія нравовъ“ — таковы всѣ древнія государства (см. „Всеобщ. ист. Кайд.“, ч. I, стр. 8, 11, 23 и пр.).

¹⁵ Не советую спрашивать, даже съ московской точки зрѣнія: по извѣствованіямъ г. Пензеня (см. „Свер.“ 1858 № VI, въ петербургскій портъ въ 1856 г. одного шампанскаго привезено было 916,287 бутылокъ!

¹⁶ Доказывается недавнимъ случаемъ подѣлки кредитныхъ билетовъ (см. „Спб. Вѣд.“, № 55).

¹⁷ Заметь рано и въ статьѣ г. Колотина „По поводу американскаго женичины“, въ „Утрѣ“ 1859 г.

¹⁸ Капитальное обвиненіе противъ „Свистка“, изъ котораго можно бы здѣсь и цитаты привести, если бы не совѣстно было говорить о немъ степенному издѣлователю, особенно же трупящемуся скромномъ и неблагодарномъ, но истинно потешномъ поприщѣ библиографіи...

¹⁹ Очевидное подражаніе Гетековому: Kennst du das Land?

²⁰ А это — подражаніе О. Н. Глинка, который, обращаясь къ Москвѣ, говорить:

Городъ пышный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы

Московскимъ думъ и англійскихъ начать,
Какъ водопадъ бушуетъ «Русскій Вѣстникъ»²¹,
Гдѣ «Атенеи» какъ ручеекъ журчатъ²².

Ты знаешь градъ? — Тула, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Ученый говоритъ: тотъ градъ славнѣ Рима²³,

И посады и деревни,
И хоромы и дворцы!

Стихотвореніе это первоначально было помѣщено въ «Русск. Вѣстн.» 1841, № 3, стр. 604—605. Но болѣе извѣстно оно изъ «Книги для чтенія», которую издалъ Глинка и въ которой оно помѣщено обыкновенно на стр. 229.

²¹ Не тотъ «Русскій Вѣстникъ», въ которомъ было напечатано стихотвореніе Ф. П. Глинки: этотъ издавался въ 1841 и 1842 гг. Гречемъ, Поленинымъ и Кукольникимъ, въ Петербургѣ. И не тотъ, который Сергѣемъ Николаевичемъ Глинкою издается съ 1808 по 1824 г. и вмѣсто котораго на греческомъ издавалось и теперь именуется «Новое греческое чтеніе». Итъ, тутъ разумѣется «Русскій Вѣстникъ», вѣдущій въ 1856 г., арестованный уже русскою цуцкой полке татари и Баа-Борозы, Грэмекы, Кадоры, Рачинскато, Ракерскато, Чечерина, и пр., и пр., прекратившій въ Россіи роготинскато, родо рившій въ душахъ аличное чувство законности, отстаивавшій выкупъ туны крестьянской, проскандировавшій новую русскую общину и пр.

²² «Атенеи» впрочемъ не съ концомъ разговора были и обругать Остроумскаго; но, говоря классическимъ стихомъ г. Панаевскаго, —

Напрягся — изнемогъ, потекъ — и ослабѣлъ!..

Объявленіе о его превращеніи было вѣстнымъ усиленіемъ его мужества: здѣсь онъ, какъ извѣстно, предупредилъ г. Ламанскаго съ его знаменитою фразою, и — атъмъ, величественно, неповторимъ, удержалъ со сцены.

²³ Здѣсь очевидно разумѣется А. С. Хемиковъ, ибо никто кромѣ его не можетъ быть у насъ названъ ученымъ par excellence: извѣстно, что онъ писалъ и о философіи («Русск. Вѣстн.» 1850, № 1), и о санскритскомъ языкѣ («Изв. П. Орд. Акад. Наукъ» 1855), и о живописи («Моск. Сбѣри.», 1847), и о сельскихъ условіяхъ («Москва» 1842 № 2), и о юридическихъ вопросахъ («Русск. Вѣстн.» 1858, № 1), — словомъ, обилъ всѣмъ вѣдѣмъ челоуѣческимъ. Но мы не знаемъ, что онъ говорилъ, что Москва славнѣ Рима. Напротивъ, въ знаменитомъ своемъ стихотвореніи «Россія» (которое почему то, къ сожалѣнію, выкинуто изъ послѣдняго изданія «Хрестоматіи» Галахова) говоритъ:

Славнѣй тебя былъ Римъ великій.

* Примѣчаніе это было у г. Лайбова въ четыре листа печатныхъ, съ изумительными цитатами и сближеніями. Но «Русскій Вѣстникъ» такъ обилизвѣтенъ, что мы рѣшились выкинуть всю эту исторію. Г-нъ Лайбовъ можетъ это напечатать, гдѣ хочетъ.

Прим. ред. «Свистка».

Прозанкъ «сердцемъ родины зоветъ»²⁴,
Поэтъ гласитъ: «Россіи дочь любима»²⁵,
И «матушкою» чествуетъ народъ²⁶.
Не даромъ, нѣтъ! Невольно брызжутъ слезы
При имени заслутъ, какія онъ свершилъ:
Въ Двѣнадцатомъ году такіе тамъ морозы
Сгояли, что французъ досель ихъ не забылъ²⁷.

Но если значеніе имени „ученикъ“ расширить, то есть придать его всякому, кто „былъ ученикъ“, то, безъ всякаго сомнѣнія, стихъ сего автора къ г. Шенгребу, который въ течение своей ученой карьеры до того проводилъ параллели между Россіей и Италіей, что, наконецъ, сталъ смѣшивать принадлежности обѣихъ странъ.

²⁴ См., напр., многократное повтореніе этой фразы въ предисловіи къ московскому сборнику „Утро“. А если угодно, то можно припомнить и „Молву“ 1857.

²⁵ Стихи дѣются тайн. софистика Пав. Пав. Дмитриева. (Соч. Дм. ч. I, стр. 14).

Москва, Россіи дочь любима!
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

²⁶ Въ подтвержденіе этого можно привести стихотвореніе „Олегъ“ напечатанное въ „Молвѣ“ 1857, № 31, стр. 351.

Олегъ, грамматикъ странный самый,
Родъ женскій съ мужескимъ смѣшалъ
Всѣмъ русскимъ городамъ упрямо
Онъ Кіевъ матерью назвалъ.
Но *Кіевъ-матушка* съ нуждою
Въ народную ложилось рѣчь:
Недолго могъ онъ быть главою
И землю русскую стеречь.
Москва поправила ошибку, —
Оправданъ ею былъ Олегъ.
И видимъ мы, что рѣчь незыбку
Про *мать градовъ* онъ древле рекъ
Москва за Русь возстала мочно,
Нѣтъ счета порваннымъ цѣпямъ,
И стала матерію точно
Она всѣмъ русскимъ городамъ!..

²⁷ Александръ Сергѣевичъ сказалъ, по увѣренію М. П. Погодина („Москв.“ 1841, № 1):

Полезенъ русскому здоровью
Нашъ укрѣпительный морозъ.

А извѣстно, что „что русскому здорово, то нѣмцу смерть“, — и французъ, стало быть, тоже.

Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Достойный градъ! Тамъ Мининъ и Пожарскій
Торжественно стоятъ на площади ²⁸.

Тамъ уцѣлѣлъ остатокъ древне-барскій

У каждаго патриція въ груди ²⁹.

Въ купечествѣ, въ сословіи дворянскомъ

Тамъ безкорыстіе, готовность выше мѣръ ³⁰:

Въ послѣдней ли войнѣ ³¹, въ вопросѣ ли крестьян-
скомъ ³²

Мы не одинъ найдемъ тому примѣръ . . .

Ты знаешь градъ? — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

²⁸ Стоять — съ 1818!

²⁹ Для примѣра смотри хоть въ „Молвѣ“ замѣчанія К. С. Аксакова о значеніи Москвы: „Въ Москвѣ преимущественно идетъ умственная работа: въ ней древнѣйшій русскій университетъ. Въ ней силенъ интересъ мысли и науки... Здѣсь пытается мысль выйти на самостоятельную дорогу, и если вновь станетъ, наконецъ, русскій умъ на свой настоящий путь, и мы, оторвавшись часть отъ русскон народности, вновь придемъ къ ней, и просвѣщеніе будетъ народнымъ, то *этою нравственною помощью Россіи будетъ обязана долготелѣестью мысли, возникшей въ Москвѣ*“ („Молва“ 1857, № 8). Въ респондѣ къ этому припомнимъ знаменитую критику г. Рачинскаго на „Тысячу душъ“ („Русск. Вѣстн.“ 1858, № 18), обвиняющую этотъ романъ главное за то, что Калиновичъ, столь драгій человѣкъ, былъ студентомъ московскаго университета.

³⁰ Вотъ одинъ поразительный примѣръ. Г-нъ Погодинъ въ своихъ заграничныхъ письмахъ рассказываетъ о себѣ: „Я рассказалъ Клемму со всѣми подробностями о богатомъ вознагражденіи, полученномъ мною отъ щедротъ русскаго Царя за свое собраніе древностей, къ которое сдѣлалось теперь навѣки-вѣковъ неотъемлемо сохранимою собственностью отечественной науки. Пѣсенкиіе ученые вѣтъ себя отъ удивленія полумилліону рублей, который получили русскіи за свои послѣдніе труды: „Halb million, Potz tausend! Halb million! Das ist prachtig!“ Признаться, съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью стараюсь я сообщить это извѣстіе, кому только могу“ („Москв.“ 1853, № 16, Отр. изъ загр. пис., стр. 184).

³¹ См. патриотическія стихотворенія гг. Шевирева, М. Дмитриева К. Павловой и пр., и пр.

³² Объ этомъ можно справиться въ правительственномъ актѣ, который перепечатанъ между прочимъ и въ „Современникѣ“ 1858, № 11: „Устр. быга помѣщ. крестьянъ“, стр. 17.

Волшебный градъ! Тамъ люди въ дѣлѣ тихи,
Но говорятъ, волнуются за двухъ ³³,
Тамъ отъ Кремля, съ Арбата и съ Плющихи
Отвсюду вѣетъ чисто русскій духъ ³⁴;
Все взоры веселитъ, все сердце умиляетъ,
На выпрениій настраиаетъ ладъ —
Царь-колоколъ лежитъ, царь-пушка не стрѣляетъ ³⁵,
И сорокъ сороковъ безъ умолку гудятъ ³⁶.

Волшебный градъ! — Туда, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Правдивый градъ! Тамъ процвѣтаетъ гласность,
Тамъ принялись науки сѣмена ³⁷

---

³³ Противъ этого хорошо возражаетъ М. А. Дмитріевъ въ 37-й изъ „Московскихъ элегій“ (Москва 1858).

Добрая наша Москва! Говорятъ, что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву распускать...
Нѣтъ, ужъ то время прошло, и молва отъ тебя не исходитъ.
Любишь на старости ты только спросить и послушать...

³⁴ Арбатъ и Плющиха — улицы въ Москвѣ; Кремль — памятникъ отечественной славы, о которомъ Ѳ. Н. Глинка выразился („Русск. Вѣсти“ 1841, № III):

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?

Что же касается до „русскаго духа“, то о немъ можно получить понятие изъ объявленія объ изданіи „Русской Бесѣды“ на 1856 г.

³⁵ Кто царь-колоколъ подыметъ
Кто царь-пушку повернетъ?

Стихи того же Ѳ. Н. Глинки („Русск. Вѣсти.“ 1841, № 3).

³⁶ Гудятъ дѣйствительно безъ умолку... И кромѣ того, по выраженію Ѳ. Н. Глинки (см. тамъ же):

На церквахъ Москвы старинныхъ
Вырастаютъ деревья!

³⁷ Принялись и прозвѣти, — ибо послѣ первой публической лекціи Бабета въ Практической академіи (18 янв.) слушателямъ долго не давали шубъ, какъ напечатано въ 1-мъ и предпоследнемъ номерѣ „Современности“; „Шубы прѣхавшихъ слушателей запертали въ отдѣльную комнату, перемѣняли порядокъ номеровъ и при разлѣдѣ стали выдавать ихъ по одной, сквозь какое-то окошко. Народу было до 400 человекъ; каково же было на холоду дожидаться? Поднялся ропотъ; нѣкоторые, болѣе нетерпѣливые, стали громко требовать своихъ

Тамъ въ головахъ у всѣхъ такая ясность ³⁸,
 Что комара не примутъ за слона.
 Тамъ, не въ примѣръ столицъ нашей Невской,
 Подмѣтятъ все — оцѣнятъ, разберутъ:
 Анафемъ тамъ преданъ Ч* ³⁹
 И Кокорева умъ нашелъ себѣ пріютъ ⁴⁰!
     Правдивый градъ! — Туда, туда съ тобою
     Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Мудреный градъ! По приговору сейма
 Тамъ судятся и люди и статьи ⁴¹,
 Ученый Бабсть стихами Розенгейма
 Тамъ подкрѣпляетъ мнѣнія свои ⁴²,
 Тамъ сомнѣвается почтеннѣйшій Киттары,
 Ужъ точно ли не нужно стѣчь дѣтей ⁴³?
 Тамъ въ Хомяковъ чехи и мадьяры
 Нашли пѣвца народности своей ⁴⁴.

шубъ. Въ это время явится господинъ, завѣдывавшій тамъ порядкомъ, и, подойдя къ одному изъ претендентовъ на шубу, сказать съ сознаниемъ своего права и достоинства: „Если вы будете требовать вашу шубу, то не получите ее совѣмъ“. Эти слова такъ озадачили прозябнутаго господина, что онъ пришелъ въ отчаяніе“ („Современникъ“, № 1, стр. 28).

³⁸ Въ 1850 г. въ Москвѣ былъ 6291 фонарь. (См. „Описаніе Москвы и ея достопримѣчательностей“, Н. Милютинъ, М. 1850, ч. II, стр. 273).

³⁹ Здѣсь разумѣется, конечно, г. Чернышевскій. Въ „Москвитинѣ“ 1851, № 13—14, напечатано было о „Современникѣ“: „Современникъ“, въ которомъ сегодня позволяется ругать то, что вчера рехваливалось, въ которомъ сегодня дѣльное слово скажетъ г. Дружининъ, а завтра, можетъ быть, г. Чернышевскій напишетъ ему безвкусныхъ и безобразныхъ литературныхъ ересей“ (статья Аполлона Григорьева „Объ отношеніи современной критики къ искусству“).

⁴⁰ Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (см. 1857 г., № 24, и такъ дальше).

⁴¹ Объ этомъ довольно хорошо было изложено въ „Физиологическомъ кружкѣ“ („Русск. Вѣстн.“ 1857, № 9).

⁴² Это случилось въ „Атенѣ“ 1858, № 46, стр. 297. Стихами г. Розенгейма подкрѣпляетъ ученый г. Бабсть свои возраженія какому-то господину, защищавшему откупа.

⁴³ Теперь уже не сомнѣвается, а отчаявается (см. „Отч. Практ. акад.“ за 1859 г., стр. 39).

⁴⁴ О чехахъ г. Хомяковъ пѣлъ не мало: они тревожатъ его даже во снѣ („Русск. Бес.“ 1856, № 1):

Мудреный градъ! — Тула, туда съ тобой
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

Разумный градъ! Тамъ Павловъ Солдогуба ⁴⁵,
Байборода Крылова обличилъ ⁴⁶,
Тамъ *** былъ пораженъ сугубо ⁴⁷,
Тамъ самъ себя Чичеринъ поразилъ ⁴⁸.
Тамъ, что ни мужъ — то жаркій другъ прогресса ⁴⁹
И лишь не вдругъ могли уразумѣть:

О Прагъ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагъ мечталъ, забываясь сномъ...

Что касается до мажаровъ, то можно назвать мажарскими развѣ сѣдующіе стихи его (тамъ же):

... На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Молдаву,
На шумный и синий Дунай...

⁴⁵ * Безплодны и неблаготарны новыя біографическія указанія на факты столь извѣстные.

⁴⁷ Подъ *** здѣсь можно разумѣть (такъ какъ дѣло идетъ объ историческихъ личностяхъ) или Слизмунда, или же, что вѣроятнѣе, Наполеона, сугубо пораженного морозами и пожаромъ. Имя Наполеонъ не входитъ въ стихъ; но вѣроятно надо читать *Бочанартъ*. Впрочемъ можно читать и просто Наполеонъ, сокращая это слово по примѣру знаменитаго просодиста нашего, изучившаго все сокращенія и ударенія, г. Шевырева, который въ переводѣ „Валленштейнова лагеря“ (Москва 1879) пишетъ для стиха: *соль нумъ* (стр. 25), *послѣшка* (стр. 32), *посовѣт'сть* (стр. 59), и пр.

⁴⁸ Въ 1857 г. „Русск. Вѣстн.“ говорилъ (№ 8), что г. Чичеринъ „началъ свое ученое поприще съ такимъ блескомъ, съ какимъ немногіе зачинають“; а теперь г. Чичеринъ пишетъ въ „Нашемъ Времени“! (См. „Наше Время“, № 1, 1860.)

⁴⁹ Однимъ изъ таковыхъ является, напр. въ „Нашемъ Времени“ (№ 7), г. А. Забѣлинъ, неутомимо старающійся о прогрессѣ. Изды по желѣзнымъ дорогамъ. Такъ онъ говоритъ: „Безконечно были бы благодарны все болѣе образованные люди, если бы правительству угодно было пригласить выставить на стѣнахъ вагоновъ всехъ классовъ печатныя объявленія, что въ вагонахъ не позволено возить собакъ, бѣть рыбы, сыру, яицъ и прочихъ веществъ, распространяющихъ дурной запахъ; не позволено громко разговаривать, пить, свистать и пѣть; запрещено всякое безпокойство пассажировъ; предписывается имѣть всевозможное уваженіе къ женщинамъ всѣхъ классовъ, и потому воспрещаются всякіе скандалы, разговоры, двусмысленныя остроты и шутки. Пьяныхъ вовсе не принимать въ вагоны. Все эти и подобныя имъ правила могутъ не оставаться мертвой буквою. Выполняется же теперь очень строго запрещеніе курить табакъ, кото-

Что на пути къ нему въриѣ — пресса⁵⁰,
Или умно направленная плеть?

Разумный градъ! — Туда, туда съ тобою
Хотѣлъ бы я укрыться, милый мой!

рый составляетъ одно изъ самыхъ меншихъ неудобствъ, теперь встрѣчающихся въ вагонахъ. Мнѣ возражать, что правительству нельзя же быть нинкой народа и слѣдить за каждымъ его шагомъ. Конечно, свобода дороже и душевнѣе всего, но что же дѣлать, когда наше общество такъ дурно воспитано, что еще не умѣетъ ею пользоваться, какъ слѣдуетъ и на свободѣ дѣлаетъ *серьезно или безчинства* (стр. 41). А дѣлѣ описываются и самия безчинства: „Около меня услыхалъ какіе-то двое стриженныхъ нѣжныхъ молодыхъ, въ родѣ кучерскихъ приказчиковъ, которые бѣзъ цуръ и очей *нигидали въ под-лавокъ* *заочною рѣшю и начали уличать за обѣтѣки* [какое въ самомъ дѣлѣ безчинство!], какъ будто вагоны назначены быть харчевнями и какъ будто *начались до сама кт оу уседа* *за гости нехотѣ бѣдо да онъ в томъ возмудъ или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ*. *Напаче съ обѣ рѣшю*, они признались во все вышнее *тер о разсужизать о с о ныхъ дѣлахъ*“ (стр. 42). Дѣлѣ авторъ, какъ гордый поборникъ прессы, разсуждаетъ о томъ, какъ эти вещи дѣлаются „во всемъ образованномъ мірѣ“. И какъ гуманно разсуждаетъ!

⁵⁰ Токи о грамотности и грамотности. А отъ сително глѣснаго наказанія, то есть всѣхъ споровъ, о которыхъ не считаемъ нужнымъ упоминать, вотъ что говорится въ книжкѣ „Ветра съ ратостромъ“, недавно изданной въ Москвѣ графомъ Толстымъ (стр. 13): „Считаю нужнымъ, не объясняя общины къ *напретному тѣ еному така* *такю до изреченныхъ случахъ*, оставить мѣры вѣсканія и, со строгое ихъ уемотрѣніе, лишь бы не превымали законоположеній; и они, гдѣ можно, замѣнять сто дешовымъ штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ, работою, исключеніемъ изъ общины, отдачею въ распоряженіе правительства и чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ; а гдѣ нельзя, тамъ употребить глѣсное наказаніе, и если только будетъ возможно, то употребить его въроотно, не спрашиваясь ни юристовъ, ни филологовъ, ни антропологовъ, не мѣрять длину розги, не подраздѣлять ихъ на мужскія, женскія и дѣтскія, а просто, по несовѣсти: *душа мѣру на тѣ*“, то есть — адъ болитъ. — По моимъ, можетъ быть, отсталымъ понятіямъ *догато и а нѣ* *отт чело вѣст а и про рѣст* — дѣлѣ нѣсколько разогъ одному и тому, не если пустить по міру, и развращать этимъ способомъ цѣлое семейство сто. Дѣлѣ, все „*г тохъ* *недоумѣстна и про рѣст*“, авторъ воніть графовъ VI, стр. 14, „Въ странѣ, гдѣ лучшее развитіе — медвѣжья трива! Гдѣ лучшая потѣха — кулачнинъ бой! — Гдѣ бурлаки и рюгъ суды ставили на мѣхъ, въ подлѣмъ убѣжденіи, что *дѣла* *с ели рѣст*! Гдѣ само правительство не находитъ возможнымъ изгнать изъ законовъ глѣсное наказаніе, — тамъ не говорите мнѣ о необходимости замѣнить сто въ общинахъ!“ — Я никогда не повѣрю вамъ!! — Прогрессъ — долженъ быть общій! Должна быть — общая подготовка, общее умнѣніе нравовъ!.. А частлості ни къ чему не ведутъ, кромѣ бѣды!“

Серьезный градъ! Науку безъ обмана,
Безъ гаерства искусство любить тамъ⁵¹,
Тамъ область празднословнаго романа
Мужчина передалъ въ распоряженіе дамъ⁵².
И что романъ? Тамъ поражаютъ пьянство⁵³,
Устами Чаннинга о трезвости поютъ⁵⁴.
Тамъ люди презираютъ балаганство
И нашъ „Свистокъ“ проклятью предають⁵⁵.

---

⁵¹ Пространно объ этомъ см. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1857 № 6, въ статьѣ „Біографъ-оріенталистъ“, Н. Ф. Павлова.

⁵² Какъ-то книжка „Русскаго Вѣстника“ служила тому подтвержденіемъ (Гутъ у т. Ланбета были ужасныя подробности на трехъ печатныхъ листахъ, но мы ихъ выкидываемъ и оставляемъ только заключеніе)... Итакъ, Вахновская, Кохановская, Парская, Громека, Ольга П., К. Павлова, Громека, Еленія Туръ, Щербина, Жадовская, кромѣ того, по тщательнымъ бисъ-портретическимъ разысканіямъ — Тригорскія, Криницкія, Марко Бовичскъ и даже самъ Николаенко — вотъ женщины, укрепляющія „Русскій Вѣстникъ“, и нѣтъ-то женственнаго, смягчающаго вліяніе, по всей вѣроятности, держитъ его постоянно въ томъ съдѣломъ, реввомъ настроеніи, которому не мѣшаютъ даже статьи г. Ржевскаго, Безъ разова, Бунге, Лепкова и самого Хвольсона.

⁵³ Тамъ даже родилась, въ рендантѣ къ стереотипной фразѣ: „въ настоящее время, когда поднято такъ много общественныхъ вопросовъ“ и пр., — другая не менѣе сильная фраза: „въ настоящее время, когда пьянство приняло такіе широкіе размѣры“ и пр. (см. „Моск. Вѣд.“ 1859, № 8).

⁵⁴ Впрочемъ и Чаннингомъ была прежде всѣхъ дама — г-жа Еленія Туръ („Русск. Вѣстн.“ 1858, № 8); а потомъ уже и мужская половина „Русскаго Вѣстника“ принялась за него и въ прошломъ году, въ № 7, перевела изъ него статью о томъ, что не должно пьянствовать, и почему не должно.

⁵⁵ Здѣсь вѣроятно заключается указаніе на замѣтку, помѣщенную въ № 95 „Моск. Вѣдомостей“ прошлаго года. Теперь кетати будетъ припомнить ее всю дѣликомъ, и съ нѣкоторыми словами редакціи „Вѣдомостей“. Вотъ какой видъ имѣетъ эта замѣтка:

Мы получили по поводу распространенія трезвости слѣдующее письмо:

М. Г. Вы уже имѣли случай замѣтить, что, исполнѣ сочувствіи къ благамъ трезвости, вы желали бы однако, чтобы дѣло обходилось безъ инстинкта и глупыхъ нападковъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ помѣшники, какъ сословіе болѣе образованное, принимаютъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ. Въ свою очередь, исполнѣ соглашаясь съ вами, позволю задать себѣ вопросъ: неужели это писать не только инстинктивныя, но и кабинетныя люди и теоретики, и въ нашемъ благо

Серьезный градь! — Туда, туда съ тобою
Намъ странно показаться, милый мой!

словенномъ отечествѣ люди вѣчно будутъ сѣбѣ другъ друга, и не только другъ друга, но и женщинъ, — сѣбѣ по собственному, добровольному соглашенію? Вотъ оно — гнѣздище крѣпостного права и слѣпоты грамотности!

„А у насъ еще есть господа“, безъ дѣйствительности печатающие, что наша литература, занима съ вопросами о распространеніи грамотности, о телесныхъ наказаніяхъ и т. п., даже дала гласность нѣкоторымъ общественнымъ явленіямъ безъ прямого указанія на лица, собственно повторяетъ только то, что и безъ нея извѣстно. Впрочемъ, лучшая часть нашего общества умѣетъ цѣнить лишь господъ во достоинству, и попытки литературнаго мальчишества и наизничества убить въ литературѣ всякую иную сдѣлать съ тою средой, которой она служить органомъ, никогда не могутъ имѣть успѣха. Многіе вопросы, порѣшенные въ Западной Европѣ и знакомые изъ книгъ десяти чтивамъ въ Россіи, конечно не могли перейти въ общее сознаніе тамъ, гдѣ коренятся и упорно держатся во всемъ строе жизни крѣпостное право, со всеми своими неизгладимыми послѣдствіями. Если бы, считая все давно порѣшеннымъ, наша литература ограничивалась туманными выходками противъ неаполитанскихъ и чинариковъ и т. п., то она утратила бы всякій смыслъ для русскаго общества. Это доуметь всякій неглупый школьникъ, а у насъ сдѣлали литераторы, не понимающіе такихъ простыхъ вещей! До какой степени невозможно успѣхъ попытокъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, показываетъ уже одно то, что въ порядочныхъ журналахъ Западной Европы рѣшительно не принято имѣть батаніи отдѣлы, и что мы съ повѣлимомъ очень хорошо знаемъ это, а между тѣмъ все-таки не можемъ устоять противъ искушенія потѣшить публику и при случаѣ превратить свои журналы въ „Господича“. Отчего же это? Оттого, что въ нашемъ обществѣ, даже въ области литературномъ, еще не принялось зацное понятіе о литературѣ, и общество еще бросается изъ одной крайности въ другую, улетаетъ за собою и литературу, по крайней мѣрѣ наименѣе серьезные органы.

„Примите и пр.

Н. Ч.“

См. въ апрѣльской книжкѣ „Современника“ статью: „Русская Литература“ и батаній отдѣлъ въ возобновленномъ, вѣроятно, по случаю недавнихъ праздниковъ подѣ на ранѣмъ „Свистокъ“.

Въ заключеніе, какъ серьезный и добросовѣстный биографъ, я долженъ объявить, что вношь соглашаюсь съ мнѣніемъ г. Н. Ч., въ которомъ, однако, по моимъ изысканіямъ и соображеніямъ, никоимъ образомъ не слѣдуетъ подозрѣвать г. Чернышевскаго. Дамъ

Н. Лайбовъ

№ 5.

Юное дарованіе, обѣщающее поглотить всю современную поэзію.

Прежде всего воскликнемъ съ Карамзинымъ:

Ахъ, не все намъ слезы горькія
Лить о бѣдсвіяхъ существенныхъ;
На минуту позабудемся
Въ чарованьи красныхъ вымысловъ!

Успокоившись такимъ авторитетомъ, обращаемся къ дѣлу и рекомендуемъ читателямъ юное дарованіе, которое можетъ, какъ говоритъ г. Григорьевъ о г. Случевскомъ, или распасться прахомъ, или оказаться силою, новой, великою силою. Собственно говоря, мы не знаемъ, какъ думаютъ о юномъ поэтѣ, и помѣщать ли его въ «Современникъ» или въ «Свисткъ»; но рѣшаемся на первый разъ лучше въ «Свисткъ»: а то въ «Современникъ»-то болышею частью какъ-то несчастливы бывають — черезъ два-три мѣсяца уже не могутъ концы съ концами свести . . . Въ «Свисткъ» не то: посмотрите, какъ твердо г. Лиліеншлагеръ стоитъ на своемъ пути! . . . А юное дарованіе г. Канельника будетъ поразнообразіемъ таланта Лиліеншлагера

Да вотъ, прочитайте и судите. Мы и письмо поэта печатаемъ, не скрывая его юношеской наивности: гласность, такъ ужъ гласность, полная, безусловная.

Милостивые государи!

Мнѣ 20 лѣтъ. Я съ юныхъ годовъ одержимъ невыносимою любовью къ поэзіи. 12-ти лѣтъ я уже писалъ весьма хорошіе стихи. Вообще я развился весьма рано. Вотъ первое стихотвореніе, которое я счелъ достойнымъ печати: я написалъ его будучи 12-ти лѣтъ.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Вечеръ. Въ комнаткѣ уютной
Кроткій полусвѣтъ.
И она, мой гость минутный . . .
Ласки и привѣтъ,

Абрисъ миленькой головки,
Страстныхъ взоровъ блескъ,
Распускаемой шнуровки
Судорожный трескъ . . .

Жаръ и холодъ нетерпѣнья . . .
Сброшенный покровъ . . .
Звукъ отъ быстрого паденья
На полъ башмачковъ . . .

Сладострастные объятья,
Поцѣлуй нѣмой, —
И стоящій надъ кроватью
Мѣсяцъ золотой . . .

Это стихотвореніе попало къ отцу моему, и онъ, признаюсь вамъ, чуть меня за него не высѣкъ. Напрасно увѣрялъ я его, что ничего подобнаго не видывалъ и не чувствовалъ, что это все есть подражаніе разнымъ поэтамъ (я никогда не подражалъ ни одному): отецъ не хотѣлъ вѣрить — такъ велика была сила таланта и живость изображенія предмета! . .

Но какъ ни увѣренъ я былъ въ своемъ дарованіи, а перспектива быть высѣченнымъ вовсе мнѣ не нравилась, и я немедленно перемѣнилъ родъ своей поэзіи. Въ то время наше отечество боролось съ англо-французами; газеты были наполнены восторженными возгласами объ огромности Россіи и о высокомъ чувствѣ любви къ отечеству. Я увлекся и написалъ слѣдующее стихотвореніе:

РОДИНА ВЕЛИКАЯ.

О, моя родина грозно-державная,
Сердцу святая отчизна любимая!
Наше отечество, Русь православная,
Наша страна дорогая, родимая!

Какъ широко ты, родная, раскинулась,
Какъ хороша твоя даль непроглядная!
Грозно во всѣ концы міра раздвинулась
Мощь твоя, русскому сердцу отрадная!

Нѣтъ въ вселенной такого оратора,
Чтобы прославить твое протяженіе:
Съ полюса тянешься ты до экватора,
Смертныхъ умы приводя въ изумленіе.

Ты занимаешь пространство безмѣрное,
Много обшириѣ древняго Рима ты.

Русской земли населеніе вѣрное
Чувствуетъ всѣхъ поясовъ земныхъ климаты.

Рѣки, озера твои многоводныя
Льются, подобно морямъ, безконечныя;
Необоримы поля хлѣбородныя,
Неизъяснимы красы твои вѣчныя!

Солнце въ тебѣ круглый годъ не закатится,
Путникъ тебя не обѣдетъ и въ три года:
Пусть ямщикамъ онъ на водку потратится, —
Только день откупну будетъ тутъ выгода...

О моя родина, Богомъ хранимая!
Сколько простору въ тебѣ необъятнаго!
Сколько простору въ тебѣ необъятнаго!
Неизъяснимаго и непонятнаго!...

1854.

За это стихотвореніе отецъ похвалилъ меня, и я послѣ того написалъ еще десятка четыре подобныхъ пьесъ. Но признаюсь, ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться въ звучности съ вышеприведеннымъ. Поэтому я и не сообщая ихъ вамъ, а переможу къ новой эпохѣ моей поэтической дѣятельности.

Въ 1854—1855 г. отечество наше было въ печальномъ положеніи: военныя неудачи, обнаруженіе внутреннихъ неурядицъ, все это терзало сердце истиннаго русскаго и вводило его въ мизантропію. И я дѣйствительно предался мизантропіи, разочаровался; все мнѣ опостыдѣло, и я произвелъ слѣдующую пьесу:

КУДА ДѢВАТЬСЯ?

Отъ людской любви и дружбы
Въ лѣсъ дремучій я бѣжалъ,

Сталь кореньями питаться,
Мыться, бриться пересталь.

Съ отверженьемъ и проклятьемъ,
Я въ лѣсу одинъ брожу,
Но увы! здѣсь снова дружбу
И любовь я нахожу.

Солнце съ неба дружелюбно
На меня бросаетъ лучъ;
И поитъ меня съ любовью
Межъ деревъ бѣгущій ключъ.

Соловыи поютъ влюбленно,
Лобызаются цвѣты,
И блестятъ любви слезою
На деревьяхъ всѣ листы.

Дружно по небу гуляютъ
Золотыя облака,
И грозитъ любовь и дружба
Мнѣ изъ каждаго сучка . . .

Въ каждой травкѣ, въ каждой мошкѣ,
Въ каждой капелькѣ росы
Обитаетъ духъ незримый,
Полный ангельской красы.

И старается мнѣ сердце
Чувствомъ нѣжнымъ размягчить,
Чтобы дружбой и любовью
Цѣлый вѣкъ мой отравить . . .

И въ лѣсу, въ борьбѣ тяжелой,
Силы падаютъ мои . . .
О, куда жъ, куда сокроюсь
Я отъ дружбы и любви?

Вы угадываете, чѣмъ разрѣшилось это мизантропическое настроеніе? Любовью, самой пылкой любовью, — страстью до того пламенной, что я не знаю, какъ еще я не сгорѣлъ совсѣмъ. Тогда-то производить я по 7¹/₂ въ день круглымъ счетомъ; съ особенною силою выразилась страсть въ слѣдующемъ стихотвореніи, которое я считаю вполне достойнымъ печати:

ПРИЧИНА МЕРЦАНІЯ ЗВѢЗДЪ.

Какъ твои уста въ веселомъ разговорѣ,
Чуть смыкаясь, — снова раскрываются;
Какъ любовь и радость въ этомъ свѣтломъ взорѣ,
Перелетнымъ блескомъ разгораются:
Такъ на свѣтломъ небѣ въ этотъ мигъ мерцаютъ
Куны звѣздъ, живыя, разноцвѣтныя.
Иль въ любви и звѣзды глазками играютъ
И другъ другу рѣчи шлютъ привѣтныя?..
Иль любовью нашей съ неба голубого
Хоры ихъ привѣтливо любятся?
Иль въ виду избытка счастія земного
Ихъ лучи завистливо волнуются?
Нѣтъ, любви дыханье такъ во мнѣ широко,
Такъ изъ груди сильно выражается
И, раздвинувъ воздухъ, такъ летитъ высоко,
Что эфиръ далекій колыхается, —
И съ его напоромъ звѣздныя громады
Въ дружное приходятъ колебаніе...
Оттого-то въ ночи нѣги и отрады
Веселѣй и чаще ихъ мерцаніе...

1853.

Но скоро любовь моя прошла, или по крайней мѣрѣ, сдѣлавшись болыше и пріобрѣтя серьезный

изглядъ, я пересталъ уже тратить драгоцѣнное время на описаніе любовныхъ чувствъ. Вокругъ меня волновалась общественная дѣятельность, все было полно новыхъ надеждъ и стремленій, все озарено было самыми свѣтлыми мечтами. Весь міръ представлялся намъ въ радужныхъ краскахъ. Въ такомъ настроеніи слышалъ я однажды заунывную крестьянскую пѣсню. У меня тотчасъ родился вопросъ: «отчего же она уныла, когда все кругомъ такъ весело?» Нѣтъ, — сказалъ я самъ себѣ, — я долженъ, во что бы то ни стало, отыскать въ ней веселые звуки. И представьте силу таланта — отыскалъ! И не только отыскалъ, но и воспроизвелъ! Въ Москвѣ говорили, что не дурно. Что вы еще скажете? Вотъ эти стихи:

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ И ПОЭЗІЯ.

Знаю васъ давно я, пѣсни заунывныя
Руси необъятной, родины моей!
Но теперь вдругъ звуки радостно-призывные,
Полные восторга, слышу я съ полей!

Пусть все тѣ же пѣсни — долгія, тоскливыя,
Съ той же тяжелой грустью, пахарь нашъ поетъ.
Долю его горькую, думы терпѣливыя
Пусть напѣвъ протяжный миѣ передаетъ.

Но въ восторгѣ сердца, подъ святымъ вліяніемъ
Гласности, прогресса, современныхъ думъ,
Полнѣ благоговѣнья къ свѣтлымъ начинаніямъ,
Жадно всюду внемля новой жизни шумъ,

Не хочу я слышать звуковъ горькой жалобы,
Горячкаго рыданья и горькихъ [горючихъ? *Ред.*]
слезъ . . .

Сердце бы изсохло, мысль моя упала бы,
Если бъ я оставилъ область сладкихъ грезъ . . .

Все свѣтло и благо, все мнѣ улыбается,
 Всюду дней блаженства вижу я залогъ, —
 И нацѣрь тоскливый счастьемъ отзывается,
 Въ грустной пѣснѣ льется радости потокъ.

Пусть все тѣ же пѣсни наши заунывныя,
 Но не то ужь слышно въ нихъ душѣ моей:
 Слышу я въ нихъ звуки радостно-призывные,
 Чую наступленіе новыхъ, свѣтлыхъ дней! . .

1857.

Вслѣдъ за тѣмъ у меня родилась потребность
 самому быть общественнымъ дѣятелемъ, и я
 изобразилъ свое настроеніе въ нѣсколькихъ звуч-
 ныхъ пѣсняхъ, изъ коихъ вотъ одна:

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Я ѣхалъ на вечеръ. Веселыми огнями
 Привѣтливо сіять великолѣпный домъ;
 Виднѣлась зала въ немъ съ зелеными столами,
 И бальной музыки изъ оконъ несся громъ.

А у воротъ стоялъ болѣзненный и блѣдный,
 Съ морозу синій весь, съ заплаканнымъ лицомъ,
 Въ лохмотьяхъ и босой, какой-то мальчикъ бѣдный
 И грошикъ дать на хлѣбъ молилъ меня Христомъ.

Я бросилъ на него взоръ, полный состраданья,
 И въ залу бальную задумчиво вошелъ,
 И дѣламъ суеты, среди ихъ ликованья,
 О бѣдномъ мальчикѣ печально рѣчь повелъ.

Въ кадрилихъ говорить о немъ я дѣламъ нѣж-
 нымъ;
 Межъ танцевъ подходить я къ карточнымъ сто-
 ламъ;

Восторженно взывать я къ юношамъ мятежнымъ
И скромно толковать почтеннымъ старикамъ.

Но глухи были все къ святымъ моимъ призы-
вамъ . . .

И проклять я тогда бездушный этотъ свѣтъ,
За то, что онъ такъ чуждъ возвышеннымъ поры-
вамъ —

И тутъ же мстить ему я далъ себѣ обѣтъ.

Я скоро отомстить: за ужиномъ веселымъ,
Лишь гости поднесли шампанское къ губамъ,
Я тостомъ грянуть вдругъ, для ихъ ушей тяжелымъ:
«Здоровье бѣдняка, страдающаго тамъ!»

И показать я имъ на улицу рукою.
Смутились гости все, настала тишина.
Не стали пить . . . Но я, — я пилъ съ улыбкой злою,
И сладокъ для меня былъ тотъ бокаль вина! . .

1858.

Но вы сами знаете, какъ тяжело бороться про-
тивъ общественной апатіи, безгласности, мрака
предразсудковъ. Я все это извѣдалъ горькимъ
опытомъ, и вотъ какъ выразилось мое новое, обще-
ственное разочарованіе:

РЫЦАРЬ БЕЗЪ СТРАХА И УПРЕКА.

(Современная элегія.)

Исполнясь мужества и помолвившись Богу,
Я рано выступилъ въ опасную дорогу.
Тропинка узкая лежала предо мной,
Сливаясь при концѣ въ какой-то мракъ густой.
Безмолвна даль была, какъ темная могила;
Высокая трава лишь съ вѣтромъ говорила,
Да слышалось вдали, вводя меня въ тоску,
Кукушки горестной злобѣщее куку.

Я былъ одинъ, одинъ . . . вкругъ ни души живой . .
Но я пошелъ впередъ отважною стопой!
Мнѣ въ платьѣ яростно вонзался тернъ колючій.
Я ноги обжигалъ себѣ крапивой жгучей,
Ложилась пыль на мнѣ отъ каждаго куста,
И паутина мнѣ садилась на уста;
Но я все шелъ впередъ, свой страхъ преодолевалъ
О цѣли странствія прилежно размышляя.
А путь - - чѣмъ далѣе, тѣмъ дѣлался страшнѣй:
Жужжали вкругъ меня десятки остъ, шмелей;
Надъ головою моею кружились вереницы
Какой-то скаредной и безобразной птицы;
И что-то длинное, подобное змѣѣ,
Узрѣвъ вдругъ на своей я темной колесѣ . . .
И страхъ меня объялъ . . . Сталъ день мрачнѣе ночи,
Упалъ я на траву, смеживъ въ испугѣ очи . . .
И долго я лежалъ, недвижно, какъ мертвецъ;
Но смирно было все, и всталъ я наконецъ.
Взглянуть окрестъ себя: природа улыбалась;
Все солнцемъ радостно и ярко озарялось;
Кузнечикъ стрекоталъ и прыгалъ по травѣ,
И птички рѣяли въ воздушной синевѣ,
Порхали бабочки на солнечномъ сіяньи,
И въ воздухѣ неслось цвѣтовъ благоуханье.
А то, что мнѣ змѣей представила мечта,
То кѣмъ-то брошенный обрывокъ былъ кнута . . .
Дорога прежняя опять меня манила,
И сердце о пути мнѣ горько говорило,
И жажда славныхъ дѣлъ проснулася въ груди,
И цѣль великая видѣлася впереди! . .
И вновь я двинулся . . . Но что со мною случилось?! . .
Нѣтъ прежнихъ силъ во мнѣ . . . отвага потерялась . . .
Я не могу идти . . . Я немогущъ и слабъ;
Сомнѣній горестныхъ теперь я жалкій рабъ.

Мечты высокія, стремленья мысли здравой —
 Безплодный анализъ облилъ мнѣ злой отравой . . .
 Я сталъ умнѣй теперь. Всѣ трудности пути
 Я опытомъ узналъ . . . Теперь бы мнѣ идти . . .
 Но дорого мнѣ стоилъ мой опытъ безразсудный,
 Я силы истощилъ, и на дорогѣ трудной
 Съ тоской, съ презрѣніемъ къ себѣ теперь стою
 И не въ травѣ, — въ себѣ я чувствую змѣю . . .

1859.

Теперь я не знаю, куда мнѣ идти, за что приняться. Въ головѣ пусто, совершенно пусто; въ мірѣ ничто не привлекаетъ; сердце изсохло отъ разочарованія. Оживите меня, влейте надежду въ грудь отчаяннаго, опредѣлите мнѣ цѣль жизни: есть ли у меня талантъ, долженъ ли я заниматься поэзіей, или поступить въ военную службу, чтобы ѣхать на восточный Кавказъ и искать смерти въ битвѣ съ племенемъ Адыге, которое, какъ слышно, еще не совсѣмъ покорилось.

Отъ васъ жаждущій жизни или смерти

Апполонъ Капелькинъ.

Р. С. Слѣдующій мнѣ гонорарій вышлите мнѣ по адресу, который вамъ сообщу, когда увижу стихи мои напечатанными.

ПРИЗВАНІЕ.

(М. П. Погдину отъ рыцарей „Свистопляски“.)

Пусть Чернышевскій говоритъ, что хочетъ,
 И Костомаровъ пусть тебя разитъ;
 Пусть надъ тобой ученыхъ судъ грохочетъ,
 Пусть ими будешь ты и презрѣнъ и забытъ.

Не унывай! Готовъ приютъ тебѣ песелый:
 Не даромъ пописалъ ты на своемъ вѣку,

Не даромъ шуткою ты сдѣлалъ споръ тяжелый
И ревностно служить наукъ и «Свистку».

Не унывай! Прочь Несторъ, прочь норманны,
Прочь жаркій параллель Европы и Руси!
Владѣнія «Свистка» обильны и пространны:
Тебѣ въ нихъ мѣсто есть, — свой трудъ туда неси!

Умѣешь ты мыкать со вздоромъ небылицы,
Смыслить съ ученымъ видомъ знатока:
Иди же, наполняй веселыя страницы
Великодушнаго, игриваго «Свистка»!

Ты о «Свисткѣ» писалъ съ презрѣньемъ вели-
чавымъ,
Въ намѣреньи его жестоко оскорбить.
Но онъ давно простилъ рѣчамъ твоимъ неправымъ:
Онъ такъ высокъ, что можетъ все простить.

Иди же къ намъ! Въ «Свисткѣ» мы памятникъ
построимъ
Всѣмъ шуткамъ, шалостямъ и подвигамъ твоимъ,
Ученость дряхлую мы свистомъ успокоимъ
И слухъ твой ласковымъ романсомъ усладимъ.

№ 6.

Новое назначеніе „Свистка“.

Вся Россія согласна, что «Свистокъ» принадлежитъ нашему времени. «Наше Время» недавно послало въ Италію г. Берга, чтобы точнѣе удостовѣриться въ храбрости Гарибальди и въ невѣроятномъ фактѣ паденія неаполитанскаго королевства. «Свистокъ», какъ извѣстно, въ скептицизмъ никому не уступить, особенно когда дѣло идетъ о вещахъ для него непріятныхъ. Поэтому и онъ пожелалъ пріобрѣсти болѣе точныя свѣдѣнія о безчинствахъ, происходящихъ въ Европѣ. Но онъ не любитъ останавливаться на полдорогѣ. Онъ, конечно, могъ бы попросить съѣздить въ Европу — г. Погодина, уже оказавшаго ему столько неоцѣненныхъ услугъ, г. Забѣлина, такъ неумоимо развѣзжающаго между Тверью и Москвою и бичующаго мужиковъ за то, что они ѣдятъ тухлую рыбу . . . Могъ бы «Свистокъ» адресоваться къ профессору Сухомлинову, отправленному за границу, по словамъ «Отчета» санктпетербургскаго университета, «для пріобрѣтенія *необходимыхъ для него новыхъ свѣдѣній по его наукѣ*»; могъ бы просить корреспонденціи г. Стасюлевича, который, изображая такъ хорошо, въ

своемъ курсѣ исторіи, генеалогію всѣхъ испанскихъ Альфонсовъ, конечно не менѣе г. Берга долженъ знать толкъ въ современныхъ происшествіяхъ. Наконецъ, если не къ этимъ почетнымъ профессорамъ и академикамъ, то во всякомъ случаѣ «Свистокъ» могъ съ полною довѣренностью обратиться къ одному изъ прославленныхъ имъ братьевъ Милеантовъ, который еще въ началѣ года публиковался въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» отъѣзжающимъ за границу. Конечно, спеціальность братьевъ Милеантовъ до сихъ поръ извѣстна публикѣ довольно мало; но не подлежитъ сомнѣнію, что, во-первыхъ, оба они, въ качествѣ протестантовъ, отличаются благородствомъ души и признають гнусность клеветы, во-вторыхъ — что одинъ изъ нихъ (неизвѣстно только, тотъ ли, который поѣхалъ за границу) помѣстилъ въ «Подсѣжникѣ» статью о египтянахъ и тѣмъ въ признательныхъ сердцахъ юныхъ читателей журнала г. Майкова воздвигъ себѣ памятникъ «металловъ тверже и выше пирамидъ . . .» Кажется, чего бы лучше такого корреспондента, если ужъ «Свистокъ» и не хотѣлъ обратиться къ выше названнымъ профессорамъ, и если другіе, какъ, напримѣръ, господа Вернадскій и Серно-Соловьевичъ, — были отвлечены своими учеными занятіями на европейскихъ конгрессахъ! . . . Но «Свистокъ» разсудилъ такъ: «если я не вѣрю свѣдѣніямъ «собственныхъ» корреспондентовъ «Сѣверной Пчелы» (хотя, не въ примѣръ «Московскимъ Вѣдомостямъ», и вѣрю, что она имѣетъ «собственныхъ» корреспондентовъ), если я не вѣрю «Телеграфу» (который въ послѣднее время изоврался совершенно), не вѣрю ни «Теймсу», ни «Аугсбургской Газетѣ», не вѣрю даже русскимъ — «Инвалиду» и «Вѣстнику»,

то какой резонъ имѣю я довѣрять болѣе г. Бергу или г. Милеанту? Конечно, одинъ изъ нихъ переводилъ со всевозможныхъ языковъ индійскія пѣсни, другой писалъ о египтянахъ; но все это не даетъ еще мнѣ достаточныхъ гарантій, что они представляютъ мнѣ событія именно въ такомъ видѣ, какъ мнѣ хочется. Для достиженія благопріятнаго результата, для успокоенія сердца моего, остается одно средство: отправиться самому на мѣсто преступленій европейскихъ! Тогда я --- что захочу, то и увижу; какъ захочу, такъ и пойму событія. И никто тогда ужь не спорь со мною: всякому ротъ зажму! Я скажу: «Нѣтъ-съ, нѣтъ, милостивый государь, — объ этихъ вещахъ по наслышкѣ нельзя судить; надо знать ихъ, надо видѣть, самому видѣть, на мѣстѣ быть, — тогда только можно судить правильно. Я тамъ былъ, я видѣлъ, ужь вы со мною не спорьте!».

Такъ разсудить «Свистокъ» и отправился еп personne за границу, какъ только дошелъ до него слухъ объ экспедиціи Гарибальди въ Сицилію. Намѣреніе его было — свистнуть на всю Италію; но вообразите, по всей Европѣ англичане (больше некому!) насажали клакѣровъ, которые такъ аплодировали всѣмъ итальянскимъ беззаконіямъ, что развѣ только Илья Муромецъ или г. Байборода могли бы задушить ихъ аплодисменты. «Свистокъ» съ перваго же своего появленія рекомендовалъ себя благоправнымъ юношею, свистящимъ весьма умѣренно, подъ благодѣтельнымъ покровомъ существующихъ законовъ; поэтому онъ вынужденнымъ нашелся замолчать на время, среди такой сумятицы, и вотъ почему «Наше Время», гораздо послѣ его возымѣвшее счастливую идею собственныхъ ре-

когносцировокъ въ Европѣ, успѣло прежде его возвѣстить о томъ публикѣ.

Но «Свистокъ» теперь ободрился. Онъ видитъ, какъ англійскіе клакёры утомились, какъ вся Европа начинаетъ отдыхать отъ ихъ хлѣбанья и выражаетъ полнѣйшее неодобреніе сумасшедшимъ итальянцамъ. Отозваніе французскаго посланника изъ Турина и послѣдній протестъ неаполитанскаго короля въ Гаагѣ особенно ободрили его. Теперь «Свистокъ» ставитъ себя, такъ сказать, на европейскую ногу и обѣщаетъ заниматься по преимуществу судьбами царствъ и народовъ. Русской литературѣ дается отпускъ. Хотя «Свистокъ» и называется попрежнему «собраніемъ литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ»: но мало ли что какъ называется! Въ «Современникѣ» вонъ каждый мѣсяцъ печатаются «Замѣтки *Новаго поэта*»¹, а какой же онъ *новый*? Для большинства читателей онъ не можетъ оправдать свое названіе даже тѣмъ афоризмомъ, что «ново то, что хорошо забыто»: сколько мы знаемъ, онъ, къ чести русской публики, никогда забыть не былъ! А слыветъ себѣ *новымъ*, да и только! Такъ и «Свистокъ» пусть зовется попрежнему, хотя собственно теперь онъ занятъ уже болѣе *другими*, нежели «литературными и журнальными» замѣтками. О, онъ теперь дѣлается важною персоною, почти государственнымъ мужемъ, и литературныя мелочи далеки отъ него! Господинъ Ржевскій можетъ теперь, отбѣлавши кадастровыхъ чиновниковъ, обрабатывать профессоровъ и экзаменаторовъ, и указавши способы развитія пролетаріата, можетъ хлопотать о способахъ

¹ «Замѣтки Новаго поэта» писалъ Н. Н. Панаевъ, часто въ сотрудничествѣ съ Некрасовымъ. *Вл. Кр.*

сокращать университетскіе штаты; г. Краевскій можетъ издавать или не издавать «Энциклопедическій лексиконъ»; г-жа Каролина Павлова и г. Н. Грековъ могутъ, сколько угодно, перепечатывать въ журналахъ свои старыя стихотворенія; въ «Русскомъ Вѣстникѣ» могутъ распускаться новыя цвѣты съ старымъ запахомъ экономической дѣятельности; г. Леттола можетъ увѣрять г. Костомарова, что онъ не смыслитъ ни слова по-литовски; г. Страховъ можетъ переносить изъ «Свѣточа» въ «Русскій Вѣстникъ» свои трансцендентальныя теоріи о вещахъ; «Полицейскія Вѣдомости» могутъ украшаться краткими, но капитальными статьями именитыхъ сотрудниковъ; новый «Вѣкъ» съ новыми «Основами» можетъ водворяться въ русской литературѣ: «Свистокъ» даже губами не пошевеливаетъ, чтобы ихъ привѣтствовать . . . Развѣ кто-нибудь изъ постороннихъ сотрудниковъ сообщитъ нѣсколько замѣчаній: они всегда будутъ приняты съ благодарностью . . . Но самъ «Свистокъ», собственной персоною, погруженъ теперь въ государственныя соображенія — о панѣ, Неаноль, Сирін, Монтемолинъ, принцѣ невмѣнательства, графѣ Боррисѣ и Какурѣ, трактатахъ 1815 г., и главное — о будущемъ всеобщемъ конгрессѣ, который, надо полагать, не уступитъ даже конгрессамъ, удостоеннымъ присутствія гг. Вернадскаго и Серно-Соловьевича . . . Внимайте же мудрымъ разсужденіямъ «Свистка», получающаго на сей разъ такое широкое назначеніе! Правда, онъ отъ себя будетъ говорить немного; но зато онъ вамъ представитъ нѣкоторыя выдержки изъ обширной корреспонденціи, которую заведетъ онъ съ людьми, близкими ему по сердцу и духу; зато онъ дастъ вамъ подлинные документы о

состояніи умовъ въ Европѣ, — ему только извѣстныя и доставшіеся ему изъ первыхъ рукъ; наконецъ онъ сообщитъ вамъ и о томъ, съ какимъ достоинствомъ держать себя въ настоящихъ трудныхъ обстоятельствахъ наши любезные соотечественники, путешествующіе по Европѣ. Читайте же и утѣшайтесь въ отсутствіи литературнаго и журнальнаго элемента!

Сирія и Крымъ.

(Поэтическій контрастъ.)

Мы считаемъ себя счастливыми, что и начало новаго своего поприща можемъ огласить лирою г. Лиліеншвагера, который съ глубиною своего патріотизма и высотой таланта соединяетъ, какъ увидитъ каждый изъ читателей, и широту политическихъ воззрѣній. Столь счастливое соединеніе этихъ трехъ качествъ даетъ намъ право надѣяться, что въ скоромъ времени г. Лиліеншвагеръ, оставивъ мелочи общественныхъ злоупотребленій, которыя воспѣвать можетъ и г. Розенгеймъ, обратитъ весь свой талантъ на предметы возвышенные и такимъ образомъ поровняется съ г. Майковымъ и г-жею Павловою. Новое стихотвореніе его вызвано послѣдними событіями въ Сиріи; но мысль поэта придала имъ, такъ сказать, новый смыслъ и новую прелесть смѣлымъ сопоставленіемъ ихъ съ недавнимъ движеніемъ крымскихъ татаръ. Но вотъ само стихотвореніе:

Межь тѣмъ какъ Сиріи чудовищные друзы
Свирѣпствуютъ надъ горетью христіанъ,
Межь тѣмъ какъ изъ-за нихъ волнуются французы
И ничего не дѣлаетъ султанъ,

Межъ тѣмъ какъ Англія оспариваетъ право
Посылки войскъ французскихъ на Востокъ,
И разливаеся, какъ огненная лава,
Неистовства безумнаго потокъ, —
Иное зрѣлище, отрадное для взора,
Я нахожу въ отечествѣ моемъ.
Не очень далеко отъ славнаго Босфора
Есть уголокъ не меньше славный въ немъ.
То — Крымъ! Пять лѣтъ назадъ онъ пламенемъ военнымъ
Объятъ былъ весь — за благо христіанъ,
Тамъ наша кровь лилась, тамъ въ бой съ врагомъ
надменнымъ
Стремилась мы, какъ грозный ураганъ.
Но кончилась война, и съ братскою любовью
Слѣшили мы враговъ своихъ простить,
И на землѣ святой, политой нашей кровью,
Поклонникамъ Пророка дали жить!
И водворясь на ней, счастливые безъ мѣры,
Они безпечно дни свои вели:
Никто не принуждалъ ихъ къ перемѣнѣ вѣры,
Не отнималъ ни хлѣба, ни земли.
Но, обольщенные невѣжествомъ и лѣнью,
Татары самовольству предались,
И вдругъ, покорствуя какому-то внушенью,
Всѣ на-утекъ изъ Крыма поднялись!!...
Что жъ мы? Постали ль мы, исполненные гнѣва,
Огонь и мечъ въ догонку бѣглецамъ?
Побиты ль старцы ихъ? Поругана ли дѣва?
Пронесся ли пожаръ по ихъ домамъ?
Нѣтъ, вѣрны были мы гражданственности узамъ.
Мы дали имъ спокойно уходить;
Мы жадкой сей толпѣ, единовѣрной друзамъ,
Хотѣли лишь любовью отомстить!
То мало: видя ихъ упорное стремленье,
Рѣшились мы оставшихся спасти
И дать имъ ясное и строгое внушенье,
Чтобъ вслѣдъ другихъ не думали идти!
И послѣ этихъ поръ поклонники Пророка
Счастливы вновь живутъ у насъ въ Крыму,
Гдѣ звѣрскій фанатизмъ безумнаго Востока
Рѣшительно невѣдомъ никому...

О, пусть волнуются въ Европѣ дипломаты,
 Чтобъ христіанъ сирійскихъ защитить:
 Смѣшны ихъ пренія, смѣшны мнѣ ихъ палаты
 И хлопоты, какъ друзьямъ отомстить.
 Въ содомѣ криковъ ихъ Россія позабыта!
 А то бѣ они давно понять должны,
 Что русской доблестью страдающа Маронита
 Въ Крыму давно отомщены!...

Конрадъ Лиліеншвагеръ.

Неаполитанскія стихотворенія.

*(Написанныя на австрійскомъ языкѣ Яковомъ Хамамъ
 и переведенныя Конрадомъ Лиліеншвагеромъ.)*

Неаполитанскія дѣла занимають теперь первое мѣсто между всѣми вопросами, увлекающими вниманіе Европы; можно даже сказать, что предъ ними кажется ничтожнымъ все остальное, исключая развѣ новаго журнала, который собирается издавать г-жа Евгенія Туръ, и новой газеты, обѣщаемой «Русскимъ Вѣстникомъ». Но понятія наши о неаполитанскихъ событіяхъ очень односторонни, потому что всѣ наши свѣдѣнія приходятъ отъ враговъ стараго порядка, которые очевидно стараются представлять дѣло въ свою пользу. Вотъ почему намъ показалось необходимымъ представить нашимъ читателямъ нѣсколько неаполитанскихъ стихотвореній извѣстнаго австрійскаго поэта Якова Хама, рисующихъ положеніе дѣлъ и настроеніе умовъ совершенно не такъ, какъ обыкновенныя журнальныя извѣстія. Яковъ Хамъ — прежде всего поэтъ; онъ постоянно находится подъ вліяніемъ минуты, и слѣдовательно чуждъ всякихъ политическихъ предубѣжденій. Онъ — то хвалитъ упорство короля неаполитанскаго въ режимѣ его отца, то превозноситъ

его за конституцію, то ругаетъ освободителей Италіи, то предается неумѣренному энтузіазму къ нимъ, то въ восторгѣ отъ жестокой бомбардировки, то въ настроеніи нѣжныхъ чувствъ... Во всѣхъ этихъ видимыхъ противорѣчіяхъ сказывается весьма сильно художественность его натуры, и вмѣстѣ съ тѣмъ дается полное ручательство въ его искренности. И такъ какъ литература вообще и поэзія въ особенности служатъ выраженіемъ народной жизни, а Яковъ Хамъ — поэтъ австрійскій, то въ стихотвореніяхъ его мы можемъ видѣть, въ какомъ настроеніи находился народъ австрійскій въ послѣдній годъ и какими чувствами преисполненъ онъ къ династіи Бурбоновъ. Не выводя никакихъ политическихъ результатовъ изъ представляемыхъ нами поэтическихъ документовъ, мы не можемъ не обратить вниманія читателей на ихъ литературное значеніе: во всей временной итальянской литературѣ нѣтъ ничего, подходящаго по благонамѣренности къ твореніямъ австрійскаго поэта. Въ нынѣшнемъ году какой-то человѣкъ съ итальянской фамиліей сочинилъ оду на именины австрійскаго императора, — такъ на это указывали съ ужасомъ, какъ на нѣчто чудовищное! Изъ этого одного уже достаточно видно, какъ много стѣсняется художественность, когда разыгрываются народныя страсти, и какъ много выигрываетъ она при отеческомъ режимѣ, подобномъ австрійскому. Надѣмся, что любители литературы, даже несогласные съ г. Яковомъ Хамомъ въ большей части его тенденцій, оправдаютъ насъ въ помѣщеніи его стихотвореній уже въ силу того одного, что они блистательно разрѣшаютъ одну изъ великихъ литературныхъ проблемъ о чистой художественности, — разрѣшеніемъ кото-

рой такъ ревностно занималась наша критика въ послѣдніе годы. вмѣстѣ съ тѣмъ мы надѣемся доставить читателямъ удовольствіе и самыми звуками перевода, надъ которымъ такъ добросовѣстно потрудился г. Лиліеншвагеръ. Мы должны сказать откровенно: со времени патріотическихъ твореній Пушкина и Майкова мы не читали ничего столь громкаго, какъ стихотворенія г. Якова Хама въ переводѣ Конрада Лиліеншвагера.

1.

НАДЕЖДЫ ПАТРІОТА.

(При началѣ итальянскихъ волненій.)

Опять волнуются народы,
И царства вновь потрясены.
Во имя братства и свободы
Опять мечи обнажены!
Скатились тихо съ горизонта
Три солнца чудной красоты¹;
Честолюбиваго Пьемонта
Осуществляются мечты!

Царить въ Италіи измѣна
И торжествуетъ въ ней порокъ:
Тоскана, Парма и Модена
Безумно ринулись въ потокъ;
И силой вражьяго возстанья
Изъ рукъ святѣйшаго отца
Отъята бѣдная Романья —
Стадъ папскихъ лучшая овца!..

¹ 1) Великій герцогъ Тосканскій. 2) герцогъ Моденскій и 3) герцогиня Пармская!

Но противъ дьявольскихъ усилій
Есть намъ незыблемый оплотъ:
То королевство Двухъ Сицилій,
Бурбоновъ преданный народъ.
Возсѣвъ на праотческомъ тронѣ,
Какъ въ небѣ солнца свѣтлый дискъ,
Тамъ въ Фердинандовой коронѣ
Сіяетъ царственный Францискъ.

Не поддается онъ лукавымъ
Рѣчамъ политики чужой
И твердо править по уставамъ
Отцовской мудрости святой:
Карать умѣетъ недовольныхъ
Въ тиши полиціи своей
И въ боѣ нейдетъ за своевольныхъ
Противъ законныхъ ихъ властей . . .

Вкругъ трона вьется тамъ гирлянда
Мужей испытанныхъ, сѣдыхъ,
Хранящихъ память Фердинанда
Въ сердцахъ признательныхъ своихъ.
Къ Франциску имъ открыты двери,
Страною править ихъ совѣтъ,
И вольнодумству Филанджьері
Нѣтъ входа въ царскій кабинетъ!

И вѣримъ мы: Кавуръ съ Маццини
Обмануть бѣдный ихъ народъ,
И онъ придетъ, придетъ въ кручинѣ —
Просить Францисковыхъ щедротъ;
Министръ полиціи Айосса
Умовъ волненье укротить
И итальянскаго вопроса
Всѣ затрудненія разрѣшить! . .

2.

НЕАПОЛЮ.

(По поводу нѣкоторыхъ манифестацій въ Сициліи.)

«Гордись!» — стихъ каждаго поэта
На всѣхъ нарѣчіяхъ земныхъ
Гласить тебѣ: — «ты чудо свѣта!
Гордись красою водъ твоихъ,
Гордись полуденнымъ сіяньемъ
Твоихъ безоблачныхъ небесъ
И вѣковѣчнымъ достояньемъ
Искусства мирнаго чудесъ!
Гордись! . .»

Но лестію лукавой,
Неаполь мой, не возносись:
Всѣмъ этимъ блескомъ, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ — не гордись!
Пески сахарскіе южнѣе,
Стоитъ красивѣе Царьградъ,
И Эрмитажа галлерей
Твоихъ богаче во сто кратъ! . .
Не въ этомъ блескѣ суетливомъ
Народовъ мощь заключена,
Но въ сердцѣ кроткомъ, терпѣливомъ,
Въ смиренномудріи она! . .

И вотъ за то, что ты смиренно,
Въ молчаньи жребій свой несешь,
Во слѣдъ мятежникамъ надменно
Противъ владыкъ своихъ нейдешь
И воли гибельнаго дара
Не просишь отъ враждебныхъ силъ, —
За то тебя святой Дженоаро
Своею кровью подарилъ!

За то высокое призванье
Тебѣ въ вѣкахъ сохранено —
Хранить порядка основанья,
Народной вѣрности зерно!
Ты невредимо сохранишься
Въ переворотѣ роковомъ
И безмятежно насладишься
Законной правды торжествомъ.
И жизнь твоя поидетъ счастливо
Во всѣ вѣка не зная бурь,
Какъ въ тихій день волна залива
И какъ небесъ твоихъ лазурь!

15 декабря 1859.

3.

БРАТЬЯМЪ-ВОИНАМЪ.

(Послѣ апрѣльскихъ происшествій въ Сициліи.)

Межъ тѣмъ какъ вы, друзья, въ рядахъ родныхъ
полковъ,

Готовитесь разить отечества враговъ, —
Я, мирный гражданинъ речёванного слова,
Я тоже полонъ весь стремленія святого!
Возвышеннымъ стихомъ напутствую я васъ,
И вѣрю — онъ придастъ вамъ силы въ грозный часъ,
Когда съ крамольникомъ помчитесь вы на битву!
Я положилъ въ него народную молитву —
Чтобъ возстановленъ былъ порядокъ и законъ,
Чтобъ вѣчно царствовалъ въ Неаполѣ Бурбонъ!
Народной мыслию и чувствомъ вдохновенный,
Мой стихъ могущественъ, съ нимъ смѣло киньтесь
въ бой:

Въ прозрѣнномъ радостномъ поэта отраженный,
Въ немъ блещетъ идеаль Италіи святой, —
Тотъ вѣчный идеаль законнаго порядка,

При коемъ граждане покоятся такъ сладко,
 Который водворить старался Фердинандъ,
 Котораго достигъ — рѣшительно и рѣзко —
 Предначерталъ себѣ и новый нашъ Атлантъ —
 Средь бѣдъ отечества незыблемый Франческо! . .

1 мая 1860.

4.

ЗАКОННАЯ КАРА!

(На бомбардированіе Палермо.)

Исчадье ада, другъ геенны,
 Сынъ Вельзевула во плоти,
 Коварство бунта и измѣны
 Успѣлъ и къ намъ было внести! . .
 Какъ воры, въ тьмѣ ночной, къ Марсалѣ,
 На двухъ украденныхъ судахъ,
 Ватаги буйныя пристали
 И — мирный островъ ввергли въ страхъ! . .

Угрозою, подкупомъ, обманомъ,
 Приманкой воли, грабежа
 Успѣвъ увлечь за атаманомъ
 Толпы подъ знамя мятежа,
 Дыша огнемъ и разрушеньемъ
 И дерзкой ярости полны, —
 Они пошли съ остервенѣніемъ
 На обладателей страны!

Но прогремѣлъ уже надъ ними
 Всевышней воли приговоръ:
 Запечатлѣнъ въ Калата-Фими
 И въ Партенико ихъ позоръ;
 И на ослушникахъ Палермо,
 Дерзнувшихъ власти презирать,

Рѣшились показать примѣръ мы,
Какъ бунтъ умѣемъ укрощать! —

О, не забудутъ сицильянцы,
Пока не рушится земля,
Имень Летиціи и Ланцы,
Слугъ неподкупныхъ короля!
Ихъ мѣры не остались тщетны:
Весь градъ развалиною сталъ . . .
Ни разу кратеръ грозной Этны
Такъ безпощаденъ не бывалъ!!

За то погибнуть флибустьеры
И успокоятся умы!
И съ чувствомъ радости и вѣры
Сынамъ и внукамъ скажемъ мы —
Какъ Ланца въ сѣчѣ и въ пожарѣ
Толпы мятежныя каралъ,
Какъ громъ мортиръ съ Кастелламаре
Имъ крѣпость трона возвѣщалъ!

30 мая 1860.

5.

ПЛАЧЬ И УТѢШЕНІЕ.

*(По поводу некоторыхъ дипломатическихъ совѣтовъ
неаполитанскому правительству.)*

Ужасной бурей безначалія
Съ конца въ конецъ потрясена,
Томится бѣдная Италія,
Во власть злодѣевъ предана:
Повсюду слышны крики шумные, —
Народъ измѣной упоенъ . . .
Свободы требуютъ безумные
И рушатъ власти и законъ! . .

И, къ униженію челоѣчества,
Проникъ неблагородный страхъ
Въ самихъ бюстителѣй отечества,
Держащихъ власть въ своихъ рукахъ.

Принципомъ страннымъ невмѣнательства
Прикрывъ безсиліе свое,
Европа спитъ, когда предательство
Пожрать готовится ее;

И итальянскіе властители —
Одни бѣгутъ изъ ихъ державъ,
А тѣ — становятся ревнители
Безумной черни мнимыхъ правъ!

Даютъ статуты либеральные,
Страстямъ толпы безстыдно льстятъ,
И дни отечества печальные
Презрѣнной трусостью сквернятъ! . .

Одинъ, средь общаго волненія,
Какъ нѣкій рыцарь на скалѣ,
Стоитъ безъ страха, безъ сомнѣнія,
Король Францискъ въ своей землѣ . . .

Утѣшься, бѣдная Италія:
Законъ и правду возлюбя,
Францискъ не дастъ разлиться далѣе
Злу, охватившему тебя.

Онъ понимаетъ всѣ опасности
Льстить черни прихотямъ слѣпымъ:
Ни конституціи, ни гласности
Не дастъ онъ подданнымъ своимъ!

Не перемѣнитъ онъ юстицію,
Не подаритъ ненужныхъ льготъ,
Не обезсилитъ онъ полицію —
Свой нерушимѣйшій оплотъ;

Не дасть права свои священныя
Толпѣ безсмысленной судить
И своевольства дерзновенныя
Не поколеблется казнить!

И знаю я, — онъ не обманется
Въ благоразуміи своемъ:
Пьемонтъ падеть, а онъ останется
Италіанскимъ королемъ!

26 іюня 1860.

6.

НЕИСПОВѢДИМОСТЬ СУДЕБЪ.

(На обнародованіе неаполитанской конституціи.)

Не видать ни тучки въ небѣ знойномъ . . .
Солнце блещетъ, сушитъ и палитъ,
И въ теченіи царственно-спокойномъ
На поля засохшія глядитъ.

Все томится, все горитъ и вянетъ . . .
Надо влаги жаждущей землѣ! . .
На работу пахарь завтра встанетъ,
Съ безотрадной думой на челѣ,

И, взглянувъ на солнце и на небо,
Не прельстится свѣтлой ихъ красой:
Безъ дождя ему не будетъ хлѣба,
Онъ погибнетъ съ бѣдною семьей!

И, томясь ужасной перспективой,
Дасть онъ волю жалобнымъ рѣчамъ,
И пошлетъ упрекъ нетерпѣливый
Безмятежно яснымъ небесамъ . . .

Но давно ужъ въ области эфирной
Собрались и ходятъ облака,

Часъ насталъ, и надъ равниной мирной
Пролилась обильная рѣка.

Поднялись поникшія растенья,
Освѣжился воздухъ и земля,
И глядятъ съ слезою умиленья
Земледѣльцы на свои поля.

А вверху попрежнему спокойно
Надъ землею простертъ небесный сводъ,
И какъ прежде, весело и стройно
Въ яркомъ блескѣ солнышко плыветъ . . .

Такъ сгоралъ Неаполь жаждой знойной,
Такъ искалъ воды себѣ живой;
А Францискъ свершалъ свой путь спокойный,
Разливая блескъ свой надъ страной . . .

И народъ сдержать сердечной боли
Не умѣлъ и горько возропталъ . . .
Но давно готовъ былъ въ вышней волѣ
Для него цѣлительный фіалъ!

Недоступенъ былъ Францискъ народу;
Но пришла законная пора —
Даровалъ разумную свободу
Онъ единымъ почеркомъ пера . . .

Ожилъ край. Все встало въ блескъ новомъ. . .
Правосудье царствуетъ въ судахъ;
Всякъ спокоенъ подъ домашнимъ кровомъ,
Всякій воленъ въ мысляхъ и рѣчахъ;

Отъ шпіоновъ кончилась опасность,
Въ мракъ архивовъ пролить новый свѣтъ,
И въ три дня уврачевала гласность
Край больной, страдавшій столько лѣтъ!

Радъ народъ . . Съ молитвой благородной
Новый воздухъ онъ впиваетъ въ грудь . . .
А король, какъ прежде, лучезарный,
Продолжаетъ царственный свой путь! . .

4 іюля.

7.

ПОБѢДИТЕЛЮ¹.

(На вшествіе Гарибальди въ Неаполь.)

Демонъ отваги, грозный вонтель,
Сильныхъ и храбрыхъ всѣхъ побѣдитель,
Въ быстрыхъ походахъ подобный стрѣлѣ,
Тотъ, кому равнаго нѣтъ на землѣ,
Мощный защитникъ народной свободы,
Тотъ, кого чтутъ справедливо народы,

¹ Стихотвореніе это весьма замѣчательно: во-первыхъ, какъ новое доказательство той истины, что *erga humanum est* (человѣку свойственно ошибаться!); во-вторыхъ, какъ свидѣтельство о томъ, до какой степени въ умы и сердца, даже самаго австрійскаго склада, были поражены вступленіемъ Гарибальди въ Неаполь. Кромѣ того просимъ читателей обратить вниманіе на психологическую подробность, касающуюся личности поэта. 26 іюня онъ произвелъ мужественный диспансъ правительству, не соглашавшемуся на либеральныя уступки; черезъ день послѣ того дана была конституція, а черезъ недѣлю поэтъ нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы создать пылнѣйшую пьесу въ похвалу новому конституціонному монарху, совершенно съ новой точки зрѣнія. Но это чрезвычайное усиліе, какъ видно, дорого ему стоило и на нѣкоторое время истощило его плодотворный гій. Такимъ образомъ въ іюнь и августъ, столь полныхъ поводами для стихотворенія, онъ не создалъ рѣшительно ничего: повидимому, онъ былъ пораженъ до того, что не могъ справиться съ мыслями и вдохновеніемъ. Только вступленіе Гарибальди въ Неаполь, какъ влеченіе слишкомъ уже сильное и неожиданное для поэта, могло разбудить его. Подъ вліяніемъ минуты, стѣсавшись въ Бурбонской династіи, онъ написалъ стихотвореніе, прославляющее военныя гѣи и какую-то сверхъестественную силу Гарибальди. Но скоро онъ раскаялся въ своей оплошности, и плодомъ раскаянія было стихотвореніе, которое читатели прочтутъ далѣе. Тутъ уже видно, что мысли и чувства поэта опять возвратились на старій путь. . . Это — послѣднее изъ доставленныхъ намъ стихотвореній; но весьма вѣроятно, что теперь, послѣ новыхъ побѣдъ Гарибальди, опять произошла переменна и въ расположеніяхъ поэта. Въ скоромъ времени мы узнаемъ это, потому что г. Лиліеншлагеръ обѣщаетъ намъ перевести также *Римскія и Венеціанскія* стихотворенія г. Хама, долженствующія служить отчасти продолженіемъ неаполитанскихъ. *Прим. ред. „Свистка“.*

Неотразимый, подобно судьбѣ, --
 Нынѣ подходитъ, Неаполь, къ тебѣ!

Гордъ и всесиленъ — на чуждые грады
 Взглянетъ онъ гнѣвно, — и нѣтъ имъ пощады!
 Сядетъ въ корабль онъ — и море смиритъ!
 Дунетъ на пушку — она задрожитъ!
 Камень подъ тяжестью стопъ его стонетъ!
 Тысячи вражьи одинъ онъ прогонитъ!
 Онъ на плечахъ своихъ можетъ одинъ
 Гордую массу поднять Апенинъ! . .

Встрѣтъ же, Неаполь, вонтеля съ честью!
 Радуйся: онъ не грозитъ тебѣ местию . .
 Съ тихой мольбою склонись передъ нимъ,
 Какъ передъ новымъ владыкой твоимъ!
 Предъ королемъ ты не будешь въ отвѣтъ:
 Онъ малодушно укрылся въ Гастѣ,
 И безъ защиты столицу свою
 Отдалъ герою, кого я пою!

О Гарибальди! И я, какъ другіе,
 Злобныя чувства и мысли дурныя
 Противъ тебя на душѣ хоронилъ . . .
 Нынѣ все кончено: *ты побѣдилъ!* . .
 Ты заслужилъ удивленіе міра!
 Славить тебя моя скромная лира.
 И, благодатнымъ восторгомъ согрѣтъ,
 Ницъ предъ тобою поверженъ поэтъ!

7 сентября 1860.

8.

ПѢСНЬ ИЗБАВЛЕНІЯ.

(На тріумфы королевскихъ войскъ подъ Кануей.)

Тріумфомъ вражымъ ослѣпленный,
 Поддавшись власти темныхъ силъ,

Недавно пѣсню беззаконной
Я санъ поэта осквернилъ!!!
Но звонъ струны моей лукавой
Я беспощадно оборвалъ,
Когда мнѣ голосъ мысли здоровой
Мое паденье указалъ . . .

Я флибустьеромъ беспощаднымъ
Былъ отуманенъ, ослѣпленъ,
И думалъ, съ горемъ безотраднымъ,
Что тронъ законный упраздненъ . . .
Не зналъ я твердости Франциска,
И въ тайнѣ сердца моего —
Не ожидалъ такого риска
Отъ юной доблести его . . .

Но нынѣ Капуи защита
Вновь образумила меня:
Побѣда правды мнѣ раскрыта
Теперь яснѣй Господня дня!
Пусть бунтъ шумитъ и льется бурно,
Пусть шлетъ Пьемонтъ за ратью рать:
Но съ Каятелло и Вольтурно
Мы всѣхъ ихъ можемъ презирать . . .

Теперь намъ страшенъ Гарибальди
Такъ, какъ въ то время страшенъ былъ,
Когда скитался онъ въ Шварцвальдѣ,
Когда въ Тунисѣ онъ служилъ,
Когда въ Нью-Йоркѣ дѣлалъ свѣчи,
Когда съ Китаемъ торговалъ,
Когда, жену взваливъ на плечи,
Отъ войскъ австрійскихъ онъ бѣжалъ . . .

И нынѣ въ бѣгство обратился
Непобѣдимый сей герой

И вновь съ Францискомъ воцарился
Вездѣ порядокъ и покой! . .
Но, наученъ своею невзгодой,
Онъ узелъ власти закрѣпитъ
И преждевременной свободой
Ужъ свой народъ не подаритъ!

Съ австрійскаго. К Лиліеншвагеръ.

27 сентября 1860.

№ 7.

Мои желанія.

(Дики желанья мои, и въ стихахъ всю ихъ дичь изложу я.)

Прежде всего я хочу женщину съ длинной косою.
Умъ и краса мнѣ не пужны: пусть только цалуется
чаще.

Съ такою женщиной вмѣстѣ мнѣ друга философа
надо.

Съ ней цаловаться я буду, а мудрый мой другъ въ
это время

Будеть науки мнѣ всѣ изъяснять, чтобъ не надо
мнѣ было

Время и зрѣніе портить надъ мертвою рѣчью печати.

Въ этихъ условіяхъ древней исторіей я бы за-
нялся:

Нравятся мнѣ пирамиды, развалины, сфинксы,
колонны,

Море Евбейское съ Желтой Рѣкою и съ Гангомъ
священнымъ . . .

Въ этомъ послѣднемъ омылся бы я, съ женщиной
вмѣстѣ и съ другомъ.

Вымывшись, я бы отеръ себя длинной косою
подруги;

Все, что отъ друга услышать успѣлъ посреди
поцалуевъ,

Все это тутъ бы я вспомнить хотѣлъ, чтобы кни-
жечку тиснуть,
Съ нею проникнуть въ народъ, уяснить ходъ обще-
ственной жизни.
Добрыхъ утѣшить, а злыхъ покарать и разлить въ
міръ счастье . . .

Все бы хотѣлъ я извѣдать: не только искусствомъ
заняться,
Но насладиться хотѣлъ бы я даже грѣхомъ пре-
ступленья,
Только чтобъ нравственнымъ правиламъ было оно
не противно . . .

Все, что отъ друга я слышалъ, весь скарбъ сво-
ихъ силъ и познаній,
Все бы хотѣлъ перелить, черезъ женщину съ длин-
ной косою,
Въ новое я существо, — и въ сей сладкой работѣ
скончаться:
Пусть существо молодое начнетъ съ того, чѣмъ я
окончилъ . . .
Послѣ же смерти хотѣлъ бы я зрителемъ быть его
дѣйствій,
Чувствовать мыслью и сладко дремать въ созер-
цаньи глубокомъ . . .

Апполонъ Капелькинъ.

№ 8.

„Свистокъ“ *ad se ipsum* ¹.

Свободный, какъ птица, несвязанный срокомъ
Журнальной подписки и выхода книжекъ,
Являюсь я рѣдко, всегда ненарокомъ, —
Но яркими буквами слѣды свой я выжегъ
Въ сердцахъ благородныхъ россійскихъ согражданъ,
Мой свистъ облегчалъ ихъ сердечныя раны;
Какъ влага въ пустынь, я былъ имъ жажданъ,
Когда ихъ томили сухіе туманы;
Во мнѣ лишь нашли они ключъ разумѣнья,
Когда возникала россійская гласность
И головы мудрыхъ повергла въ сомнѣнье —
И розгу, и взятку не ждетъ ли опасность;
Я былъ утѣшеньемъ, я былъ имъ опорой,
Когда население Россіи смущенной
Пугалъ нашъ прогрессъ изумительно скорый,
Внезапно открытый въ Москвѣ умиленной.
Еопросъ о евреяхъ, вопросъ о норманнахъ,
Великій вопросъ объ экзаменѣ строгомъ,
Шестнадцать гусей неповинно пожраныхъ
И опытъ пощенья по волжскимъ дорогамъ,

---

¹ Заглавіе заимствовано у Горация, означаетъ: „Свистокъ къ самому себѣ“.

Короче — на все, что роднымъ публицистамъ
Тревожило сердце и умъ волновало, —
На все отзывался я радостнымъ свистомъ
И всѣхъ утѣшалъ я . . . Но этого мало:
Въ Европѣ свершалась великая драма, —
И къ ней обратилъ я родное вниманье,
Австрійской поэзіей Якова Хама
Сображданъ моихъ просвѣтивъ пониманье.
Неаполю далъ я благіе уроки,
На все отозвался, — ни слабо, ни рѣзко, —
И, всюду собирая прекрасные соки,
Воспѣвъ Гарибальди, воспѣлъ и Франческо! . .

И нынѣ явлюсь я къ читателю снова;
Хочу наградить я его за терпѣнье,
Хочу я принести ему свѣжее слово, —
Насколько возможно въ моемъ положеніи . . .
А впрочемъ читатель ко мнѣ благосклоненъ
И въ сердцѣ моемъ онъ прекрасно читаетъ:
Онъ знаетъ, къ какому я роду наклоненъ,
И лучше ученыхъ мой свистъ понимаетъ.
Онъ знаетъ: плясать бы заставилъ я дубы.
И жалкихъ затворниковъ высвистнулъ къ волѣ,
Когда бъ на морозѣ не трескались губы
И свистъ мой порою не стоилъ мнѣ боли.

1.

„Свистокъ“, восхваляемый своими рыцарями.

(Подражаніе, какъ легко замѣтятъ читатели.)

«Свистокъ» теперь на верху своей славы, въ апогеѣ своего величія; положеніе, какое онъ завоевалъ себѣ въ ряду великихъ журналовъ, можно сравнить только развѣ съ положеніемъ, завоеваннымъ Италією въ виду великихъ державъ. Правда,

официально признанъ онъ до сихъ поръ только «Русскимъ Словомъ» и «Временемъ»; но вѣдь и Итальянское королевство было признано сначала только тунисскимъ беемъ и португальскимъ королемъ... а потомъ и пошло, — до того, что сама Франція признала его, хотя и не можетъ никакъ вывести полки свои изъ Рима. Такъ будетъ и со «Свисткомъ»: пройдутъ тяжкія времена литературныхъ смуть, разсѣются туманы недоумѣній, и самъ «Русскій Вѣстникъ» признаетъ «Свистокъ», хотя уже и не въ состояніи будетъ никакими кислотами вывести изъ своего «Литературнаго обзрѣнія» — ни статей г. Юркевича, ни разсужденій о томъ, что такое свистуны.

Но и непризнанный *de jure*, «Свистокъ» уже признанъ своими собратьями *de facto*: а это гораздо важнѣе. Нѣтъ теперь въ необъятной Россіи ни одного порядочнаго органа благородной мысли, ни одного проводника высокихъ убѣжденій, стремящагося къ благотворнымъ цѣлямъ, ни одного глашатая правды и чести, который бы мысленно не обращался ежеминутно къ «Свистку», печатно не говорилъ ежемѣсячно о «Свисткѣ», и не старался походить на него если не всецѣло, то хотя нѣкоторыми частями своего существа. Нѣтъ ни одного суроваго ученаго, ни одного служителя чистой науки, у котораго въ ушахъ не раздавался бы безпрестанно «Свистокъ» (особенно, если онъ живетъ недалеко отъ вокзала, желѣзной дороги).

И какъ быстро пріобрѣтенъ его успѣхъ! Вы помните начало «Свистка»: онъ родился въ счастливую минуту — въ ту самую, когда подымалась война за независимость Италіи. Но можно сказать не хвалясь, что какъ ни изумительны прогрес-

сы Италии въ ея дѣлѣ, а «Свистокъ» превзошелъ ее. Вспомните, какъ онъ былъ встрѣченъ, какими пренятствіями окруженъ, какъ былъ безпомощенъ въ началѣ своей жизни! Онъ былъ, правда, принятъ подъ покровительство «Современника», но общественное положеніе этого журнала, надо признаться, чрезвычайно шатко: онъ не имѣетъ и даже не можетъ пріобрѣсти ни малѣйшаго авторитета. Онъ бы и радъ, онъ и усиливается, да не выходитъ ничего . . . Въ прошломъ году, напр., какъ онъ убивался, чтобы пойти «честнымъ путемъ изученія и разработки матеріаловъ», чтобы попасть въ ученую колею . . . Нѣтъ, что ни начинается, а подъ конецъ никакъ не можетъ! Непремѣнно скандалъ выйдетъ . . . И даже безъ всякаго съ его стороны желанія, — а такъ ужъ, судьба его такая . . . Началъ онъ, примѣръ, 1860 годъ спеціальнѣйшею изъ спеціальностей, разсужденіемъ о первыхъ русскихъ князьяхъ, кажется, чего бы лучше? Въ «Отечественныхъ Запискахъ» это было бы капиталнѣйшее произведеніе русской литературы; а въ «Современникѣ» вышла — свистопляска . . . Далѣе продолжалъ онъ свое поприще — напечаталъ статью о наследствѣ по закону, — весьма ученое и титулованное сочиненіе; радовался было, что хоть тутъ солидность свою оградить, — въ слѣдующемъ году г. Лохвицкій внезапно доказалъ всѣмъ, что и тутъ была только свистопляска. Пустить было «Современникъ», собственно для приданія себѣ болѣе ученаго вида, статьи «Объ антропологическомъ принципѣ философіи». Ужъ одно заглавіе кажется чего стоитъ! Въ «Отечественныхъ Запискахъ», примѣръ, какая-нибудь статейка «Нѣчто объ естественномъ сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ» — повергаетъ

читателей въ прахъ предъ ученостью редакціи . . . Въ «Современникѣ» даже искусно подобранное заглавіе не помогаетъ: не далѣе какъ лѣтомъ въ слѣдующемъ году оказалось, что и въ этихъ статьяхъ «Современникъ» не только на путь науки не вступилъ, но еще невѣжество распространялъ въ русской публикѣ, что даже вовсе не современно, по мнѣнію русскихъ журналовъ . . . И вѣдь — что всего печальнѣе, — истинныя-то, такъ сказать, прирожденныя свойства статей «Современника» раскрываются обыкновенно по прошествіи долгаго времени, черезъ годъ, черезъ полтора, — такъ что журналъ этотъ рѣшительно не знаетъ, чего ему ожидать на слѣдующій годъ. «Русскій Вѣстникъ» напримѣръ, помѣстивъ нѣсколько статей о древне-вавилонской письменности и черезъ два мѣсяца не встрѣтивъ на нихъ возраженій въ журналъ, издаваемомъ парижскою «академіею надписей», успокоивается и можетъ обратиться — ну, хоть къ печатанію «Майора» г. Кулиша: и опять увѣренъ, что ужъ разбора этой повѣсти не появится черезъ годъ. «Современникъ» не въ такомъ положеніи, онъ долженъ ежемѣсячно содрагаться не только за свое настоящее, но и за прошедшее . . . Года три тому назадъ, напримѣръ, одна изъ книжекъ «Современника» украшена была изслѣдованіемъ г. Пекарскаго о Кондратовичѣ; повидимому изслѣдованіе дѣльное, безупречное, за нимъ можно стоять какъ за каменной горой . . . А кто знаетъ, — вдругъ выходятъ новыя книжки журналовъ, и въ нихъ восторженное извѣстіе, что въ стерлитамакскомъ уѣздномъ училищѣ сдѣланы драгоцѣннѣйшія изслѣдованія, несомнѣнно убѣждающія, что въ статьѣ «Современника» о Кондратовичѣ ничего нѣтъ, кромѣ невѣже-

ства и свистунства. И затѣмъ «драгоцѣннѣйшія изслѣдованія» будутъ перепечатаны во всѣхъ журналахъ, и авторъ ихъ возведется въ званіе академика, — все для вящаго посрамленія «Современника» . . .

Съ такимъ-то журналомъ долженъ былъ связать судьбу свою «Свистокъ» въ началѣ своей земной жизни. Очевидно, это было для него плохое прикрытіе. Но вообразите, даже и «Современникъ» при всемъ томъ, что былъ уже достаточно ославленъ за свое легкомысліе, — и онъ подвергся на первое время жестокимъ упрекамъ за дружбу съ «Свисткомъ»: до того «Свистокъ» казался презрѣннымъ, неприличнымъ, недостойнымъ высокаго призванія отечественной журналистики. До «Свистка» «Современникъ» еще кое-какъ терпѣли: при появленіи «Свистка» немедленно крикнули, — сначала изъ Москвы:

Вы приличья презираете,
Вы родились съ мѣднымъ лбомъ:
Въ русской публикѣ гуляете
Вы подъ ручку со „Свисткомъ“;
Въ дни прогресса несказаннаго,
Въ дни возвышенныхъ надеждъ,
Звукомъ свиста балаганнаго
Потѣшаете невѣжды!
Заблужденія прощаются,
Но изъ мѣры вышли вы:
Васъ съ презрѣніемъ отрицаются
Всѣ ученые Москвы.

Петербургъ, конечно, не отсталъ отъ Москвы, только онъ выразилъ свое негодованіе въ тонкой и изящной эпиграммѣ:

У Гоголя кварталный Свистуновъ
Всѣмъ любягъ фонарей наставитъ подъ глазами,
А современная ватага свистуновъ
Мини просвѣщенія фонарь задуть свистками.

Можетъ быть, мы и не совсѣмъ точно приводимъ эпиграмму, но что-то въ такомъ родѣ несомнѣнно существовало насчетъ «Свистка».

Мы бы не кончили, если бы захотѣли перебирать всѣ отчаянные возгласы журналистовъ относительно неприличія журналу имѣть балаганный отдѣлъ. «Revue de deux Mondes» не имѣетъ балаганнаго отдѣла, — справедливо утверждали просвѣщенные журналисты; «Westminster Review» не имѣетъ балаганнаго отдѣла, продолжали они, доказывая свое знаніе европейскихъ литературъ; что сказали бы въ Германіи, если бы «Vierteljährliche Schrift» вздумало завести у себя балаганный отдѣлъ, — настаивали они еще, показывая, что и по-нѣмецки знаютъ; какое бы впечатлѣніе выразилось въ Испаніи, если бы «La Epoca» завела у себя балаганный отдѣлъ, — приставали они снова, давая замѣтить, что они — лингвисты; въ какое бы состояніе пришла возрождающаяся Италія, если бы «Rivista Contemporanea» позволила себѣ завести балаганный отдѣлъ, — неустомимо выкрикивали они, утверждая читателя въ мысли, что, кромѣ знанія языковъ, имъ не чужды и политическія соображенія . . .

«Современникъ», великодушный, многотерпѣливый «Современникъ»! Сколько вынесъ онъ нареканій, какому подвергался позору изъ-за «Свистка»! Онъ усиливался попасть въ кругъ людей порядочныхъ, печаталъ дѣльныя статьи гг. Безобразова, Пекарскаго, Пейзана, Пыпина, Кавелина, Костомарова, печаталъ отрывки изъ романа г. Гончарова, — а его все-таки звали свистуномъ . . . Всеобщее презрѣніе, возбужденное «Свисткомъ», было такъ велико, что въ обѣихъ столицахъ нашлись Катоны, которые рѣшились высказывать свое негодованіе

на него по всякому случаю, — по поводу ли картины Иванова, или обществъ трезвости, смерти Мако-
лея или освобожденія крестьянъ.

Такъ шло два года. «Свистокъ» пришелъ въ уныніе и пересталъ являться, чтобы не компрометировать «Современника»; «Современникъ» обратился къ Китаю и въ каждой книжкѣ удѣлялъ нѣсколь-
ко десятковъ страницъ на изображеніе китайской жизни, которая прежде являлась въ немъ только въ литературныхъ снахъ новаго поэта на новый годъ . . . Повидимому враги торжествовали, пользуясь чувствительностью «Свистка», который рѣшился на самопожертвованіе изъ жалости къ страдавшему за него «Современнику».

Но на дѣлѣ готовилось «Свистку» полное торжество, и, главное, рѣшительное оправданіе предъ великодушнымъ покровителемъ. Теперь онъ смѣло можетъ смотрѣть въ глаза «Современнику» и даже ожидать отъ него благодарности, а не укоровъ. Произошло вотъ что.

Въ нынѣшнемъ году водворился новый «Вѣкъ» въ русской литературѣ. О наступленіи его возвѣщено было задолго до новаго года; появленіе его было привѣтствовано громкими рукоплесканіями. Всѣ стремились къ этому журналу, въ которомъ обѣщалось вѣрное и нелицепріятное служеніе наукѣ и полное уваженіе къ высокимъ принципамъ современной цивилизаціи. Всѣ журналы почтительно обратили свои взоры на новаго собрата, въ редакціи котораго участвовали такія лица какъ К. Д. Кавелинъ, А. В. Дружининъ, В. П. Безобразовъ и П. И. Вейнбергъ. Послѣ выхода перваго номера написано было даже восторженное стихотвореніе, неизвѣстно почему не появившееся въ печати:

НОВЫЙ ВѢКЪ.

Зрѣеть все, что было зелено,
Правдѣ зиждется престолъ:
Вѣкъ Дружинина, Кавелина,
Безобразова пришелъ.

Вѣкъ Пожарскаго и Минина,
Дружбу князя съ мясникомъ,
„Вѣкъ“ Кавелина, Дружинина
Возвратилъ намъ цѣликомъ.

Въ „Вѣкѣ“ Вейнберга, Кавелина
Будеть всюду тишь да гладь,
Ибо въ немъ для счастья вѣчно
Всѣмъ законы изучать.

„Вѣкъ“ счастливый, Безобразова
Бѣдняка обогатить,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкроту дастъ кредитъ...

Будетъ зрѣло все, что зелено,
И свершится человѣкъ...

„Вѣкъ“ Дружинина, Кавелина,
Чернокнижникова „Вѣкъ“!..

Почему Чернокнижникова «Вѣкъ»? Не клевета ли это? Какъ же журналъ, посвящающій себя служе-
нію общественной мысли, можетъ допустить до себя
мысль о Чернокнижниковѣ? ..

Вотъ то-то и есть, что не мысль, а самого Чер-
нокнижникова, такъ хорошо рассказывавшаго о
масленичныхъ балаганахъ, допустилъ къ себѣ
«Вѣкъ». Въ первомъ номерѣ его напечатано было
письмо Чернокнижникова, обѣщавшее рядъ ихъ, —
и всей Европѣ, черезъ посредство корреспондента
«Nord»'а, возвѣщено: «le brillant feuilletoniste» будетъ
постоянно украшать «Вѣкъ» своимъ остроуміемъ.
Европа не выразила своего изумленія, надо полагать,
собственно потому, что не знала, какого сорта
блескомъ отличаются фельетоны Чернокнижникова.
Но мы думали: зачѣмъ же такъ поруганъ «Совре-

менникъ» за дружество со «Свисткомъ»? Отчего же «Вѣку» позволяется заниматься чернокнижіемъ, а «Современнику» нѣтъ.

Но вообразите наше удивленіе при полученіи первыхъ нумеровъ всѣхъ журналовъ! Въ концѣ 1860 г. «Современникъ» не выдержалъ, и опять-таки пустилъ къ себѣ «Свистокъ»; въ первой книжкѣ слѣдующаго года тоже готовъ былъ «Свистокъ». Это, конечно, при великодушійи и гуманности «Современника» относительно меньшей братіи и не было особенно удивительно. Въ другихъ же журналахъ мы ожидали попрежнему жесточайшихъ укоровъ, высказанныхъ съ благодарнымъ негодованіемъ и съ указаніемъ на «Revue des deux Mondes». И вмѣсто того, — что же? — во всѣхъ, во всѣхъ журналахъ заведенъ свистокъ!.. Во всѣхъ журналахъ балаганный отдѣлъ! Смотримъ, читаемъ, сомнѣваемся, такъ ли это?.. Да, ни малѣйшаго сомнѣнія: всѣ журналы, не исключая и тѣхъ, которые наиболѣе стараются походить на «Revue des deux Mondes», признали необходимымъ открыть балаганные отдѣлы, отдѣлы со свистомъ и пляскою!..

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», сверхъ обычнаго отдѣла «Современной хроники», оказались «Зипски праздношатающагося». «Отечественныя Записки»! Помните ли вы, что въ «Revue des deux Mondes» нѣтъ «Записокъ праздношатающагося», и что балаганные отдѣлы въ журналахъ недостойны литературы, сколько-нибудь уважающей себя?

Въ «Русскомъ Словѣ», вмѣсто солидной хроники общественной жизни, явились «Замѣтки Темнаго человѣка». «Русское Слово»! Что, если бы «Замѣтки Темнаго человѣка» явились въ «Геттин-

генъ»? Какое впечатлѣніе произвели бы они на та-мошнюю публику?

«Библіотека для Чтенія» пустилась печатать «Воззрѣнія, чувства и наблюденія статскаго совѣтника Салатушки», подъ видомъ постоянного фельетона. «Библіотека для Чтенія»! Можно ли унижать себя до смѣхотворныхъ воззрѣній статскаго совѣтника Салатушки, когда вокругъ раздается столько симпатическихъ голосовъ людей, честно служащихъ высокому дѣлу гражданскаго преуспѣянія, и когда въ самомъ вертоградѣ нашей словесности распускаются цвѣтки, достойные заботливаго и искуснаго ухода? Вспомни, «Библіотека», что кто рѣшается все осмѣивать, кто съ балаганнымъ индифферентизмомъ отзывается объ искусствѣ, о Рашели и Ристори, тотъ не имѣетъ сердца. Неужели ты не имѣешь сердца?

«Время», журналъ новый, долженствовавшій быть если не робкимъ, то по крайней мѣрѣ осмотрительнымъ, — и «Время» не побоялось дебютировать *фельетономъ*: «Записками Ненужнаго чело-вѣка». О «Время»! о нравы! — воскликнули мы отъ глубины души...

Но всего больше поразилъ насъ «Русскій Вѣстникъ»: отъ него-то ужъ мы никакъ не ожидали, чтобы онъ завелъ у себя балаганный отдѣлъ, котораго нѣтъ въ «Revue des deux Mondes». А завелъ! И еще какъ завелъ: предварительно возвѣстилъ объ этомъ, а потомъ и открылъ «Литературное обозрѣніе и замѣтки», въ которыхъ сталъ даже остроумныя заглавія пріискивать: «Старые боги и Новые боги», «Нашъ языкъ, и что такое Свистуны», «Одного поля ягоды»... А помните, какъ, бывало, даже самыя ядовитыя статьи свои, какъ, напримѣръ,

противъ князя Черкаскаго и пр., онъ пускалъ подъ величаво скромнымъ заглавіемъ: «Замѣтка». Гдѣ тѣ времена?.. О «Русскій Вѣстникъ», «Русскій Вѣстникъ»! Куда увлекло тебя подражаніе? И кому же? «Современнику» — «Свистку»!.. Не было ли предъ тобою образца въ почтенныхъ, истинно достойныхъ подражанія «Revue des deux Mondes», «Westminster Review» и т. п.? Имѣютъ ли балаганные отдѣлы эти почтенные журналы, иѣкогда поставлявшіеся въ примѣръ «Современнику»? Занимаются ли они журнальными сплетнями, пишутъ ли ежемѣсячно длинныя статьи о свистѣ? Нѣтъ, «Русскій Вѣстникъ», если они и займется свистомъ, то развѣ въ ученой статьѣ: «О свистѣ въ техническо-музыкальномъ отношеніи», то есть въ такой статьѣ, которая не скомпрометировала бы даже покойнаго «Атеней».

О «Атеней»! Зачѣмъ ты рано умеръ? А то и ты могъ бы теперь завести у себя балаганный отдѣлъ, который, можетъ, спасъ бы тебя отъ смерти.

Всеобщее сознаніе, заявленное всѣми журналами, въ необходимости «Свистка» ободрило насъ, и мы немедленно хотѣли выписать его изъ-за границы, обѣщая ему, что житье нашему брату въ Россіи теперь гораздо лучше заграничнаго: свищи, сколько душѣ угодно, — отголоски встрѣтишь повсюду. Но «Свисткомъ» на тотъ разъ овладѣло разочарованіе, и онъ не повѣрилъ возможности превращенія, о которомъ мы ему писали... Мы принуждены были остаться въ наблюдательномъ положеніи. А наблюденія привели насъ прямо къ мысли, что не только вообще «Свистокъ» понадобился, оказался необходимымъ въ журналахъ, но что именно такой «Свистокъ», какого рыцарями состояли мы. Въ ба-

лаганныхъ отдѣлахъ всѣхъ журналовъ мы замѣтили сильнѣйшее подражаніе, или, лучше сказать, желаніе подражать нашему «Свистку», — потому, что — мы не можемъ скрыть истины — подражаніе вообще не удавалось. Напримѣръ «Свистокъ» состоялъ всегда изъ прозы и стиховъ: «Темный человѣкъ», «Ненужный человѣкъ» и «Праздношатающійся» тоже усиливались кропать стишки, въ подражаніе «Свистку». Что писали они свои стихи не по вдохновенію, а единственно изъ подражанія, это уже видно изъ того, что, напримѣръ, ни «Темный человѣкъ», ни «Праздношатающійся» писать стиховъ рѣшительно не умѣютъ, и, какъ видно, убиваются надъ ними страшно, ломая смыслъ, и удареніе, и размѣръ подчасъ. Отъ прошлаго мѣсяца, напримѣръ, осталось у насъ въ памяти два стиха:

Здѣсь мажетъ домъ повѣшенный
На воздухъ маляръ.

Согласитесь, что надо ужъ очень хотѣть, вопреки своей природѣ, вкленить въ свою болтовню стихотвореньице, чтобы допустить столь двусмысленные стихи . . .

А вотъ сейчасъ принесли «Русское Слово». Что тамъ? Опять надъ стихами мучится «Темный человѣкъ»! Этотъ имѣетъ даже претензіи на оригинальныя рюмы, которыя такъ удаются Конраду Лиліеншвагеру, и что же у него выходитъ:

Все передъ оперой волнуется;
Тамберликъ войдетъ лишь въ дверь,
Рукоплещутъ всѣ въ поту лица.
Самой модной стала улица
Итальянская теперь.

Замѣьте, что *волнуется* тоже рюмуется съ *улица*, какъ и въ *поту лица* . . . А то еще мы встрѣтили

риѹму: *совѣтницей* и *замѣтятся*... Видно, что у «Темнаго человѣка» охота смертная, да участь горькая... И по всей вѣроятности, сочиняя свои стихи, онъ проклиная «Свистокъ», который ввелъ въ моду обычай — вдохновляться иногда среди прозаической рѣчи...

Но «Свистокъ» нашъ — поэтъ, творецъ въ нѣкоторомъ смыслѣ, а эти господа — несчастные Вагнеры свистопляски... Мы теперь не колеблемся назвать ихъ Вагнерами, потому что «Свистокъ» возвышенъ на степень самостоятельной науки и въ то же время высокаго искусства: толпы подражателей дали намъ самимъ почувствовать, сколько было творческаго въ его геніальной простотѣ и непринужденности...

Вы ужъ одно то возьмите: онъ былъ свободенъ и неподчиненъ никакимъ человѣческимъ расчетамъ: являлся онъ, когда хотѣлъ, пропадалъ, когда ему вздумается. Вы не знали, что его вызоветъ: когда ему не хотѣлось выходить, онъ оставлялъ безъ вниманія — и юбилей князя Вяземскаго, и безобразный поступокъ «Вѣка», и протестъ московскихъ профессоровъ противъ г. Аскоченскаго, и даже такія вещи, которыя прямо къ нему были близки... А иной разъ появлялся такъ себѣ, безъ всякаго особеннаго повода. Вотъ и теперь: вы думаете, конечно, что его вызвала ревизія дѣлъ Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ, открывшая столько забавнаго и диковиннаго? Или, еще скорѣе, полемика съ «Отечественными Записками»? Чего добраго, вы подумаете, что и выходъ книжки затѣмъ задержали, чтобъ успѣть тотчасъ же отвѣчать гг. Альбертини, Бестужеву-Рюмину, Громекъ и пр., и пр., на всѣ ихъ обвиненія противъ «Совре-

менника» и «Свистка», поглотившія весь августовскій номеръ «Отечественныхъ Записокъ»? Ошибаетесь, книжка запоздала совсѣмъ по другимъ причинамъ, и мы навѣрное знаемъ, что ни одинъ изъ членовъ редакціи «Современника» не читалъ еще послѣдняго номера «Отеч. Записокъ», — трое потому, что ихъ нѣтъ въ Петербургѣ, и до нихъ августовскіе журналы еще не дошли, а четвертый потому, что онъ всю недѣлю, протекающую отъ выхода «Отеч. Записокъ» до выхода «Современника», не имѣлъ минуты свободной, проводя все время въ хлопотахъ, разъѣздахъ и справкахъ, необходимыхъ для выпуска книжки. А «Свистокъ» явился такъ себѣ: умилился отъ созерцанія собственнаго величія и захотѣлъ повѣдать о томъ любезной его публикѣ. Вотъ и все.

Подражатели же его, какъ всѣ подражатели, немедленно впали въ рутину: сочли необходимымъ являться каждый мѣсяцъ, непременно говорить о томъ, о чемъ всѣ говорятъ, подбирать всякія новости, особенно скандальныя . . . Рутинѣ, и больше ничего . . . Статскій совѣтникъ Салатушка былъ самостоятельнѣе прочихъ, такъ за то онъ исчезъ давнымъ-давно, — можетъ быть, тоже подражая «Свистку», только на время . . .

Но главное — никто изъ подражателей «Свистка» не могъ до сихъ поръ отыскать себѣ новаго содержанія. Не только идеи всѣ тѣ же, какія онъ провозглашаетъ, столько времени тому назадъ, не только предметы насмѣшекъ и разговоровъ — тѣ же, но даже манера та же самая, выраженія иные — и тѣ заимствованы, — а ежели какое и выдуманно вновь, — такъ это сейчасъ и видно. «Свистокъ», напримѣръ, началъ свое скромное поприще похваль-

ными замѣчаніями относительно нѣкоторыхъ ученыхъ, поднявшихъ гвалтъ изъ-за статейки «Иллюстраціи», — и потомъ время отъ времени выказывалъ свое благоговѣніе передъ нѣкоторыми почтенными именами. Иные его превратно поняли, возненавидѣли за это и даже обвинили въ созиданіи какихъ-то новыхъ кумировъ (см. «Русскій Вѣстникъ»). Но другимъ это понравилось, и «Свистокъ» много разъ получалъ самые лестные знаки одобренія отъ авторитетныхъ лицъ, которыя въ немъ никогда не были упомянуты... Теперь подражатели его хотятъ отличиться въ томъ же родѣ — почтительно-стью къ ученымъ; но какъ у «Свистка» уваженіе къ почтеннымъ людямъ было ужъ въ характерѣ, скромность и вѣжество — прирожденныя, а у этихъ господъ искусственныя, выученныя, то, разумѣется, у нихъ и выходитъ совсѣмъ не то. «Свистокъ» — видите ли — до того уважалъ ученыхъ, что даже если самъ пускался въ ученость, то исполнялся глубокаго уваженія и къ самому себѣ; онъ тогда разговаривалъ съ учеными —

Какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ.

Это-то и было прелестно, — эта наивная удалъ и самоувѣренность, вмѣстѣ съ юношескою скромностью... Но этого-то и не поняли его подражатели: они просто подумали, что онъ говоритъ все насмѣхъ, оттого до сихъ поръ у нихъ и находите только восхваленія ученыхъ, въ которыхъ замѣтна великая охота говорить проницательно, а силы-то никакой нѣтъ, такъ что восхваленіе и остается восхваленіемъ, а иначе прямо ужъ переходитъ въ плоскую дерзость. «Свистокъ» отъ иныхъ научныхъ занятій приходилъ въ такое благоговѣніе, что тре-

бовать даже, чтобъ никто за подобныя занятія не смѣлъ и браться; онъ хотѣлъ тутъ оправданія извѣстныхъ словъ: *ils sont sacrés, car personne n'y touche* . . . И тутъ его не поняли подражатели, и до сихъ поръ нѣкоторые накидываютъ на себя какую-то притворную науко-боязнь, что у нихъ выходитъ даже не остроумно . . .

Одно время «Свистокъ» допустилъ при себѣ другой элементъ: онъ самъ былъ кротокъ и довѣрчивъ, а возлѣ него явился демонъ, воспѣтый г. Лиліеншвагеромъ, и не вѣрившій ничему. Это раздвоеніе подмечено и подражателями, и нѣкоторые изъ нихъ постоянно пишутъ въ двухъ лицахъ: самъ авторъ представляется простодушнымъ, но у него пріятель — скептикъ и пессимистъ . . . ¹.

Выдержки изъ путевыхъ эскизовъ.

1.

ВЪ ПРУССКОМЪ ВАГОНѢ.

По чугуннымъ рельсамъ
Ѣдетъ поѣздъ длинный;
Ни свернетъ ни разу
Съ колеи рутинной.

Часомъ въ часъ разсчитанъ
Путь его помильно . . .
Воля моя, воля!
Какъ ты здѣсь безсильна!

То ли дѣло съ тройкой!
Мчусь, куда хочу я,

¹ Статья осталась недоконченною.

Безъ нужды безъ цѣли
Землю полосую.

Не хочу я прямо —
Забирай налѣво,
По лугамъ направо,
Взадъ черезъ посѣвы . . .

Но увы! — ужъ скоро
Мертвая машина
Стянетъ и раздолье
Руси-исполина.

Сыплотъ иностранцы
Русскіе миліоны,
Чтобы русской волѣ
Положить препоны.

Но не поддадимся
Мы слѣпой рутинѣ:
Мы дадимъ духъ жизни
И самой машинѣ.

Не пойдетъ нашъ поѣздъ,
Какъ идетъ нѣмецкій:
То соскочить съ рельсовъ
Съ силой молодецкой;

То обвалить насыпь,
То мостокъ продавить,
То на встрѣчный поѣздъ
Ухорски направить.

То пойдетъ потише,
Опоздаетъ вволю,
За метелью станетъ
Сутки трои въ полѣ.

А иной разъ просто
Часика четыре
Подождеть особу
Сильную въ семъ мірѣ.

Да, я вѣрю твердо:
Мертвая машина
Произволъ не свяжетъ
Руси-исполина.

Вѣрю: всѣ машины
Съ русскою природой
Сами оживятся
Духомъ и свободой.

2.

ВЪ ДРЕЗДЕНѢ.

Концертъ на Брюлевской террасѣ —
Надъ мутной Эльбой, съ кружкой пива . . .
Неподалеку, въ Fischergasse,
Поманять въ окна васъ игриво . . .

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Гдѣ нѣмецъ курить, пѣть, внимаетъ,
И, точно въ руководѣльномъ классѣ,
ЧулOCKъ всѣхъ нѣмокъ занимаетъ.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Подъ звукъ Бетховенской сонаты,
Гдѣ нашъ соотчичъ разъ въ экстазѣ
Подпѣлъ мотивъ изъ Травиаты.

Концертъ на Брюлевской террасѣ,
Гдѣ русскій русскихъ тотчасъ чуетъ
И на показъ нѣмецкой расѣ
Шампанскимъ встрѣчу торжествуетъ.

Да, русскій тотчасъ отличаетъ
Здѣсь земляковъ въ веселой массѣ,
Гдѣ звонъ стакановъ заглушаетъ
Концертъ на Брюлевской террасѣ . . .

3.

ВЪ ПРАГѢ.

Только что разставшись съ родиною святою,
Я скучалъ межъ нѣмцевъ русскою душою,
И, отвести чтобъ душу, къ дорогимъ славянамъ
Полетѣлъ я въ Прагу, — съ легкимъ чемоданомъ.
Облегчилъ его я, сколько то возможный,
Труся предъ австрійской грозною таможеней.

Но со мной возлился — не скажу чтобъ много.
«Гидъ новѣйшій Праги» разсмотрѣли строго,
Туфли, панталоны, галстухи, рубашки,
Пять или шесть листочковъ почтовой бумажки
Все перевернули, въ стѣнки чемодана,
Въ крышку постукали — не нашли обмана,
Лишь одна брошюрка, изданная въ Вѣнѣ,
Чуть не послужила къ непріятной сценѣ.
О правахъ брошюрки споръ было родился;
Но разумный нѣмецъ тотчасъ уходился,
Какъ ему на «Вѣну» указать я пальцемъ.
Вообще — въ таможи не былъ я страдальцемъ.

Подъѣзжая къ Прагѣ, полною чувствомъ новымъ,
Могъ лишь повторять я, вѣдѣ за Хомяковымъ,
Какъ не должно Прагѣ хвастать предъ Бѣлградомъ,
А Москвѣ кичиться передъ Вышеградомъ.
Какъ на Петчинѣ въ ризѣ древняго Кирилла
Шествовалъ епископъ, а во слѣдъ валила
Народная сила, въ доблестной отвагѣ,
Какъ заснулъ поэтъ нашъ, думая о Прагѣ . . .

И вступилъ я въ Прагу, и мечту поэта
Наяву увидѣлъ, средь дневнаго свѣта.
Быль какой-то праздникъ. Не было проходу.
Въ улицахъ широкихъ отъ громады народа.
Впереди блестѣли, въ воздухѣ подъяты,
Знаменія вѣры, убраны богато;
Фонари, хоругви, мощи и иконы,
Съ торжествомъ особымъ высились мадонны.

4.

ВЪ АКРОПОЛѢ ¹.

Средь Акрополя разбитаго,
Срисовавши Парѳенонъ,
Да божка, плащемъ увитаго,
Да обломки трехъ колоннъ, —
Вдругъ на родину далекую
Я душой перелетѣлъ,
И судьбу ея высокую
Въ книгѣ музъ прочесть хотѣлъ.

Въ сколько лѣтъ цивилизаціи
Край нашъ будетъ доведенъ,
Чтобъ въ изяществѣ и граціи
Сталъ съ Элладой спорить онъ?

Сколько школъ академическихъ,
Сколько выставокъ пройдетъ
Прежде чѣмъ для позъ пластическихъ
Будетъ годенъ нашъ народъ?

Скоро ль смѣнимъ мы котурнами
Безобразіе лаптей?
Станемъ воду черпать урнами
Вмѣсто ведеръ и бадей?

¹ Это стихотвореніе не было использовано Чернышевскимъ и все производится здѣсь съ рукописи Н. А. Добролюбова. Вл. Ар.

Дополненіе къ „Свистку“.

Въ началѣ августа вернулся я домой
Изъ слишкомъ-годовой отлучки заграничной
И тотчасъ встрѣченъ былъ знакомою толпою
Редакціей „Свистка“, съ мольбой ея обычной:
„Стишковъ, о нашъ поэтъ! Пожалуйста, стихковъ!
„Украсьте нашъ „Свистокъ“ своею высокою лирою,
„Иль пробудите вновь волненіе умовъ
„Своею острою и мѣткою сатирою!“

— Промилуйте, друзья: я долго жилъ вдали, —
Сказалъ я имъ въ отвѣтъ; — отвыкъ отъ вашихъ нравовъ,
Я такъ имъ чуждъ теперь, какъ, напримѣръ, въ пыли
Архивной тлѣющей профессоръ Тихомировъ.
Едва пріѣхавъ, что жъ могу сказать я вамъ
О тѣхъ стремленіяхъ, какія васъ волнуютъ?
Мнѣ должно наблюдать, я долженъ видѣть самъ:
Что нынѣ здѣсь въ ходу и что теперь бичуютъ,
Какими новыми идеями умы
Проникнуты теперь въ святой моей отчизнѣ?
На европейскія дѣла какъ смотримъ мы?
И какъ устроились мы въ нашей русской жизни?
„Ха-ха-ха-ха-ха“... мнѣ дружный былъ отвѣтъ...
Мнѣ бросилась въ лицо пурпуровая краска...
Но скоро понялъ я, что тутъ обиды нѣтъ,
А просто предо мной свершалась свистопляска.

Я однакоже счелъ болѣе приличнымъ говорить
съ ними прозой.

— Чѣмъ же вы такъ утѣшаетесь, — спросилъ

я, --- вѣдь я еще не обѣщалъ вамъ моихъ стихотвореній.

Тонкій намекъ былъ понятъ, и буйная свистопляска начала извиняться. Но когда одинъ изъ редакторовъ хотѣлъ сдѣлать мнѣ объясненіе своего смѣха, то едва онъ выговорилъ: «вы предполагаете», — какъ опять кто-то фыркнулъ и за нимъ вся компанія. Раза три такъ было: передышатся, получаютъ способность произносить болѣе или менѣе членораздѣльные звуки, но какъ только перейти къ тому, что я имъ сказалъ, — какъ опять не могутъ удержаться, опять хохотъ повальнѣй минутъ на десять. Я уже начиналъ терять терпѣніе, находя, что я-то между ними въ чрезвычайно глупомъ положеніи, совершенно какъ, напримѣръ, какой-нибудь постоянный сотрудникъ «Русскаго Вѣстника» въ толпѣ читателей «Современника», только что получившихъ книжку его со «Свисткомъ». Хохочутъ, шумятъ, а надъ чѣмъ — — неизвѣстно. Думаешь, не надо мной ли? Да нѣтъ, съ какой стати? Я человѣкъ почтенный... А впрочемъ они почтенныхъ-то еще больше задираютъ... И опять думаешь: не надо мной ли? Не обидѣться ли?.. Да и то думаешь: какъ бы хуже не было?.. А можетъ, еще не надо мной...

Наконецъ добился я объясненій: рыцарямъ свистопляски показалось, изволите видѣть, въ такой высокой степени смѣинымъ мое мнѣніе, что, давно не бывши въ Россіи, я отсталъ отъ нашихъ общественныхъ требованій и интересовъ! Имъ это показалось въ такой же степени забавно, какъ мнѣ было бы забавно напр., если бы г. Катковъ объявилъ серьезно: «Долгое время не занимавшись философіею, я отсталъ отъ современныхъ научныхъ взгля-

5.

Нѣмецъ у насъ капитанъ, но русскіе всѣ кочегары;
Такъ отразилась и здѣсь русская доблесть — сми-
ренье!

Средь Волги, рѣченьки глубокой
Стоялъ я долго на мели,
И мыслилъ о судьбѣ высокой
Родимыхъ водъ, родной земли.
Вы хитры, — мнилъ я, — иноземцы,
Вы пароходъ изобрѣли;
Но все жъ на Волгѣ мы васъ, нѣмцы,
По суткамъ держимъ на мели.

Страданія вельможнаго Филантропа.

(Одинъ изъ мотивовъ современной поэзіи.)

О, что за адъ, что за терзанье!..
Поймешь ли, глупая толпа,
Поймешь ли ты мои страданья?
Нѣтъ, не поймешь ты, — ты глупа...

Ты мнишь, что я подобенъ этимъ
Безмозглымъ дряхлымъ богачамъ,
Которымъ, точно глупымъ дѣтямъ.
Пріятень лести ѳиміамъ.

Пріятны пышныя прозванья,
Чины, обѣды, ордена,
Да жаръ наемнаго лобзанья
Съ бокаломъ добраго вина...

Ты видишь внѣшность золотую
И внутрь не хочешь заглянуть:

Клянeshь ты жизнь мою пустую
И весь мой прежній, грязный путь.

Но пыль святыхъ моихъ стремленій,
Но рѣки ядовитыхъ слезъ
Не видишь ты . . . мой гордый геній
Твой понятъ переросъ.

Любовь къ добру, любовь къ собрату,
Весь міръ святыхъ моихъ идей,
Все, чѣмъ душа моя богата, —
Сокрыто въ тайнѣ отъ людей.

Невѣдомъ имъ и геній ада,
Врагъ всѣхъ идей моихъ святыхъ,
Мнѣ всюду ставящій преграды
Для дѣйствій чистыхъ и благихъ . . .

Толпа незрящая страданій
Подъ покрываломъ злотымъ!
Казнись же повѣстью терзаній,
Какими я теперь томимъ.

Одно несчастное семейство
На краѣ города живетъ,
Отецъ погибъ отъ лиходѣйства
Однихъ сіятельныхъ господъ;

Съ тремя малютками больная,
Везъ всякихъ средствъ осталась мать
Сама въ чахоткѣ изнывая,
Она должна ихъ содержать.

Минута каждая несчастнымъ
Голодной смертію грозитъ.
И кто жъ въ ихъ бѣдствіи ужасномъ
Ихъ приютитъ и защититъ?

Отъ скорби я не взвидѣлъ свѣта,
О нихъ прослушавши разсказъ,
И заложить велѣлъ карету,
Чтобъ къ бѣднымъ ѣхать сей же часъ.

Ужъ я заранѣй наслаждался
Благословеньями сиротъ;
Заранѣй мною предвкушался
Благотворительности плодъ.

И что же? Геній мой ужасный
И тутъ мнѣ на дорогѣ сталъ:
Вдругъ говорятъ мнѣ, что опасной
Болѣзною гнѣдко захворалъ...

Когда бъ объ этомъ мнѣ сказали,
Я могъ руками лишь всплеснуть...
Со дна души проклятья встали
И клокотала злобой грудь...

Святое дѣло благодѣянія
Нельзя другимъ мнѣ поручить;
Благотворенія святыню
Я отъ людей привыкъ таить.

Безъ гнѣдка жъ ѣхать невозможно,
Нельзя разрознить четверни!
Сиди же дома и тревожно
Судьбу безумную кляни...

Простись съ порывами святыми,
О бѣдныхъ братьяхъ не жалѣй,
И надъ стремленьями живыми
Поставь печальный мавзолей.

Какъ будто мстя намъ за ничтожность,
Судьба караетъ насъ сама,

Повсюду ставя невозможность
Стремленьямъ сердца и ума.

Путь безсмысленныхъ лишеній,
Помѣхъ ничтожныхъ и смѣшныхъ,
Лишаетъ насъ нашъ злобный гений
Плодовъ намѣреній благихъ.

Изъ-за того, что гнѣдко боленъ,
Тамъ люди съ голоду умрутъ!!..
Будь тутъ и счастливъ и доволенъ,
Старайся быть спокойнымъ тутъ!

Предсмертные часы несчастныхъ,
Стонъ и конвульси дѣтей,
Во всѣхъ подробностяхъ ужасныхъ
Встаютъ передъ душой моею.

Я трепещу, я содрогаюсь,
Я рву одежды на себѣ,
Я весь горю... Но покоряюсь
Меня карающей судьбѣ...

Въ душѣ огонь неугасимый
Любви къ добру еще горитъ,
Но онъ лишь съ болью нестерпимой
Мнѣ сердце нѣжное палитъ...

Что за болѣзнь меня снѣдаетъ,
Толпа людская не пойметъ;
Она счастливыми считаетъ
Людей за деньги и почетъ.

А я — клянусь — мое имѣнье,
И честь и жизнь отдать бы радъ,
Чтобъ только не терпѣть мученья,
Которымъ я теперь объять...

Но счастьемъ въ жизни наслаждаться
На произволъ намъ не дано.
Страдать, терпѣть и покоряться
Судьбою смертнымъ суждено . . .

Всего же больше мукъ жестокихъ
Рокъ тѣмъ избранникамъ судить,
Стремленій кто въ себѣ высокихъ
И добрыхъ чувствъ не заглушить.

Разбойникъ.

(Розенгеймо-русская элегія.)

Житія намъ не стало! Нѣтъ прежней поживы!

Все отняли проклятый прогрессъ,
Провель имъ дороги, засѣялъ ихъ нивы,
Срылъ горы и вырубилъ лѣсъ.

И что же! — теперь по дорогѣ прохожій,
И ранней, и поздней порой,
Идегъ распывая, съ преглуною рожей,
Но съ очень спокойной душой.

И нѣту при немъ ни ружья, ни кинжала,
А страшно напасть на него . . .
Не то уже времечко нынче настало:
Начальство дошло до всего.

Разъ я было вздумалъ кунца-богатѣя
Подъ вечеръ въ лѣсу ободрать;
Но вдругъ помѣшали . . . Меня, какъ злодѣя,
Успѣли схватить и связать.

Затѣяли дѣло . . . Исправникъ явился,
Всѣмъ сдѣлать строжайшій допросъ,

И обыскъ, и ставки очныя . . . Смирился
И денегъ ему я принесъ . . .

Я думалъ: «чиновнику только бь деньжонки . . .
Извѣстно: что слѣдуетъ, дай,
А тамъ хоть на всь на четыре сторонки,
Какъ вольная птица ступай» . . .

Но нѣтъ! — и чиновники наши рехнулись . . .
Прогрессъ-то и ихъ, знать, заѣлъ . . .
Сперва мы съ исправникомъ ловко стакнулись,
Купца еще спутать хотѣлъ!

Но деньги сорвавши, онъ вдругъ безтолково
Занесъ мнѣ какую-то чушь . . .

«Свѣтъ мысли, и сила печатнаго слова,
И гласность зашла въ нашу глушь . . .

«У насъ не бывало о томъ циркуляра,
Чтобъ мы поощряли грабежъ . . .

А сверху грозить намъ жестокая кара
За всякую взятку и ложь . . .»

Бездѣльникъ! Какъ вретъ-то! Мы, вишь ты, не
знаемъ,

Какъ можетъ вертѣться законъ,
Коль только искусной рукой направляемъ
И ловко толкуется онъ . . .

Изъ мотивовъ современной русской поэзіи

1.

Презрѣвъ людей и міръ и помолвившись Богу,
Я гордо выступилъ на трудную дорогу.
Вверху лежала тьма, камни подъ ногой,
Съ боковъ оврагъ зіялъ ужасной глубиной,

Надъ самой головой летали вереницы
 Ужасно-скаредной и кровожадной птицы.
 Я самъ не зналъ, куда и для чего иду,
 Я былъ какъ будто бы въ горячечномъ бреду.
 Лишь вѣры и любви свѣтильникъ благотворный
 Свѣтилъ мнѣ на борьбу во тьмѣ неправды черной.
 Подъявъ чело, я шель безтрепетной стопой
 И орошалъ свой путь чувствительной слезой.
 Тая въ груди свое высокое сознанье,
 Я закалялъ свой духъ въ горнилѣ испытанья.
 Не видя ничего, хотѣлъ я лишь идти
 И за добро страдать въ невѣдомомъ пути.
 Въ больной душѣ моей все убѣжденье жило,
 Что тьма разсѣется и встанетъ дня свѣтило,
 И разбудивъ людей, зажжетъ у нихъ въ крови
 Лучъ правды доблестной и лучъ святой любви...
 Сбылись предчувствія! Тотъ, кто время теченье
 Рѣшилъ по своему блатому изволенью,
 Ночь въ день переимѣнилъ и далъ узрѣть мнѣ
 СВѢТЬ...

Но горе мнѣ! въ душѣ ужъ прежней силы нѣтъ.
 Я, безъ толку всю ночь шатаюсь, истощился,
 Отваги молодой и свѣжести лишился.
 Ночные подвиги! сгубили вы меня:
 Я къ утру чувствую, что нѣтъ во мнѣ огня...
 Сижу бездѣйственно, смотря на трудъ собратіи,
 Не смѣя произнести ни жалобъ, ни проклятій,
 Не снесъ я своего тяжелаго креста.
 Я палъ... Въ умѣ сумбуръ, а въ сердцѣ — пу-
 стота.

2.

Учились, бѣдные, вы въ жалкомъ пансіонѣ
 Француза Фалбала; учили вы урокъ,

Не зная отдыха; въ слезахъ, при общемъ стонѣ
Терпѣли розги вы . . . Но все не шло вамъ въ
прокъ.

Ученье было вамъ дѣйствительнымъ мученьемъ,
И ждали вы, когда день выпуска придетъ.
Вы думали, что всѣмъ учебнымъ заведеньямъ
Ниспосланъ отъ судьбы такой ужасный гнетъ.

Но вдругъ настала вамъ минута возрожденья.
Французъ Кабаретъе вашъ пансіонъ купилъ.
На мѣсто розогъ плетъ онъ ввести въ употребленье
И школы вывѣску уже перемѣнилъ.

Есть даже слухъ, что онъ бранился съ гуверне-
ромъ,
И думаетъ ему отъ мѣста отказать.
О дѣти, радуйтесь: подъ собственнымъ надзоромъ
Французъ Кабаретъе васъ хочетъ воспитать.

3.

Жизнь міровую понять я старался,
Сердцемъ, какъ Гёте, на все отозвался;

Въ рошѣ, на балѣ, средь моря, межъ скалъ
Высшихъ эмблемъ и символовъ искалъ

И наконецъ своего я добился:

Міръ неразумный предъ мной осмыслился.

Вотъ прохожу я по вспаханной нивѣ
Образъ другой мнѣ является въ-живѣ:

Вижу духовную ниву дѣтей,
Сѣмя пріяхнущую добрыхъ идей.

Рѣютъ надъ нивою птички живыя:
Сердце такъ тѣшатъ надежды младыя.

Вотъ къ намъ на лѣто летятъ журавли:
Образъ пристрастія къ благамъ земли.

По небу чистому тучки гуляютъ:
Чистое сердце такъ думы смущаютъ.
Солнце блеститъ въ голубыхъ небесахъ:
Свѣтъ разливаетъ наука въ умахъ.
Солнце сокрылось за темною тучей:
Правду темнитъ духъ неправды могучій.
Вѣтеръ ли вѣетъ: такъ умственный геній
Вихремъ несется живыхъ откровений.
Вѣтру ли нѣту: то геніи спятъ,
Точно эоловы арфы молчатъ.
Пыльную зелень дождемъ орошаетъ:
Плачь покаянный пороки смываетъ.
Виденъ подснежникъ надъ рыхлымъ снѣжкомъ:
Первыя грезы о счастья иномъ!
Бабочка рѣзво порхнетъ по цвѣтамъ:
Такъ я душою порхать буду тамъ!
Скрыта змѣя подъ прекраснымъ цвѣткомъ:
Такъ есть злодыи съ красивымъ лицомъ.
Тащитъ зерно муравей хлопотливый
Вижу примѣръ въ немъ себя я, лѣнивый!
Песъ караулитъ овецъ отъ волковъ:
Дворники такъ насъ хранятъ отъ воровъ.
Вижу, коляску мчатъ кони вдали:
Власть-то людей надъ скотами земли.
Звукъ баладайки донесся до слуха:
Вспомнить я тотчасъ гармонію духа.

Лирическія пьесы¹.

---

¹ Въ статьѣ „Посмертныя стихотворенія Н. А. Добролюбова“ тогда бѣжно приписанной Чернышевскому и даже включенной въ IX томъ полнаго собранія сочиненій послѣдняго Некрасовъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что лирическія стихотворенія „стояли далеко не на первомъ планѣ“ въ дѣятельности Добролюбова. „Онъ писалъ ихъ весьма рѣдко, урывками, и самъ не придавалъ имъ вовсе никакого значенія. Большая часть ихъ написана до начала журнальной дѣятельности Ник. Александровича; стало быть тогда, когда ему было не болѣе двадцати лѣтъ“. Некрасовъ случайно увидѣлъ у Добролюбова тетрадку со стихами и „съ трудомъ уговорилъ его напечатать что-нибудь изъ нихъ“. Съ конца 1858 г. Добролюбовъ сталъ писать стихотворенія юмористическія и по всей вѣроятности — предполагаетъ Некрасовъ— возвратился къ лирицѣ лишь послѣ переѣзда за границу, въ 1860 г. *Вл. Кр.*

Изъ первой тетради.

1.

Жалоба ребенка.

Для чего связали мнѣ руки?
Для чего спеленали меня?
Для чего на житейскія муки
Обрекли меня съ перваго дня?

Еще много носить мнѣ придется
На душѣ и на тѣлѣ цѣпей;
Вкругъ кинучей груди обовьется
Много, много губительныхъ змѣй.

Стариной освященный обычай,
Человѣка пристрастный законъ,
Предписанія модныхъ приличій . . .
Ими буду всю жизнь я стѣсненъ . . .

Дайте жъ мнѣ хотя въ дѣтствѣ свободу,
Дайте вольно всей груди вздохнуть! . .
Чтобъ я послѣ, въ тяжелые годы,
Могъ хоть дѣтство добромъ помянуть.

2.

Благодѣтель.

Быль у меня какой-то покровитель . . .
Всю жизнь мою его я не видалъ;

Но съ дѣтства убѣдилъ меня учитель,
Что онъ учиться мнѣ заочно помогаль,
Что награждалъ меня за прилежанье,
Наказываль за шалости и лѣнь,
Что зналъ мои онъ мысли и желанья,
Что долженъ я ему молиться каждый день . . .
Молился я . . . Но сердце знать хотѣло
Того, кто втайнѣ былъ такъ добръ ко мнѣ,
Кто освѣщаль собою начало дѣла.
И помогаль свершить его вполнѣ.
Однако тщетно я искалъ его увидѣть
Иль встрѣтить гдѣ-нибудь хоть слѣдъ его прямой . .
Но, подозрѣніемъ боясь его обидѣть,
Я вѣрилъ все, что онъ хранитель мой . . .
И мысль о немъ была мнѣ утѣшеньемъ
Въ тревожномъ, пасмурномъ младенчествѣ моемъ.
Безсильный самъ, я думаль съ наслажденьемъ,
Что сильный у меня хранитель есть во всемъ . . .

Прошли года невинности безпечной
И горемъ жизни я испытанъ былъ . . .
Хранителя молилъ я съ вѣрою сердечной,
Чтобъ онъ меня въ страданьяхъ подкрѣпить.
Но онъ не шель . . . Когда же сердца раны
Отъ времени ужъ стали заживать,
Сказали мнѣ, что горестью неожиданной
Хранитель мой хотѣлъ меня лишь испытать,
Что долженъ я къ нему съ любовью обратиться
И счастье вновь въ награду дать мнѣ онъ.
Я сдѣлаль такъ . . . Но лишь успѣлъ склониться,
Какъ новымъ былъ ударомъ пораженъ.
Тогда пришло печальное сомнѣнье.
Я звалъ далекаго хранителя къ себѣ,
Чтобъ доказаль права свои на уваженъе,
Чтобъ сохранилъ меня во внутренней борьбѣ.

Напрасно . . . Онъ не шель . . . Не внялъ онъ при-
зыванью —

Я проклиналъ довѣрчивость свою . . .
Но до сихъ поръ въ тяжеломъ ожиданьи
На жизненномъ пути недвижно я стою.

3.

Когда, среди зимы холодной,
Лишенный средствъ, почти безъ силъ,
Больной, озябшій и голодный,
Я пышный городъ проходилъ;

Когда чуть не былъ я задавленъ
Четверкой кровныхъ рысаковъ
И былъ на улицѣ оставленъ,
Для назиданія глупцовъ;

Когда, оправясь, весь разбитый,
Присѣлъ я гдѣ-то на крыльцо,
А въ уши вѣтеръ дулъ сердито
И мокрый снѣгъ мнѣ билъ въ лицо, —

О, сколько вырвалось проклятій,
Какая бѣшенная злость
Во мнѣ кипѣла противъ братій,
Которымъ счастливо жилось —

Средь этой роскоши безумной
И для которыхъ — брата стонъ
Веселымъ бѣгомъ жизни шумной
И звономъ денегъ заглушонъ.

. . . Но пронеслись несчастій годы,
И, гордо мчась по мостовой,
Я радъ теперь, коль пѣшехода
Кнутомъ задѣнетъ кучеръ мой.

4.

Поэту.

Снова тучи сгустились на небѣ ночномъ,
 Звѣздъ и мѣсяца свѣтъ помрачили.
 Снова вѣтеръ завылъ, загремѣлъ въ небѣ громъ.
 И глаза всѣ отъ страха закрыли.

Но не бойся: пронесся давно ураганъ,
 И тяжелая ночь ужъ проходитъ.
 Тамъ, далеко, за моремъ, прорѣзанъ туманъ,
 Лучезарное солнце восходитъ . . .

Яркій свѣтъ упадетъ и сквозь мракъ густыхъ тучъ
 На глаза отягченныхъ дремою.
 И, людей разбудивши, животельный лучъ
 Ихъ подниметъ на дѣло благое . . .

Ноябрь 1856.

5.

Встрѣча.

Въ лохмотьяхъ, худенькій, болѣзненный и блѣд-
 ный,
 Дрожа отъ холода, съ заплаканнымъ лицомъ,
 На улицѣ меня разъ встрѣтилъ мальчикъ бѣдный
 И сжалиться надъ нимъ молилъ меня Христомъ.

«Насъ пятеро дѣтей; отецъ взять въ ополченье,
 «И при смерти лежитъ больная наша мать . . .
 «Съ квартиры гонять насъ; нѣтъ денегъ на лѣченье,
 «И намъ приходится по суткамъ голодать» . . .

Горѣлъ я, слушаая . . . Облилось сердце кровью,
 Но — пособить ничѣмъ не могъ я ихъ судьбѣ . .
 Ребенка я ласкалъ съ тоскою и любовью,
 И мрачно думалъ я о немъ и о себѣ . . .

А противъ насъ — сіяль веселыми огнями
Роскошно убранный, великолѣпный домъ . . .
Виднѣлась зала въ немъ съ зелеными столами,
И балъной музыки къ намъ доносился громъ . . .

27 декабря 1857.

6.

На смерть особы.

Печальный вѣстникъ смерти новой,
Въ газетахъ черный ободокъ
Не будить горести суровой
Въ душѣ исполненной тревогъ.

Въ какомъ-то радостномъ волненьи
Я каждый разъ внимаю вѣсть
О томъ, что въ старомъ поколѣньи
Еще успѣла жизнь отцвѣсть . . .

Чьей смерти прежде трепеталъ я,
Тѣхъ стариковъ ужъ нѣтъ давно;
Что въ старомъ мірѣ уважалъ я,
Давно все мной схоронено . . .

Ликуй же смерть въ странѣ унылой,
Все въ ней отжившее рази,
И знамя жизни надъ могилой,
На горахъ труповъ водрузи! . .

Январь 1857.

7.

Соловей.

Тебя, средь простора лѣсного,
Охотникъ въ силокъ изловилъ . . .
Чтобъ пѣснь твою сдѣлать звучнѣе,
Хозяинъ тебя ослѣпилъ.

И тянешь ты звонкую пѣсню
И звучныя трели ты льешь.
Въ восторгъ твой толстый хозяинъ,
Что ты неумолчно поешь.

Но я твой языкъ разумѣю,
И чуткой душою моею
Я слышу рыданья и стоны
Въ мелодіи пѣсни твоей.

8.

Я пришелъ къ тебѣ, старая страстью,
Для восторговъ нѣги и любви . . .
Но тобой былъ встрѣченъ безъ участья,
И погасъ огонь въ моей крови.

Мнѣ въ глаза лукаво улыбаясь,
Равнодушно ты сказала мнѣ:
«Я гостей сегодня дожидаясь,
«Намъ нельзя побыть наединѣ» . . .

Словъ твоихъ я скрытый смыслъ увидѣлъ,
На тебя съ презрѣньемъ посмотрѣлъ . . .
Въ этотъ мигъ тебя я ненавиждѣлъ,
Отъ тебя на вѣкъ бѣжать хотѣлъ . . .

Но съ улыбкой нѣжною и ясною
Ты сказала: «завтра ты придешь? . . .»
И призывъ ласкающій и страшный
Бросилъ въ краску вдругъ меня и въ дрожь . . .

Я приду, приду, о другъ мой милый,
Для восторговъ нѣги и любви . . .
Голосъ твой какой-то чудной силой
Вновь огонь зажегъ въ моей крови.

31 января 1857.

9.

Тихій Ангелъ.

Кипѣлъ межъ нами споръ ужасный,
И бурно рѣчь гостей текла,
Когда ты къ намъ, съ улыбкой ясной,
Съ привѣтнымъ взоромъ подошла.

Вдругъ споръ замолкъ. Прервать молчанья
Никто какъ будто бы не смѣлъ;
И думалъ я въ очарованьи:
«Здѣсь тихій ангелъ пролетѣлъ!»
10 февраля 1857.

10.

Сонъ.

Испытанный судьбой, въ тревожномъ снѣ моемъ
Не убаюканъ я роскошными мечтами,
Все буря снится мнѣ, все молнія и громъ,
Какой-то темный сводъ да изверги съ цѣпями . .
Бываетъ изрѣдка, что грезится и мнѣ
Картина мирная довольства и покоя.
Мнѣ отчій домъ рисуется во снѣ . . .
Я вновь дитя съ доврчивой душою . . .
Подъ отческимъ надзоромъ я расту,
Не вѣдая ни страсти, ни сомнѣній;
Заботливой рукой лелѣемый, цвѣту,
Вдали отъ горя и людскихъ волненій.
Душа моя радушна и тепла,
Полна любви и вѣры благодатной . . .
Природа вокругъ меня спокойна и свѣтла
И дышитъ прелестью какой-то непонятной.
Тутъ все со мной, что въ свѣтѣ мило мнѣ . . .
И кажется, въ душѣ нѣтъ мѣста для желанья . .
Но въ глубинѣ душевной, и во снѣ,
Шевелится тревожное сознанье,

Что это все мечта, не истина, а сонъ . . .
 И часто у меня, средь чуднаго видѣнья,
 Вдругъ вырывается изъ груди тяжкій стонъ,
 Душа тоскливо жаждетъ пробужденья.

11 февраля 1857.

II.

* * *

Еще недавно я неистовой сатирой
 На небо и на землю возставалъ,
 И звукамъ бѣшеннымъ своей нестройной лиры
 Надежды и восторгъ во многихъ пробуждалъ . . .

Но утомился я цѣпнымъ, безплоднымъ лаемъ,
 И вздумалъ, цѣнь забывъ, взглянуть на Божій
свѣтъ . . .

И новымъ чувствомъ я теперь одушевляюсь:
 Вѣдушъ моей суровыхъ звуковъ нѣтъ . . .

Я понялъ красоту! . . Душа полна любовью,
 И мѣста нѣтъ для ненависти въ ней.
 Мой стихъ запечатлѣнъ теперь не свѣжей кровью,
 А развѣ тихою слезой любви моей.

Проклятій нѣтъ! . . Они звучали бѣ несогласно
 Съ рѣчами милой, я жъ согласья съ ней ищу . . .
 Проклятій нѣтъ: она добра и такъ прекрасна,
 Что, рядомъ съ ней, на зло смотрѣть я не хочу . . .

Проклятій нѣтъ . . . Но, подождите, братья! . .
 Забывшись отъ любви, горя въ ней, какъ въ огнѣ,
 Прекрасную къ груди своей стремлюсь прижать я . . .
 Но — эти цѣпи видите ль на мнѣ? . .

Лишь только протяну я къ ней мои объятья,
 Какъ эти цѣпи страшно загремятъ . . .

Пугливо отбѣжить она . . . И вновь проклятья
На землю и на небо полетятъ.

17 февраля 1857.

Пѣсни Гейне.

I.

Ко груди твоей бѣлоснѣжной
Я голову тихо прижалъ,
И — что тебѣ сердце волнуетъ
Въ біеньи его угадалъ . . .

Чу, въ городъ вступаютъ гусары;
Намъ слышенъ ихъ музыки звукъ.
И завтра меня ты покинешь,
Мой милый, прекрасный мой другъ . . .

Пусть завтра меня ты покинешь;
Зато ты сегодня моя . . .
Сегодня въ объятіяхъ милой
Вдвойнѣ хочу счастливъ быть я.

4 февраля 1857.

II.

Отъ насъ выступаютъ гусары . . .
Я слышу ихъ музыки звукъ
И съ розовымъ, пышнымъ букетомъ
Къ тебѣ прихожу я, мой другъ.

Тутъ дикое было хозяйство,
Толпа и погромъ боевой . . .
И даже, мой другъ, въ твоёмъ сердцѣ
Большой былъ военный постой . . .

6 февраля 1857.

III.

Богъ вѣсть, гдѣ она сокрылась,
Сумасбродная моя!

Съ сердцемъ рыскалъ, въ дождь и слякоть
Всюду по городу я.

Всѣ трактиры я обѣгалъ
За бѣглянкою моей.

Но разспрашивалъ напрасно
Грубыхъ кельнеровъ о ней.

Вдругъ я вижу — мнѣ киваетъ
Съ звонкимъ смѣхомъ изъ окна.
Могъ ли знать я, что попала
Во дворецъ такой она!..

Февраль 1857.

IV.

У тебя есть алмазы и жемчугъ,
Все, что люди привыкли искать,
Да еще есть прелестные глазки...
Милый другъ! Чего больше желать?..

Я на эти прелестные глазки
Выслать цѣлую стройную рать
Звучныхъ пѣсень изъ жаркаго сердца...
Милый другъ! Чего больше желать?..

Эти чудные глазки на сердце
Наложили мнѣ страсти печать;
Ими, другъ мой, меня ты стубила...
Милый другъ! Чего больше желать?..

9 февраля 1857.

V.

Будто въ самомъ дѣлѣ ты такъ разсердилась?
Будто совершенно ты переѣвилась?

Цѣлому я свѣту жаловаться буду,
Что со мной ты, другъ мой, обоилась такъ худо...

Миленькія губки! Можно ль, чтобъ вы стали
Такъ неблагодарны, чтобъ о томъ сказали

Вы дурное слово, кто въ любви прекрасной
Васъ во дни обылые цаловаль такъ страстно.

9 февраля 1857.

VI.

Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?
Цвѣтъ моей жизни отравой
Ты облила мнѣ, мой другъ! . .

Пѣсни мои ядовиты:
Какъ же въ нихъ яду не быть?
Множество змѣй въ моемъ сердцѣ,
Да еще ты, милый другъ! . .

Январь 1857.

VII.

Живыя чувства расцвѣтають
И отцвѣтають въ свой чередъ;
И вновь цвѣтутъ . . . и вянутъ снова . . .
И такъ до гроба все идетъ . . .

Я это знаю . . . Мыслю этой
Смущень мой миръ, моя любовь,
И къ сердцу, умному некстати,
Тревожно приливаетъ кровь . . .

7 февраля 1857.

VIII.

О, перестань, мое сердце, крушиться;
Сердце мое, примирился съ судьбою!
Съ новой весной опять возвратится
Все, что зима унесла за собою.

И еще какъ тебѣ много осталось!
Сколько красоть у природы и свѣта!

10 февраля 1857.

Лишь бы что милымъ тебѣ показалось,
Можешь ты все полюбить безъ запрета.

IX.

Я горестный Атлантъ, я долженъ міръ носить,
Тотъ міръ —тяжелый міръ скорбей невыносимыхъ...
Подъ тяжестью его нѣтъ силъ миѣ больше жить,
Миѣ сердце рветъ въ груди отъ мукъ невыразимыхъ.

Ты, сердце гордое, само хотѣло ты
Иль въ счастья быть, но въ безпредѣльномъ счастьи,
Иль въ горѣ безпредѣльномъ, — вотъ мечты
Твои исполнились: дано тебѣ несчастье . . .

6 февраля 1857.

X.

ВОПРОСЪ.

Ночью, надъ берегомъ дикаго моря,
Юноша грустный стоитъ,
Полонъ сомнѣній, съ тоскою на сердцѣ,
Такъ онъ волнамъ говоритъ:

«О, разрѣшите миѣ жизни загадку,
Вѣчно тревожный и страшный вопросъ! . .
Столько головъ безпокойныхъ томить онъ,
Столько имъ муки принесъ!

«Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Въ пудрѣ — и головы всякаго рода
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ . . .

«Кто же рѣшитъ миѣ, что тайна отъ вѣка?
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ? Куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху, надъ звѣздами живетъ? . .»

Катятся волны съ ихъ шумомъ обычнымъ;
Вѣтеръ несетъ и тучи несетъ;

Звѣзды мерцають въ безстрастнѣ холодномъ . . .
Бѣдный безумецъ отвѣта все ждетъ . . .
8 февраля 1857.

XI.

Въ мракѣ жизненномъ когда-то
Чудный образъ мнѣ свѣтилъ;
Но потускъ тотъ свѣтлый образъ,
Мракъ совсѣмъ меня покрылъ.

Дѣти, ежели въ потемкахъ
Ужасъ чувствовать начнутъ,
Чтобъ боязнь свою разсѣять,
Пѣсню громкую поютъ.

Такъ и я, ребенокъ глупый,
Я пою теперь впотьмахъ.
Пѣснь моя звучитъ уныло,
Но разсѣянъ ей мой страхъ.

5 апрѣля 1857.

XII.

Подождите терпѣливо:
Еще все изъ сердца рвется
Старой боли стонъ и живо
Въ новыхъ пѣсняхъ отдается.

Подождите, въ жизни новой
Эхо боли расплывется, —
Изъ груди моей здоровой
Пѣснь веселая польется.

6 апрѣля 1857.

XIII.

Когда я вамъ ввѣрять души моей мученья,
Вы молча слушали, съ зѣвотой утомленья;
Но въ звучное я ихъ излилъ стихотворенье,
И вы разсыпались въ хвалахъ и восхищеньи.

17 февраля 1857.

XIV.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Милая дѣвушка! Губки пурпурныя,
Кроткіе, свѣтлые глазки лазурные . . .
Милый мой другъ, дорогая, желанная!
Все о тебѣ моя мысль постоянная . . .

Длиненъ такъ вечеръ нашъ въ зиму унылую.
Какъ бы хотѣлъ я съ тобою быть, милая!
Въ комнаткѣ тихой съ тобой, другъ плѣнитель-
ный,

Сидя забыться въ бесѣдѣ живительной, —
Крѣпко къ губамъ прижать эту нѣжную,
Милую ручку твою бѣлоснѣжную,
И на нее, эту ручку прекрасную,
Вылить въ слезахъ всю тоску мою страстную . . .

15 февраля 1857.

XV.

Пусть на землю снѣгъ валится.
Вихрь крутитъ и буря злится,
Пусть стучить ко мнѣ въ окно . . .
Нужды нѣтъ . . . мнѣ все равно:
Образъ милый надо мною
Вѣтъ тихою весною . . .

17 февраля 1857.

XVI.

Солнце уже поднялось за горами,
Въ стадѣ овечки звонками звучать . . .
Другъ мой, овечка моя, мое солнце и радость, —
Какъ я еще разъ взглянуть на тебя былъ бы радъ! . . .
Съ жаднымъ томленьемъ гляжу я въ окошко . . .
«Другъ мой! прощай! Я иду отъ тебя . . .»

Нѣтъ, все, какъ прежде, опущены шторы . . .
Спитъ еще все . . . и во снѣ еще грежусь ей я . . .

31 марта 1857.

XVII.

Другъ любезный! Ты влюбился . . .
Горе новое пришло . . . .

Въ головѣ твоей туманно,
А на сердцѣ такъ свѣтло . . .

Другъ любезный! ты влюбился,
Но не хочешь говорить . . .
Но я вижу — счастье сердца
Черезъ жилетъ твой ужъ сквозить . . .

2 апрѣля 1857.

XVIII.

Стоялъ я въ забытьѣ тяжеломъ,
Въ портретъ ея взоръ устремилъ,
И милый мнѣ образъ, казалось,
Таинственно жизнь получилъ.

Чудесно живая улыбка
Явилась у ней на губахъ,
И скорбныя, скорбныя слезы
Блестали въ двухъ чудныхъ глазахъ.

И самъ я заплакалъ, и слезы
Катилися вдоль моихъ щекъ . . .
Я все не могу еще вѣрить,
Чтобъ я потерять тебя могъ! . .

6 апрѣля 1857.

XIX.

Грустно вошелъ я въ густую аллею,
Гдѣ мы съ любезной обѣты шептали:
Гдѣ ея слезы въ то время упали,
Тамъ изъ земли теперь выползли змѣи.

16 февраля 1857.

XXI.

Кастраты все бранили
 Меня за пѣснь мою,
 И жалобно твердили,
 Что грубо я пою.

И нѣжно всѣ запѣли:
 Ихъ дисканты неслись . . .
 И, какъ кристаллы, трели
 Такъ тонко въ нихъ лились . . .

И пѣли о стремленьи
 И сладости — любить . . .
 И дамы въ умиленьи
 Всѣ плакали навзрыдъ.

7 апрѣля 1856.

12.

Дорогой.

Ночью по снѣжнымъ сугробамъ иду я:
 Холодъ все тѣло мнѣ жметъ и куетъ,
 Вѣтеръ, мнѣ въ уши неистово дуя,
 Снѣжною пылью лицо мнѣ сѣчетъ.

На неразумную силу природы
 Силюсь возстать я всею силою души:
 Силюсь представить подъ ревъ непогоды,
 Свѣтъ, и тепло, и бесѣду въ тиши.

Но застываетъ мечта и сознанье;
 Движусь безъ мысли, какъ въ сонномъ бреду,
 Смутно лишь чуя тупое желанье —
 Сладко заснуть, какъ до мѣста дойду.

20 марта 1857.

13.

Въ церкви.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
 Память минувшаго будить во мнѣ,

Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.

Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячей молитвы въ устахъ;
Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ . . .

Съ воспоминаньями въ самозабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю . . .
Только ужъ губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю . . .

Апрѣль 1857.

14.

Очарованіе.

Съ душою мирной и спокойной
Гляжу на ясный Божій міръ
И нахожу порядокъ стройный,
Добра и правды свѣтлый пиръ.

Нигдѣ мой взглядъ не примѣчаетъ
Пороковъ, злобы, нищеты,
Весь міръ въ глазахъ моихъ сіяетъ
Въ вѣнцѣ добра и красоты.

Всѣ люди кажутся мнѣ братья,
Съ прекрасной любящей душой . . .
И я готовъ раскрыть объятъя
Всему, что вижу предъ собой . . .

Мнѣ говорятъ, я вижу плохо,
Очки совѣтуютъ носить.
Но я молю, напротивъ, Бога,
Чтобъ далъ весь вѣкъ мнѣ такъ прожить.

5 апрѣля 1857.

15.

Сила слова.

Моралистъ краснорѣчивый
 Намъ о нищихъ говорилъ,
 Рѣчью умной и правдивой
 Помогать имъ насъ училъ:

Говорилъ о цѣли жизни,
 О достоинствѣ людей,
 Грозно сыпалъ укоризны
 Противъ роскоши дѣтей...

Рѣчь его лилась такъ складно,
 Былъ онъ такъ краснорѣчивъ,
 Что ему внимали жадно
 Всѣ, дыханье затаивъ, —

И, чтобъ не развлечь вниманья,
 Отогнали двухъ старухъ,
 Что на бѣдность подаянья
 Подъ окномъ просили вслухъ...

10 апрѣля 1857.

16.

Многіе, другъ мой, любили тебя,
 Многимъ и ты отдавалась...
 Но отдавалась ты имъ не любя...
 Это была только шалость,

Или вѣлѣнье голодной нужды,
 Или отчаянья взрывы...
 Но красоты твоей чистой слѣды
 Въ самомъ паденіи живы...

Свѣжи и пламенны чувства твои,
 Сердце невинно и чисто, —

И въ первый разъ еще блескомъ любви
Свѣтитъ взоръ твой огнистый.

Другъ, мой! Съ довѣрьемъ склонись мнѣ на
грудь

Можемъ съ тобой съ этихъ поръ мы
Въ правдѣ сердечной любви отдохнуть
Отъ добродѣтельной формы.

14 апрѣля 1857.

17.

Напрасно ты отъ вѣтренницы милой
Отвѣта ждешь на гордое письмо:
Она знакома съ собственной силой,
Безсилъе же твое сказалось ей само . . .

Повѣрь, твои отчаянныя строки
Она съ улыбкою небрежною прочтетъ,
И жалобы твои, угрозы и упреки —
Спокойно все она перенесетъ.

Она увидитъ въ нихъ порывъ любви несчастной,
Порывъ отчаянья и ревности твоей.
И будетъ ждать, когда съ мольбою страстной,
За примиреньемъ самъ ты явишься предъ ней.

И ты придешь съ тоской своей влюбленной,
Къ ногамъ прекрасной робко ты падешь,
И ласковой ея улыбкой оживленный,
Забывши все, къ груди ея прильнешь . . .

27 мая 1857.

18.

Не диво доброе влеченье
Въ душѣ невинной, молодой,
Не испытавшей обольщенья
Любви и радости земной.

Но кто соблазнамъ жизни трудной
Нуждою рано преданъ былъ,
Кто битву жизни безразсудной
Паденьемъ тяжкимъ заключить,

Кто въ искушеніяхъ разврата
Провелъ дни лучшіе свои,
Тому трудна стезя возврата
На голосъ правды и любви . . .

Но ты, мой другъ, мой ангелъ милый,
На мой призывъ отозвалась;
Любви таинственной силой
Ты освятилась и спаслась.

И не забуду я мгновенья,
Какъ ты, проклявъ свой прежній путь,
Полна и вѣры, и смущенья
Рыдая пала мнѣ на грудь.

2 іюня 1857.

19.

Сдѣлалъ глупость я невольно
Въ увлеченіи смѣшномъ,
Но душа моя довольна,
Только вспомнилъ я о томъ.

За минутную ошибку
Благодарною улыбкой,
Былъ я щедро награжденъ
Звукомъ ласковыхъ именъ,

Милой рѣчью, милымъ взоромъ,
Милой радостью твоей,
Сладострастнымъ разговоромъ
Въ упоеніи страстей,

Всѣ узнали, безъ изъятъя,
То, что такъ крушить тебя.

Пой, ямщикъ, моя кручина
И во мнѣ волнуетъ кровь:
Вѣдь и мнѣ мою лучину
Облила водой свекровь.

А то какъ было въ избушкѣ
Хорошо она зажглась . . .
Богъ проститъ моей старушкѣ:
Тьма по сердцу ей пришла.

Мчитесь, кони, ночью влажной,
Пой «Лучину», мой ямщикъ:
Этой жалобы протяжной
Такъ понятенъ мнѣ языкъ! . .

27 июля 1857.

22.

Памяти отца ¹.

Благословенъ тотъ часъ печальный,
Когда ошибокъ дѣтскихъ мгла
Вслѣдъ колесницы погребальной
Съ души озлобленной сошла!
Съ тѣхъ поръ я въ мертвомъ упоеньи
Отрады жалкой не искалъ,
И бесполезному роптанью
Себя на жертву не давалъ.
Не уловлялъ мечты туманной,
И предъ иконами святыхъ
Мольбой смиренно-покаянной
Не опозорилъ чувствъ моихъ

¹ Въ прежнихъ изданияхъ стихотвореніе это печаталось съ значительными сокращеніями. Здѣсь впервые оно помѣщается съ рукописи Добролюбова въ полномъ видѣ. *Вл. Кр.*

Но безъ надеждъ и утѣшеній
Я гордо снесъ мою печаль
И безъ загробныхъ обольщеній
Смотря на жизненную даль
На битву жизни вышелъ смѣло . . .
И жизнь свободно потекла . . .
И дѣлалъ я благое дѣло
Среди царюющаго зла . . .

23.

Солнце освѣтило горъ вершины;
И отъ нихъ легла густая тѣнь,
И не знаютъ мирныя долины,
Что вверху давно сіяетъ день.

Съ грудью каменной, въ коронѣ льдистой,
Въ величавой мантии изъ тучъ,
Отъ долины сумрачной и мгlistой
Горы заслоняютъ солнца лучъ.

На верху движеніе и работа,
А внизу всё въ сонъ погружены;
Только дня грядущаго забота
Шлетъ имъ всѣмъ мучительные сны.

Но на полдень солнце все стремится,
Совершая свой обычный ходъ;
Тѣнь отъ горъ короче становится,
И къ полудню вовсе пропадетъ.

Станетъ солнце прямо надъ долиной,
И внизу проглянетъ свѣтлый день,
До тѣхъ поръ, пока съ другой вершины
Не наляжетъ вновь густая тѣнь.

Сентябрь 1857.

24.

Напрасно.

Помню, нянюшка старушка,
Умывая разъ меня,
Такъ ворчала: «ну, на долго ль?
Вотъ опять пойдетъ возня

«На полу, въ сору, да въ хламъ;
Весь чумазый прибѣжишь . . .
Да пойдешь на солнце ѳвгать:
Цыганенкомъ загорншь».

Я молчалъ. Старушка стихла.
И потомъ уже любя, —
«Ну, ужъ пачкайся, — сказала: —
Грязь-то мою я съ тебя.

«Только шалостей не дѣлай:
Тѣхъ не смоешь ужъ ничѣмъ . . .
Ручку вывихнешь аль сломишь,
Ножку вывернешь совсѣмъ,

«Носъ расквасишь аль сломишь,
Разобьешься, — кровь поидеть.
А коль больно зашалишься, —
Богъ и рожки прикуетъ . . .

«А дурачиться не будешь —
Подростешь ты молодцомъ,
Всѣмъ возьмешь ты, мой красавчикъ,
И дородствомъ и лицомъ,

«Всѣмъ Господь тебя украситъ,
Всѣхъ съ ума собой сведешь,
И жену себѣ съ приданымъ
И красавицу возьмешь».

Я съ довѣрьемъ слушалъ няню,
Я старался не шалить,
Чтобы вырости красавцемъ,
Чтобы съ рожками не быть.

Но, хоть скромникъ и разумникъ,
Безобразень выросъ я,
И лишь стоитъ мнѣ жениться,
Рожки будутъ у меня...

Май 1858.

25.

Бѣдняку.

Горькой жалобой, рѣчью тоскливой
Ты минуту отрады мнѣ далъ:
Я въ отчизнѣ моей терпѣливой¹
Ужъ и жалобъ давно не слыхалъ.

Точно въ ночь средь кладбища глухого,
Я могильною тишью объять,
Только тѣни страдальцевъ, безъ слова,
Предо мной на могилахъ стоятъ...

Ропотъ твой безотрадно-унылый
Быль воскресная пѣснь для меня;
Точно, плача надъ свѣжей могилой,
Жизни вопль въ ней слышалъ вдругъ я.
20 іюня 1858.

26.

Посѣщеніе Новгорода.

Ровно въ три часа по утру
Пароходъ пришелъ,

---

¹ Эта строка во всѣхъ прежнихъ изданіяхъ читалась: „Я средь этой страны молчаливой“. *Вл. Кр.*

И я тотчасъ древній городъ
Посмотрѣть пошелъ.

Еще мирно спитъ весь городъ,
Но его покой
Вѣсть бурей жизни прошлой
Вольной, удалой.

На Буяновскомъ проспектѣ
Предо мной лежалъ
Человѣкъ съ подбитымъ глазомъ
И спокойно спалъ.

Тутъ же, близко, въ «заведены»
Выбито стекло,
Точно пренье вѣчевое
Въ эту ночь въ немъ шло.

Дальше домъ, вчера сгорѣвшій.
Два солдата рвутъ
Въ немъ задвижки, гвозди, петли:
Безкорыстный трудъ!

Вотъ двѣ дамы ѣдутъ шумно,
Что-то мнѣ кричатъ;
Но языкъ имъ плохо служить,
Мутенъ что-то взглядъ.

Ѣдетъ, видно проигравшись,
Мрачный господинъ,
И колотить въ спину ваньку
Съ крикомъ «сукинъ сынъ!»

Вотъ присутственное мѣсто, —
Я въ окно взглянулъ:
На столахъ — черниль озера,
Опрокинуть стулъ,

Шкапъ съ законами отворенъ,
 На полу — дѣла.
 Словно сходка вѣчевая
 Здѣсь вчера была . . .

Все гласить тебѣ о прошломъ,
 Вольной жизни край! —
 Даже мостъ твой съ надписаньемъ:
 «Строилъ Николай»!

26 іюня 1858.

27.

Тоской безстрастія томимый,
 Больной, усталый, всѣмъ чужой,
 Я лишь тебѣ, мой другъ любимый,
 Внушилъ любовь, тебѣ одной.

Твоя любовь была бѣ цѣленьемъ
 Душѣ болѣзненной моей,
 Ее я пилъ бы съ наслажденьемъ,
 Какъ пьютъ цѣлительный елей . . .

Но прочь съ любовію твоею!
 Вѣдь чувства этого сосудъ
 Тобой разбитъ; струи еля
 По полу грязному текутъ . . .

И предъ разлившимся бальзамомъ,
 Меня могущимъ исцѣлить,
 Стою я, съ ужасомъ упрямымъ . . .
 Ужель принасть къ нему и пить?

4 іюля 1858.

28.

Ты меня полюбила такъ нѣжно,
 Милый другъ мой, голубка моя;

Ты мечтала отъ жизни мятежной!
Отдохнуть на груди у меня.

Ты бѣжала отъ шума разврата,
Отъ нескромныхъ желаній друзей,
Чтобъ со мной безмятежно и свято
Наслаждаться любовью своей.

Но не знала меня ты въ то время,
Ты подумать тогда не могла,
Чтобы тотъ отягчалъ твоё бремя,
Въ комъ ты мигъ облегченья нашла;

Чтобы тотъ, кто тебя отъ паденья
Спасъ въ горячихъ объятыхъ своихъ,
Чтобъ тебя онъ привелъ къ преступленью,
Противъ чувствъ твоихъ самыхъ святыхъ.

Ты ошиблась, ошиблась жестоко . . .
Много слезъ ты со мной пролила,
Ты во мнѣ ту же бездну порока,
Отъ которой бѣжала, нашла.

Овладѣлъ я твоею душою
И въ любви безпредѣльной своей
Дорожить переставши собою,
Ты участницей стала моей . . .

Все, что женскому сердцу такъ свято,
Что такъ сладко волнуетъ его,
Все мнѣ въ жертву, мой другъ, принесла ты,
Не боясь, не стыдась ничего . . .

И преступной красою блистая,
Предо мною ты грустно стоишь,
И мнѣ сердце тоской надрывая,
«Ты доволенъ ли мной?» говоришь . . .

«Отчего жъ ты меня не цалуешь?
«Не голубишь, не нѣжишь меня?
«Что ты блѣденъ? О чемъ ты тоскуешь?
«Что ты хочешь? — Все сдѣлаю я . . .»

Нѣтъ, любовью твоей умоляю,
Нѣтъ, не дѣлай, мой другъ, ничего . . .
Я и то ужъ давно проклиная
Часъ рожденья на свѣтъ моего . . .
31 іюля 1858.

29.

Ж е н а.

— Ты любилъ другую
Прежде, чѣмъ женился?
Разскажи жъ теперь мнѣ,
Какъ ты съ ней прожился.
Сколько было жалобъ,
Гнѣва и печали?
Какъ меня вы оба
Вмѣстѣ проклинали?

М у ж ъ.

— Нѣтъ, сказалъ я просто,
Что къ отцу я ѣду;
Въ глушь меня онъ тащить
Погостить къ сосѣду.
А она сказала
Съ думою унылой:
Коль зоветъ отецъ твой,
Поѣзжай, мой милый.
Только, добрый другъ мой,
Воротись скорѣе . . .
Страшно отчего-то
Эти мнѣ затѣи.

Ъдетъ въ глушь не даромъ
 Твой отецъ — я знаю . . .
 Вѣрно, у сосѣда
 Дочь есть молодая.
 Мудрено ль въ деревнѣ
 Ей тебѣ плѣниться!
 И отецъ заставитъ
 Тамъ тебя жениться . . .
 Но когда жениться
 На другой ты будешь,
 Ты моей послѣдней
 Просьбы не забудешь:
 Подѣлись со мною
 Чувствами твоими
 И твоей невѣсты
 Напиши мнѣ имя, —
 Чтобъ о ней могла я
 Каждый день молиться:
 Пусть она съ тобою
 Счастьемъ насладится.

Августъ 1858.

30.

Рефлексія.

О ней и о своей любви
 Я думалъ съ грустью и боязною.
 Горѣла страсть въ моей крови,
 А совѣсть мнѣ грозила казною.
 Не зная, чѣмъ мнѣ кончить съ *ней*,
 Я проклиналъ свое безумье,
 И плакалъ о любви своей,
 Полнъ малодушнаго раздумья.
 Вдругъ донеслися до меня
 Изъ-за перегородки тонкой,

И рѣчи, полныя огня,
И поцалуй, и хохоть звонкій.

Потомъ все стихло. Свѣтъ потухъ.
Лишь напряженное дыханье
Да шопотъ проникалъ въ мой слухъ,
Да заглушенное лобзанье . . .

Я зналъ ихъ. Какъ я съ ней, сошлись
Они случайно, но влеченью
Сердцеъ безпечно предались
Безъ думъ, безъ слезъ, безъ опасенья.

Счастливыцы! Въ свѣтлой ихъ любви
Нѣтъ ни сомнѣнья, ни боязни,
Ихъ страсть — и въ сердцеъ и въ крови,
И совѣсть не сулитъ имъ казни.
13 августа 1858.

31.

Пала ты, какъ травка полевая,
Подъ косою искуснаго косца;
И, ему себя всю отдавая,
Для него съ любовью умирая,
Ароматъ свой льешь ты безъ конца . . .

А ему — и небо помогаетъ
Наслаждаться гибелью твоей:
Тучь своихъ оно не посылаетъ,
И твое паденье орошаютъ
Только слезы изъ моихъ очей.
4 августа 1858.

32.

Нашъ Олимпъ.

Низко наше небо;
Надъ землею оно
Тяжело нависло,
Мутно и темно.

Негдѣ разыгратъся
Сладостнымъ мечтамъ,
Неоткуда взяться
Свѣтлымъ божествамъ.

Но въ лѣсахъ дремучихъ,
Въ омутахъ рѣчныхъ,
Подъ землей въ болотахъ,
Много духовъ злыхъ.

Ихъ нечистой силой
Связанъ нашъ народъ;
Имъ онъ, полный страха,
Почестъ воздаетъ.

Если жъ и подниметь
Взглядъ свой къ небесамъ,
Все столбы да змѣи
Грозно ходять тамъ.

16 августа 1858.

Изъ второй тетради.

1.

Не въ блескѣ и теплѣ природы обновленной,
Не при ласкающемъ дыханіи весны,
Не въ бальномъ торжествѣ, не въ залѣ оживленной
Узналъ я первые сердечной жизни сны.

Въ каморкѣ плачущей, среди зимы печальной
Нашъ первый поцалуй другъ другу дали мы,
Въ лицо намъ грязный свѣтъ бросалъ огарокъ
сальный,
Дрожали мы вдвойнѣ — отъ страсти и зимы . . .
И завтрашній обѣдъ, и скудный и невѣрный
Невольно холодилъ нашъ пылъ неліцемерный.

Кто знаетъ, отчего ты отдалася мнѣ?
Но зналъ я, отчего другимъ ты отдавалась . . .
Что нужды? Я любилъ. Въ сердечной глубинѣ
Ни одного тебѣ упрека не сыскалось.

2.

Бурнаго моря сердитыя волны,
Что такъ влечетъ меня къ вамъ?
Я вѣдь не брошусь, отвагою полный,
Встрѣчу сердитымъ волнамъ?

Грудью могучей, сильной рукою
Не разсѣку я волны,
Не поплыву я искать подъ грозою
Обѣтованной страны . . .
Край мой желанный, любимый мной свято,
Тамъ, гдѣ волна улеглась,
Тамъ, далеко, гдѣ спускаясь куда-то
Море уходитъ изъ глазъ,
Мнѣ не доплыть до страны той счастливой
Сквозь этихъ яростныхъ волнъ . . .
Что же стою я, пловецъ боязливый,
Жаднымъ волненіемъ полнъ?
Такъ бы и кинулся въ ярое море,
Въ бой бы съ валами вступилъ . . .
Кажется, въ этомъ бы самомъ просторѣ
Взялъ и отваги и силъ.

3.

Не обмануть я страстной мечтою,
Мы не любимъ, конечно, другъ друга.
Но не даромъ мы дышимъ съ тобою
Раздражающимъ воздухомъ юга;
Но не даромъ надъ нами вулканъ,
Передъ взорами синее море
И въ умѣ память древнихъ римлянъ,
Наслаждавшихся здѣсь на просторѣ.
Въ тщетныхъ поискахъ чистой любви
Столько лѣтъ погубивши уныло,
Я доволенъ теперь, что въ крови
Ощутить хотѣ животную силу.
Для кого мнѣ ее сберегать?
Всю растрочу съ тобою, моя Нина,
Безъ надежды, чтобъ стала терзать
За погибшія силы кручина.

4.

Мы далеко. Неаполь цѣлый
Смился въ неясныя черты.
Одинъ Сентъ-Эльмо опустѣлый
Насъ провожаетъ съ высоты.

Безъ пушекъ, безъ солдатъ, свободный
Пугать онъ городъ пересталъ
И въ праздникъ вольности народной
Трехцвѣтнымъ пламенемъ сіялъ.

Но подъ веселыми огнями,
Какъ будто демоновъ полна,
Качая длинными тѣнями
Чернѣла грозная стѣна.

И въ этотъ мигъ, какъ полдень знойный
Стоитъ надъ городомъ живымъ,
Чернѣетъ замокъ безпокойный
Тиранства прежнимъ часовымъ

И говорить: «отсюда можно
Изъ штуцеровъ перестрѣлять
Всѣхъ, кто пойдетъ неосторожно
Свободы истинной искать».

5.

Нѣтъ, миѣ не миль и онъ, нашъ сѣверъ вели-
чавый . . .

Тоски души моей и онъ не исцѣлитъ . . .

Не вылѣчусь я тѣмъ, что было мнѣ отравой,

Покая не найду, гдѣ мой челнокъ разбитъ.

Скучая и томясь бездѣйствіемъ тяжелымъ,

Одинъ, для всѣхъ чужой, съ уныньемъ молодымъ,

Брожу я, какъ мертвецъ, на праздникъ веселомъ

У моря теплаго, подъ небомъ голубымъ.

Брожу и думаю о родинѣ далекой,
Стараясь милое припомнить что-нибудь . . .
Но нѣтъ . . . и тамъ все то жъ . . . все тотъ же
одинокій,
Безъ милой спутницы, безъ свѣтлой цѣли путь;
И тамъ я чуждъ всему, и тамъ ни съ чѣмъ не
связанъ,
Для сердца ничего родного нѣтъ и тамъ . . .
Лишь выучилъ я тамъ, что строго я обязанъ,
Для блага родины, страдать по пустякамъ —
Что ужъ таковъ у насъ удѣлъ разумной жизни . . .
Страдаю я и здѣсь, чего же мнѣ искать
Въ моей нерадостной, неласковой отчизнѣ?
Тамъ нѣтъ моей любви, давно въ могилѣ мать.
Никто тамъ обо мнѣ съ любовью не вздыхаетъ,
Никто не ждетъ меня съ надеждой и тоской,
Никто, какъ ворочусь, меня не приласкаетъ,
И не къ кому на грудь усталой головой
Склониться мнѣ въ слезахъ отраднаго свиданья.
Одинъ, какъ прежде, я тамъ буду прозябать . . .
Лишь свѣтомъ и тепломъ, и роскошью созданья
Не станетъ сѣверъ мой мнѣ нервы раздражать.

6.

Средь жалкихъ шалостей моихъ
То безтѣлесно идеальныхъ,
То исключительно плотскихъ
И даже часто слишкомъ сальныхъ,

Одну я встрѣтилъ, для кого
Былъ радъ отдать и духъ и тѣло . . .
За то она-то ничего
Взять отъ меня не захотѣла.

И до сихъ поръ ее одну
Еще въ душѣ моей ношу я,

Изъ лучшихъ странъ въ ея страну
Стремлюсь, надѣясь и тоскуя.

Зачѣмъ меня отвергла ты,
Одна, съ кѣмъ могъ я быть счастливымъ,
Одна, чьи милыя черты
Ношу я въ сердцѣ горделивомъ?

А впрочемъ, можетъ, — какъ рѣшить?
За то лишь суетной душою
И не могу тебя забыть,
Что былъ отвергнуть я тобою?

7.

Необозримой ровной степью
Поспѣшно я держу мой путь.
Зачѣмъ? Чтобъ вновь короткой цѣпью
Тамъ въ тѣсный кругъ себя замкнуть!

Кругъ заколдованный! За мною
Онъ всюду слѣдовалъ, какъ тѣнь:
Въ Парижъ, блестящій суетою,
И въ тишь швейцарскихъ деревень,

Въ уѣздный русскій городъ Ниццу,
По итальянскимъ берегамъ,
И въ мусульманскую столицу,
И по роднымъ моимъ полямъ;

На кораблѣ, средь океана,
Онъ отъ меня не отставалъ,
И въ высяхъ горняго тумана
Меня собою оцѣплялъ.

8.

Еще работы въ жизни много,
Работы честной и святой:

Еще тернистая дорога
 Не залегла передо мной.
 Еще пристрастьемъ ни единымъ
 Своей судьбы я не связалъ,
 И сердца полнымъ господиномъ
 Противъ соблазновъ устоялъ.
 Я вашъ, друзья, — хочу быть вашимъ,
 На трудъ и битву я готовъ, —
 Лишь бы начать въ союзъ нашемъ
 Живое дѣло вмѣсто словъ.
 Но если нѣтъ, — мое презрѣнье
 Меня далеко оттолкнетъ
 Отъ тѣхъ кружковъ, гдѣ словопренье
 Опять права свои возьметъ.
 И сгину ль я въ тоску безумной,
 Иль въ міръ съ пошлостью людской, —
 Все лучше, чѣмъ заняться шумной,
 Надменно-праздной болтовней.
 Но знаю я, — работа наша
 Ужъ пилигримовъ новыхъ ждетъ
 И не минетъ святая чаша
 Всѣхъ, кто ее не оттолкнетъ.

9.

О, подожди еще, желанная, святая!
 Помедли приходить въ нашъ боязливый кругъ!
 Теперь на твой призывъ отвѣтитъ лишь нѣмая,
 И лучшіе друзья не приподымутъ рукъ.

10.

Васъ страшитъ мой видъ унылый.
 Такъ и ждете: вотъ застонетъ,
 Рѣчью жалкой и постылой
 Всю веселость съ насъ прогонитъ.

И ко мнѣ, полны вниманья,
Съ свѣтлой лаской вы спѣшите,
Льстясь надеждой, что стenanья
Добротой предупредите.

Такъ мы нищему калѣкѣ
Быстро суемъ подаянье,
Чтобъ онъ выгнившія вѣки
Не рванулъ на показанье,

Чтобъ изломанныя ноги
Не вывертывалъ предъ нами,
И не застилъ намъ дороги
Острупленными руками.

Но не бойтесь: я не нищій, —
Спрячьте ваше подаянье:
Я гнушаюсь сладкой пищей,
Полной яда состраданья.

11.

Пускай умру — печали мало,
Одно страшить мой умъ больноі,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердыі глумомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ.

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я.

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,

Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

12.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ и душою . . .
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Новыя дополненія ¹.

Мое оправданіе.

1.

Кто не страдалъ и кто не ошибался,
Тотъ цѣну истины и счастья не узналъ.
Кто за мечтой безумной не гонялся,
Кто не слагалъ въ душѣ свой гордый идеалъ,
Тотъ холоденъ и къ истинѣ священной,
И на призывъ добра не отзовется онъ . . .
Безчувственно, какъ рабъ, въ душѣ растлѣнный,
Онъ будетъ исполнять предписанный законъ . .
При случаѣ жъ, житейскіе расчеты
Онъ предпочтетъ любви и долгу, и добру,
И никогда духовныя заботы
Въ ту душу не войдутъ сквозь грубую кору!
Но кто страданьемъ въ жизни былъ испытанъ,

---

¹ Стихотворенія Добролюбова, которыя составляютъ этотъ отдѣлъ „Новыхъ дополненій“, не входили въ составъ изданія Чернышевскаго. Мы включаемъ его въ наше изданіе для того, чтобы полнѣе освѣтить литературную физіономію Добролюбова, какъ поэта, и съ этою цѣлью взяли стихотворенія разнаго содержанія и структуры. Четыре первыхъ стихотворенія выбраны нами непосредственно изъ рукописей Добролюбова, при чемъ первое изъ нихъ — „Мое оправданіе“ — воспроизведенъ здѣсь также въ видѣ автографа. Слѣдующія два стихотворенія взяты изъ собранія „Русскихъ поговѣй“ Н. В. Гербеля — и, наконецъ, послѣднія два изъ „Словъ“ (1878 г., кн. 2) и „Русской Старины“ (1886 г., кн. 7). *Вл. Кр.*

Взявъ съ бою каждый шагъ на жизненномъ пути;
 Чей долгъ не выслушанъ и не прочитанъ,
 А выстраданъ, прожить, прочувствованъ въ груди:
 Кто тяжкою борьбой добылъ себѣ сознанье
 О чести истинной и истинномъ добрѣ;
 Чей одръ облить слезами покаянья,
 Кто выработалъ мысль въ нестройной чувствъ
 игрѣ:

Тотъ вѣренъ будетъ правымъ убѣжденьямъ,
 Съ любовью имъ всю жизнь, всѣ силы посвятить,
 И вѣры и добра священные внушенья
 Онъ въ плоть и кровь свою навѣки превратитъ! .

4 мая 1855.

2.

Цвѣла весна... Въ столицѣ душевной
 Я вспоминалъ про югъ родимый,
 И рисовалъ въ мечтѣ послушной
 Тотъ пышный край, тотъ край любимый...

Настало лѣто... Съ нетерпѣньемъ
 Я полетѣлъ туда съ чужбины
 И встрѣтилъ радостнымъ волненьемъ
 Тѣ благодатныя равнины.

Тамъ чище воздухъ, солнце ярче,
 Лазурь небесная свѣтлѣе...
 У дѣвъ — любви дыханье жарче,
 Страстный объятья, взоръ нѣжнѣе...

И между нихъ — красой чудесной,
 Блеснуло мнѣ одно созданье,
 Какъ ангелъ благодати небесной,
 Какъ чаръ безвѣстныхъ обаянье...

1856 г.

3.

Изъ слезъ моихъ родится много
 Цвѣтовъ душистыхъ и живыхъ;
 Пѣснь соловьиная возникнетъ
 Изъ вздоховъ жалобныхъ моихъ.

Дитя! Когда меня ты любишь,
 Тебѣ цвѣты я подарю.

И соловьи передъ окошкомъ
 Твоимъ засвищутъ пѣснь свою.

Февраль 1857 г.

4.

Не громъ войны, не бой кровавый,
 Не дикой храбрости порывъ,
 Не обольщенья бранной славы,
 Не маршей сумрачный мотивъ
 Хочу я пѣть . . . Какое дѣло
 Поэту мирному до нихъ?
 Животной славы, силы тѣла
 Не будетъ славить гордый стихъ.

Надѣвши пошлую личину
 Любви къ отечеству квасной,
 Злословья камнемъ я не кину
 Въ народы, мощною душой,
 Не прокляну ихъ за успѣхи,
 Не поглумлюся ихъ бѣдамъ
 И черни праздною для потѣхи
 Стихъсвъ свободныхъ не отдамъ . . .

Не буду я пѣть нашу славу,
 Побѣды наши величать;
 Не буду въ этотъ мигъ кровавый
 Царя обманомъ потѣшать.

Пусть воскуряетъ тутъ чиновный
 Земному богу еиміамъ —
 Мой подвигъ чистый и духовный:
 Русь за царя я не продамъ . . .

Не льстивый бардъ, не громкій лирикъ,
 Не оды сладенькихъ пѣвцовъ,
 А вдохновенный, злой сатирикъ,
 Потокъ правдивыхъ, горькихъ словъ
 Нужны Россіи. Пусть увидятъ
 Ее чужіе и свои,
 И пусть, оставивъ ненавидѣть,
 Жалѣютъ съ горечью любви.

1856 (?) г.

5.

О, грустно, грустно убѣждаться
 Въ безсильи нравственномъ своемъ,
 И тяжело въ немъ сознаваться
 Предъ строгимъ внутреннимъ судомъ;

Но тяжелѣй, грустнѣй, больнѣе,
 Когда ты видишь предъ собой
 Людей взывающихъ: «скорѣе!
 Скорѣй зажги свѣтильникъ твой!

— Ты показать намъ, что ты можешь!
 Иди — работай же! пора!
 Ты зло и гнусность потревожишь
 Во имя чести и добра!»

О, братья, честные порывы!
 Надежды нѣтъ вамъ на меня:
 За свѣтъ живительный сочли вы
 Лишь отраженіе огня.

Съ чужимъ свѣтильникомъ я рано
 Въ кружокъ вашъ сумрачный вступитъ,

Въ тьмѣ предразсвѣтнаго тумана
Огонь мой вамъ замѣтенъ былъ.

Но волны свѣта, возрастая,
Бѣгутъ ужъ въ небѣ голубомъ —
И меркнетъ, меркнетъ, замирая,
Огонь въ фонарикѣ моемъ.

Погасимъ, братья, наши свѣчи:
Имъ не горѣть средь бѣла дня!
И выйдемъ радостно навстрѣчу
Дневного, вѣчнаго огня!

6.

Силь молодецкихъ размахи широкіе,
Я никогда васъ не зналъ:
Съ первыхъ лѣтъ дѣтства усвоилъ уроки я
Смиренно-мудрыхъ началъ,
Только и зналъ, что корнѣль все надъ книжками,
Горбясь да портя глаза.
Если рухнетъ кто бывало мальчишкою —
Такъ и прохватитъ слеза.
Гордо смотрѣлъ я на шалости сверстниковъ,
Бѣгалъ ихъ игръ молодыхъ:
Все добивался быть въ роли наперсниковъ
У резонеровъ сѣдыхъ.
Старцы мой умъ и степенность прославили;
Въ школѣ все первымъ я былъ;
Дѣтямъ знакомыхъ въ примѣръ меня ставили —
Какъ я послушенъ и милъ.
Сами товарищи мѣстью обычною
Мнѣ не хотѣли платить:
Видно фигуру такую приличную
Было неловко дразнить.

7.

На пость въ память Бѣлинскаго.

6 июня 1858 г. ¹.

И мертвый — живъ онъ между нами
И — плачетъ горькими слезами.
О поколѣньи молодомъ,
Святуя вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и льдомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ . . .

Онъ грозно шелъ на грозный бой,
Съ самоотверженной душой.
Онъ подъ огнемъ враговъ опасныхъ
Для насъ дорогу пролагалъ
И въ Лету груды самовластныхъ
Авторитетовъ побросалъ.

Исполненъ прямоты и силы,
Безстрашно шелъ онъ до могилы
Стезею правды и добра.
Въ его нещадномъ отрицаньи
Виднѣлась новая пора,
Пора дѣйствительнаго знанья.

¹ Имяваемая здѣсь *часть* стихотворенія «На пость въ память Бѣлинскаго» впервые напечатана съ рукописи въ гл. М. А. Антоновичемъ въ его статьѣ: «Причины неутождествительнаго сегоднѣшняго литературнаго Слова» (1878, № 2). При этомъ, г. Антоновичъ, со словъ Некрасова, передаетъ, что сегоднѣшныя читатели Бѣлинскаго устранили въ память его обѣда. На одномъ изъ нихъ присутствовали и Добролюбовъ, но анимализмъ его было таковъ, что, возвратившись домой, онъ изложилъ свое поговѣніе въ стихотвореніи, которое и разошлось авошмнно по различнымъ ужасникамъ обѣда, въ томъ числѣ и Некрасову. Анонимъ раскрылся такъ, какъ Добролюбовъ и не думалъ за нимъ прятаться, и мнѣніе извѣстные литераторы сдѣлались, говоря, что «этотъ мальчишка самъ не понимаетъ Бѣлинскаго». Съ этого времени по словамъ Антоновича, и началъ съ охлажденіе между литераторами сороковыхъ годовъ и Добролюбовымъ. М. А. Антоновичъ предполагаетъ, что приведенное имъ стихотвореніе и есть то, которое было написано послѣ этого обѣда, такъ какъ 6 июня, къ тому же, день именинъ Бѣлинскаго. Вл. Кр.

И, умирая, думалъ онъ,
 Что путь его уже свершенъ,
 Что молодая поколѣнья
 По имъ открытому пути
 Пойдутъ, безъ страха и сомнѣнья,
 Чтобъ къ цѣли, наконецъ, дойти.

Но молодая поколѣнья, —
 Полны и страха, и сомнѣнья, —
 Тамъ, гдѣ онъ палъ, на мѣстѣ томъ,
 Въ смущенны рабскомъ суетятся
 И имъ проложеннымъ путемъ
 Умѣютъ только любоваться.

Не разъ я въ честь его бокалъ
 На пьяномъ пирѣ поднималъ
 И думалъ: «Только! только этимъ
 Мы можемъ помянуть его!
 Лишь пошлымъ гостомъ мы отвѣтимъ
 На мысли свѣтлыя его»...

8.

Шутливое посланіе къ С. П. Галахову¹.

Къ вамъ такъ долго
 Не писалъ я,
 Чувству долга
 Измѣнялъ я...
 Но, надѣясь
 На прощенье,
 Снова смѣю-сь
 Обращенье
 Къ вамъ составить,
 Вамъ теченье
 Дѣлъ представить
 Въ разсмотрѣнье.
 Какъ живу я —
 Поживаю,

Правду всю я
 Сообщаю.
 Я лѣчуся
 Въ Старой Русѣ
 Отъ болѣзни.
 Но, хоть тресни,
 Золотуха,
 Точно муха,
 Такъ пристала,
 Что ей мало
 Ваннъ соленыхъ,
 Кипяченыхъ;
 Нужны грязи...
 Въ этомъ разѣ

¹ Написано лѣтомъ 1858 г.

Я терзаюсь,
 Подвергаясь
 Пачкотнѣ сей
 Разныхъ смѣсей...
 Мнѣ не сладко,
 Даже — гадко
 Такъ мараться
 И купаться
 (Какъ позорно!!)
 Въ грязи черной.
 Но здоровье,
 По присловью,
 Такъ пригоже,
 Что дороже,
 Чѣмъ все въ мірѣ.
 Что намъ въ лирѣ,
 Что въ богатствѣ,
 Чистомъ братствѣ,
 Въ громкой славѣ
 И въ забавѣ,
 Что въ начальствѣ,
 Генеральствѣ,
 Сытныхъ яствахъ,
 Всѣхъ пріятствахъ: —
 Если боленъ —
 Недоволенъ
 Свѣтомъ цѣлымъ,
 И за дѣломъ
 Не сидится
 И не спится,
 Все хладѣетъ,
 Поблѣднѣютъ
 И ланиты,
 Аппетиту
 Не дождешься
 И все бьешься,
 Безъ умолку

И безъ толку!..
 Да, болѣзни
 Нелюбезны.
 Это зная,
 Вамъ желаю
 Первымъ словомъ —
 Быть здоровымъ:
 Въ чувствахъ тая,
 Посылаю
 Также вдаль я
 И Натальѣ
 Алексѣвнѣ¹
 Вседушевно
 То жъ желанье.
 Въ dokonчанье,
 Сердца въ жарѣ,
 И Варварѣ
 Алексѣвнѣ²
 Вседушевно
 То жъ желаю;
 Прилагаю
 И Алешѣ³
 Ту же ношу
 Благъ желанья.
 До свиданья.
 Стихъ мой дрянный,
 Очень странный,
 Вы простите,
 Извините.
 Я мараю,
 Не желая
 Затесаться
 Въ рядъ поэтовъ,
 Въ родъ Фетовъ,
 Иль талантовъ,
 Въ родъ франтовъ
 Соллогубовъ.

Добролюбовъ.

¹ Н. А. Галахова — жена С. П. Галахова.

² В. А. — сестра Н. А. Галаховой.

³ А. С. Галаховъ — ученикъ Добролюбовъ.

Библиографическій указатель литературы о Н. А. Добролюбовѣ за 1856—1911 годы.

Составилъ Д. П. Сильчевскій.

Биографическія книги о Н. А. Добролюбовѣ. Биографическія и критическія статьи о немъ, рецензіи, отзывы, замѣтки и упоминаніи (1856—1911).

- „Сынъ Отечества“ 1856, № 30. Отзывъ о статьѣ Д—ва „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“.
- А. Д. Галаховъ, „Были и небылицы“, соч. Екатерины II, „Отеч. Записки“ 1856 (т. 108), № 10, стр. 43—85. — Статья направлена противъ статьи Д—ва „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“.
- „Современникъ“ 1856 (т. 60), № 11, стр. 169 (въ статьѣ „Замѣтки о журналахъ“). — Отвѣтъ Д—ва на нападки А. Д. Галахова на статью Д—ва „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“.
- А. Д. Галаховъ, въ „Литературныхъ и журнальныхъ замѣткахъ“, „Отеч. Зап.“ 1856 (т. 109), № 12, стр. 132—139.
- „Современникъ“ 1858, т. 67, отд. II, стр. 178—180. Отзывъ о статьѣ Д—ва о Пушкинѣ въ „Русскомъ Иллюстр. Альманахѣ“.
- А. И. Герценъ, „Very dangerous!!!“, „Колоколъ“ 1859, № 44. — Перепечатано въ „Сочиненіяхъ А. И. Герцена“, редактированныхъ В. И. Яковенко и Д. П. Сильчевскимъ, изданіе Ф. Павленкова, Спб. 1905, т. VI, стр. 242—246. — Статья направлена на Д—ва и его „Сви-

стокъ“ (при „Современникъ“). Она вызвала поѣздку Чернышевскаго въ Лондонъ для личнаго объясненія съ Герценомъ.

Аполлонъ Григорьевъ, въ статьяхъ „Послѣ грозы Островскаго“, „Русскій Міръ“ 1860, №№ 5, 6, 9 и 11.

Θ. М. Достоевскій, „Г-нъ Д—бовъ [Добролюбовъ] и вопросъ объ искусствѣ“, „Время“ 1861, №№ 1 и 2. — Перепечатано въ „Полномъ собраніи сочиненій Θ. М. Достоевскаго“, изд. А. Ф. Маркса (премии къ „Нивѣ“), Спб. 1894. — Тоже въ „Полномъ собраніи сочиненій Θ. М. Достоевскаго“, изд. 6-е, Спб. 1906, томъ X, стр. 44—82. — Тоже, изд. 7-е, т-ва „Просвѣщеніе“, т. XIX.

„Отечествен. Записки“ 1861, № 4.

М. П. Драгомановъ, „по поводу замѣтки о Н. И. Пироговѣ“, въ № 4 „Отеч. Записокъ“ 1861, „Русск. Рѣчь“ 1861, № 54 (6 іюля), стр. 29—31. — О статьѣ Д—ва „Всеросс. иллюзіи, разрушаемыя розгами“.

А. Сухаревъ, „Нѣчто о лавочкахъ журнала „Современникъ““, „Русск. Рѣчь“ 1861, № 54 (6 іюля), стр. 31—32. — О статьѣ Д—ва „Всеросс. иллюзіи, разрушаемыя розгами“.

Е. Судовщиковъ, „Письмо въ редакцію“, „Отеч. Записки“ 1861, № 6 (по поводу статьи Д—ва о Пироговѣ).

„Н. А. Добролюбовъ“ (некрологъ), „Спб. Вѣд.“ 1861, № 263.

„Н. А. Добролюбовъ“, „Сѣв. Пчела“ 1861, №№ 262 и 264.

„Н. А. Добролюбовъ“ (некрологъ), „Русск. Инвалидъ“ 1861, № 257.

А. Гіероглифовъ, „Похороны Н. А. Добролюбова“, „Русскій Міръ“ 1861, № 91.

„Н. А. Добролюбовъ“, „Московск. Вѣдомости“ 1861, №№ 259 и 260.

Д. В. Аверкіевъ, „Памяти Н. А. Добролюбова“, „Русск. Инвал.“ 1861, № 267.

Н. Г. Чернышевскій, „Н. А. Добролюбовъ“, „Современникъ“ 1861 (т. 90), № 11, приложеніе, стр. 1—8.

А. П. Пятковский, „Н. А. Добролюбовъ“, „Книжный Вѣстникъ“ 1861, № 22, стр. 372.

„Н. А. Добролюбовъ“ (некрологъ), „Время“ 1861, № 12 (отдѣлъ IV, стр. 31).

И. И. Панаевъ, „По поводу похоронъ Добролюбова“, „Современникъ“ 1861, № 12 (т. 90), стр. 69—78, отд. II.

„Новыя литературныя потери“, „Свѣточъ“ 1861, № 12, отд. IV, стр. 48.

Н. А. Добролюбовъ (некрологъ), „Библ. для Чтенія“ 1861, № 12.

П. П., „Н. А. Добролюбовъ“, „Московскія Вѣдомости“ 1862, № 2.

П—скій, „Н. А. Добролюбовъ“, „Иллюстрація“, т. IX, 1862, № 203.

Н. Г. Чернышевскій, „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, „Современ.“, т. 91, 1862, № 1, стр. 259—319.

„Посмертныя стихотворенія Н. А. Добролюбова“, „Современникъ“ 1862, № 1, стр. 323—348. Статья Н. А. Некрасова, въ которой приведено 46 стихотвореній Д—ва съ комментаріями и примѣчаніями Некрасова (его подпись: Н. Н.).

В. Ч—въ, отзывъ о статьѣ Н. Г. Чернышевскаго: „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, „Одесск. Вѣстн.“ 1862, № 31.

„Сынъ Отечества“ 1862, № 8 (біографическія свѣдѣнія о Добролюбовѣ и Панаевѣ).

Н. Г. Чернышевскій, „Въ изъясненіи признательности“ (по поводу статьи Е. Зарина въ „Библ. для Чтенія“ 1862, № 1) „Современ.“ 1862, № 2, стр. 389—394, отд. II).

„Время“ 1862, № 3, отд. II, стр. 30 и слѣд. (о сочиненіяхъ Добролюбова).

Ефимъ Заринъ, „Лестъ живому и поруганіе мертвого“, „Библ. для Чтенія“ 1862, № 3, стр. 138.

Н—овъ, „Современныя поминки по друзьямъ“, „Библ. для Чтенія“ 1862, № 3, стр. 153.

„Кто стоялъ въ послѣднее время во главѣ русской литера-

туры: Добролюбовъ или Панаевъ?", „Библ. для Чтенія“ 1862, № 3, стр. 176.

✓ Н. И. Свѣденцовъ, „Нигилизмъ въ нашей критикѣ“, „Свѣточъ“ 1862, № 5, отд. III, стр. 51--76.

А. П. Пятковскій, „На чужомъ пиру похмелье“, „Русск. Инвалидъ“ 1862, № 86.

Ефимъ Заринъ, „О Добролюбовѣ“, „Библ. для Чтенія“ 1862, № 7, отд. II, стр. 62 и слѣд.

II. А. Бибииковъ, „О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова“ Спб. 1862. — Рецензія этой книжки въ „Книжномъ Вѣстникѣ“ 1862, № 8, стр. 188.

Ф. Г. Толь, „Наша дѣтская литература“, Спб. 1862, стр. 149 и слѣд. — О книжкѣ Д—ва: „А. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія“.

✓ Игдєвъ, „Нѣкоторыя педагогическія и научныя тенденціи“, „Время“ 1863, № 2. — Говорится о Д—вѣ и его литературной дѣятельности.

„Библіотека для Чтенія“ 1862 (т. 170), № 3, отд. II, стр. 176 и слѣд. — О сочиненіяхъ Д—ва.

„Мѣсяцесловъ на 1862—63 г.“, изд. Императорск. Академіи Наукъ, приложение, стр. 37.

„Книжный Вѣстн.“ 1863, № 1, стр. 8 и слѣд. — О сочиненіяхъ Д—ва.

А. П. Пятковскій, „Рукописный журналъ Н. А. Добролюбова“, „Очерки“ 1863, № 60 (3 марта), фельетонъ. — Говорится о еженедѣльномъ (всего вышло 19 номеровъ) рукописномъ журналѣ „Слухи“, издававшемся Д—вымъ во время его пребыванія въ Главномъ Педагогич. институтѣ (съ 1 сент. 1855). Приводятся нѣкоторыя характерныя выдержки.

✓ В. А. Зайцевъ, „Бѣлинскій и Добролюбовъ“, „Русск. Слово“ 1864, № 1, отд. II, стр. 1.

Д. И. Писаревъ, „Мотивы русской драмы“, „Русск. Слово“ 1864, № 3 (утвержденіе, будто Д—овъ ошибочно понималъ характеръ Катерины въ „Грозѣ“ Островскаго). — Перепечатано въ „Сочиненіяхъ Д. И. Писарева“.

Incognito (Ефимъ Заринъ), „Предисловіе къ литературному обзорѣнію“, „Отеч. Зап.“ 1865, № 4 (2-я февральская книжка), стр. 713.

- И. И. Соловьевъ, „Вопросъ объ искусствѣ“, статьи 3-я, 4-я и 5-я „Отеч. Зап.“ 1865, №№ 13, 15 и 16 (1-я июльская, 1-я и 2-я августовская книжки, т. 161) стр. 58—86, 416—444 и 626—655. — Разборъ сочиненій Д—ва, его значеніе и его разборовъ Островскаго, Гончарова и Тургенева и проч. Перепечатано въ собраніи сочиненій Н. И. Соловьева, вышедшемъ подъ заглавіемъ „Искусство и Жизнь“, ч. I, Спб. 1869.
- К. Петровъ, „Систематическій указатель къ сочиненіямъ Бѣлинскаго съ прибавленіемъ соотвѣтств. указаній на сочиненія Добролюбова“ изд. 1-е, Спб. 1865, изд. 2-е, Спб. 1879.
- К. Петровъ, „Курсъ исторіи русск. литературы“, Спб. 1866; послѣднее изд., Спб. 1906.
- М. А. Антоновичъ, въ статьѣ „Новые матеріалы для біографіи Бѣлинскаго“, „Космосъ“ 1869, № 1.
„Н. А. Добролюбовъ“, „Ваза“ 1869, № 9.
- И. С. Тургеневъ, „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“, „Вѣстн. Европы“ 1869, № 4, стр. 705. — Перепечатано во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Тургенева начиная съ 1869.
- М. Д. Хмыровъ, „Н. А. Добролюбовъ“, въ книгѣ „Портретная галлерей русскихъ дѣятелей“, изданная Мюнстеромъ, т. II, Спб. 1869.
- Н. И. Соловьевъ, „Искусство и жизнь“ (собр. критич. статей), ч. 1, Спб. 1869.
- Н. В. Шелгуновъ, „Глухая пора“, „Дѣло“ 1870, № 4, отд. II, стр. 1 и слѣд.
„Недѣля“ 1871, № 20. — Рецензія 2-го изд. „Сочиненій Д—ва“.
„Спб. Вѣдом.“ 1871, № 290. — Рецензія 2-го изд. „Сочиненій Д—ва“.
- „Н. А. Добролюбовъ“, „Сіяніе“ 1872, № 1, стр. 4.
- Н. Н. Страховъ, „Гражданинъ“ 1872, №№ 1 и 2. Разборъ „Сочиненій“ Д—ва.
„Н. А. Добролюбовъ“, „Воскресный Досугъ“ 1872, № 9, стр. 141.
- А. М. Скабичевскій, „Очерки умственнаго развитія нашего общества 1825—1860“, „Отеч. Зап.“ 1872 (т. 202), № 5, стр. 57—88 (гл. XVII), и № 6, стр. 395—428

(гл. XVIII). — Перепечатано въ „Сочиненіяхъ А. М. Скабичевскаго“ изд. 3-е Ф. Павленкова подъ заглавіемъ „Сорокалѣтіе русской критики“; въ изданіи „Соч. Скабич.“ 1895, т. I, стр. 451—494.

„Г-нъ Скабичевскій, поклоняющійся Добролюбову“, анонимная статья въ „Русск Мірѣ“ 1872, № 174, по поводу главъ 17 и 18 „Очерковъ умств. развитія русск. общества“, Скабичевскаго въ „Отеч. Зап.“ 1872.

„Русск. Мірѣ“ 1872, № 174 (о сочиненіяхъ Добролюбова. „На могилѣ Бѣлинскаго и Добролюбова“, „Сіяніе“ 1872, № 35.

Г. Н. Жулевъ, стихотвореніе, посвященное памяти Добролюбова въ его книгѣ: „Ба! знакомыя все лица“, Спб. 1872.

Н. В. Гербель, „Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ“, изд. 1-е, Спб. 1873. — Краткая біографія Д—ва и два неизданныя, не входящія до сихъ поръ въ изданія его „Сочиненій“ стихотворенія, имѣющія автобіографическое значеніе.

И. Н. Березинъ, Русскій энцикл. словарь, Спб. 1873

Ш. (Н. В. Шелгуновъ), „Два слова о Писаревѣ“, „Недѣля“ 1875, № 28.

Л—ій, „Литературныя замѣтки“, „Недѣля“ 1875, № 26.

„Бѣлинскій и послѣднее движеніе нашей критики“, „Недѣля“ 1875, № 40.

А. И. Незеленовъ, „Н. И. Новиковъ, издатель журналовъ“, Спб. 1875 (1876).

М. А. Антоновичъ, „Письмо изъ Петербурга“, „Тифлисск. Вѣстн.“ 1876, №№ 290 и 291.

Аполлонъ Григорьевъ, „Сочиненія“, т. I, Спб. 1876 (по приложенному указателю).

Г. Н. Геннади, „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ“, т. I и II, Берлинъ 1876—1880, стр. 312.

М. А. Антоновичъ, „Современное состояніе литературы“, „Слово“ 1878, № 1.

М. А. Антоновичъ, „Нѣсколько словъ о Н. А. Некрасовѣ“, „Слово“ 1878, № 2.

- М. А. Антоновичъ, „Причины неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы“, „Слово“ 1878, № 2, стр. 77.
- Нѣкто, „Журналисты и публика“, „Слово“ 1878, № 5, стр. 94.
- „Систематическій очеркъ русской народно-учебной литературы“, Спб. 1878, стр. 250 и слѣд. — Разборъ книги Д—ва: „А. В. Кольцовъ, его жизнь и сочиненія“.
- Е. А. Марковъ, „Критическія бесѣды“, „Комедіи Островскаго“, „Русск. Рѣчь“ 1880, № 5, 6, 7 и 8.
- А. Горшковъ (М. А. Протопоповъ), „Въ защиту мертвеца“, „Русск. Богатство“ 1880, № 11, отд. II, стр. I. — По поводу взгляда Е. А. Маркова на Д—ва въ статьяхъ „Русск. Рѣчи“ 1880, № 5—8.
- Л. М. Самсоновъ, „Пережитое. Мечты и рассказы русскаго актера 1860—1878“, изд. Суворина, Спб. 1880. — Знакомство съ Д—вымъ и воспоминанія о немъ.
- „Наши дѣятели. Галлерей замѣчательныхъ людей въ Россіи“, изд. А. Баумана, т. VIII, Спб. 1880, стр. 80.
- Н. К—ъ, „Неразрѣшенные вопросы“, „Дѣло“ 1881, № 1.
- „Историч. Вѣстникъ“, т. IV, 1881, № 3, стр. 703. — Объ оцѣнкѣ Д—вымъ сочиненій Ф. М. Достоевскаго.
- Н. Я. Аристовъ, „Жизнь А. П. Щапова“, „Историч. Вѣстн.“, т. X, 1882, № 11, стр. 299. — Ошибочно приписана Д—ву статья М. А. Антоновича о Щаповѣ (въ „Современникѣ“ 1859).
- „Историч. Вѣстн.“, т. VIII, 1883, № 7, стр. 76.
- Л. А. Чумиковъ, замѣтка о псевдонимахъ въ „Журналѣ для воспитанія“, „Историч. Вѣстн.“, т. XXII, 1885, № 11, стр. 486. — Указанъ псевдонимъ Добролюбова въ этомъ журналѣ.
- В. А. Гольцевъ, „О литературной дѣятельности Н. А. Добролюбова“, „Русск. Мысль“, 1885, № 12, отд. II, стр. 97—109. — Также „О художникахъ и критикахъ“, М. 1899.
- В. И. Модестовъ, „Н. А. Добролюбовъ“, „Новь“ 1886, № 6, стр. 231 и слѣд. — Говорится о сочиненіяхъ Д—ва и его значеніи.

- П. Голубевъ, „Памяти Н. А. Добролюбова“ „Волжскій, Вѣстн.“ 1886, № 19.
- „По чугуннымъ рельсамъ“. Это стихотвореніе Д—ва ошибочно было напечатано (въ „Русск. Старинѣ“, т. 52, 1886, № 11, стр. 473—474) какъ неизданное, но оно входитъ во всѣ изданія сочиненій Д—ва подъ заглавіемъ „Въ прусскомъ вагонѣ“.
- Вл. Р—ъ, „Памяти Н. А. Добролюбова“, „Русск. Вѣдом.“ 1886, № 316.
- П. Н. Полевой, „Изъ области сказаній о темномъ царствѣ“, „Историч. Вѣстн.“, т. XXIX, 1887, № 7, стр. 144—153. — Разбирая статьи Д—ва объ Островскомъ, Полевой относится къ этимъ статьямъ отрицательно и утверждаетъ, что Д—въ не уяснилъ настоящаго значенія Островскаго.
- В. В. Чуйко, „Очеркъ развитія русской критики“, „Наблюдатель“ 1887, № 9, стр. 162—168 (отд. I). — Отрицательное отношеніе къ Д—ву и его литературной дѣятельности.
- М. П. Розенгеймъ, „Русск. Старина“, т. 55, 1887, № 9, стр. 620—621. — О рѣзкомъ отзывѣ Д—ва о стихотвореніяхъ Розенгейма.
- „Русск. Старина“, т. 56, 1887, № 10, стр. 233, и № 11, стр. 518.
- П. Травинъ, „Н. А. Добролюбовъ“, Русск. Стар., т. 56, 1887, № 11, стр. 518. — Указаніе на то, что стихотвореніе Д—ва „По чугуннымъ рельсамъ“, напечатанное въ „Русск. Стар.“ какъ неизданное, вошло во всѣ изданія „Сочиненій Д—ва“ подъ заглавіемъ „Въ прусскомъ вагонѣ“.
- П. Н. Ефремовъ, „Памяти ~~Н.~~ И. Полежаева“, „Пантеонъ литературы“ 1888, т. I, стр. 12 и слѣд. — Взглядъ Бѣлинскаго и Д—ва на Полежаева и его поэзію.
- Андреевъ (Н. Г. Чернышевскій), „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, „Русск. Мысль“ 1889, № 1, отд. II, стр. 76—93 и № 2 отд. II, стр. 29—46.
- О. Ѳ. Миллеръ, „И. А. Гончаровъ“, „Русск. Старина“, т. 61, 1889, № 3, стр. 639. — Оцѣнка Д—вымъ Гончарова.
- Аристарховъ (А. И. Введенскій), отзывъ о „Матеріалахъ для біографіи Д—ва“ Н. Г. Чернышевскаго въ „Русск. Мысли“ 1889, „Русск. Вѣдом.“ 1889, № 72.

- О. Ѳ. Миллеръ, „М. Е. Салтыковъ“, „Русск. Старина“, т. 62, 1889, № 6, стр. 752. — Взглядъ Д—ва на Салтыкова-Щедрина.
- А. Я. Головачева-Панаева, „Воспоминанія“, „Истор. Вѣстн.“ т. XXXVII, 1889, № 7, стр. 34—39, 41—44 и 47—52; № 8, стр. 246—253, 255—270; № 9, стр. 478 и 483. — Перепечатано въ ея книгѣ „Русскіе писатели и артисты“, Спб. 1890.
- „Замѣтки“, „Недѣля“ 1889, № 34, стр. 1098—1999. — По поводу воспоминаній о Д—вѣ Головачевой-Панаевой въ „Историч. Вѣстн.“ 1889.
- Б. Б. Глинскій, „Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ“, „Истор. Вѣстникъ“, т. XXXVII, 1889, № 8, стр. 346—347 (говорится по поводу рѣзкаго отзыва Д—ва о книгѣ Миллера „О нравственной стихіи въ поэзи“).
- В. А. Гольцевъ, „О прекрасномъ въ искусствѣ“, „Русск. Мысль“ 1887, № 9, отд. II, стр. 65. — О взглядѣ Д—ва на задачи и цѣли искусства.
- А. Красновъ, „Піонеры нашей критики“, „Колосья“ 1889, № 9.
- В. Р. Зотовъ, въ статьѣ „Несторъ русской журналистики“, „Историч. Вѣстникъ“, т. XXXIII, 1889, № 11, стр. 369 (говорится о непосильной работѣ Д—ва).
- Д. А. Ровинскій, „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, т. I, Спб. 1889, стр. 602.
- Жозефина Слѣпцова, „В. А. Слѣпцовъ“, „Русск. Старина“, т. 65, 1890, № 1, стр. 240. — О томъ, что В. А. Слѣпцовъ передъ своею смертію часто говорилъ о Д—вѣ.
- Н. Г. Чернышевскій, „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, изд. К. Т. Солдатенкова, М. 1890, т. I (и единственный).
- А. В. Смирновъ, „Н. Г. Чернышевскій“, „Русск. Старина“, т. 66, 1890, № 5, стр. 452 и 465. — Передача Чернышевскимъ критическаго отдѣла „Современника“ Д—ву и упоминаніе о „Матеріалахъ для біографіи Н. А. Д—ва“, собранныхъ Чернышевскимъ.
- А. И. Введенскій, „Безвременно угасшій талантъ“, „Историч. Вѣстн.“, т. XLI, 1890, № 7, стр. 115—133. —

Статья написана по поводу „Матеріаловъ для біографіи Д—ва“, II, 1890.

„Недѣля“ 1890, № 30, стр. 959—961. — Рецензія собранныхъ Чернышевскимъ и изданныхъ Солдатенковымъ „Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова“.

В. В—въ (В. Е. Якушкинъ), „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, „Русск. Вѣдом.“ 1890, № 197, фельетонъ. — Подробное изложеніе изданной К. Т. Солдатенковымъ книги „Матеріалы“ (собранныхъ Н. Г. Чернышевскимъ).

„Наблюдатель“ 1890, № 10, отд. II, стр. 14—16. — Рецензія собранныхъ Н. Г. Чернышевскимъ и изданныхъ Солдатенковымъ „Матеріаловъ для біографіи Н. А. Добролюбова“.

А. В. Никитенко, „Дневникъ“, „Русск. Старина“, т. 68, 1890, № 11, стр. 414. — Прогулка вмѣстѣ съ Д—вымъ въ Лаутербрунненъ въ Швейцаріи (24 іюля 1860). — Перепечатано въ отдѣльномъ изданіи дневника Никитенко.

А. М. Скабичевскій, „Н. А. Добролюбовъ въ своей перепискѣ“, „Сѣверн. Вѣсти.“ 1890, № 11, стр. 163.

А. В. Никитенко, „Дневникъ“, „Русск. Старина“, т. 68, 1890, № 12, стр. 610. — Отрицательное отношеніе къ Чернышевскому и Д—ву (отзывъ въ дневникѣ отъ 8 декабря 1860). — Перепечатано въ отдѣльномъ изданіи дневника Никитенко.

А. Н. Пыпинъ, „Исторія русской этнографіи“, Спб. 1890—92, т. I (мимоходныя указанія) и II, стр. 363—369.

А. М. Скабичевскій, „Исторія новѣйшей русской литературы“ изд. 1-е, Спб. 1891; изд. 7-е, 1909.

Н. К. Михайловскій, въ статьѣ „Литература и жизнь“, „Русск. Мысль“ 1891, № 4, отд. II, стр. 197 и 204 (мимоходныя замѣтки). — Впослѣдствіи перепечатано въ I т. „Литерат. воспоминаній и современной смуты“.

А. В. Никитенко, „Дневникъ“, „Русск. Старина“, т. 71, 1891, № 7, стр. 88. — Упомянутое о томъ, что нигилисты считаютъ великими людьми только „однихъ Чернышевскаго и Добролюбова“. — Перепечатано въ отдѣльномъ изданіи дневника Никитенко.

- М. А. Протопоповъ, „Письма о литературѣ. Письмо первое“, „Русск. Мысль“ 1891, № 9, отд. II, стр. 127. — О скептицизмѣ Д—ва.
- М. А. Протопоповъ, „Гончаровъ“, „Русск. Мысль“ 1891, № 11, отд. II, стр. 109, 116—119 и 122 — Отношеніе Д—ва къ Гончарову
- „Памяти Н. А. Добролюбова“, „Казанск. Бирж. Листокъ“ 1891, № 260.
- М. И. Семевскій, „Н. М. Благовѣщенскій“, „Русск. Старина“, т. 73, 1892, № 2, стр. 521. — Мимоходное упоминаніе о Д—вѣ какъ о питомцѣ Главнаго Педагогическ. института.
- М. А. Протопоповъ, „Письма о литературѣ. Письмо второе“, „Русск. Мысль“ 1892, № 2, отд. II, стр. 217—218. — Полемика съ А. М. Скабичевскимъ по поводу взглядовъ Д—ва на Островскаго.
- Н. М. С—нъ, „Воспоминанія стараго казанскаго студента, 1856—1858“, „Русск. Старина“, т. 74, 1892, № 5, стр. 290. — Мимоходное упоминаніе о кружкѣ Ч. (Чернышевскаго) и Добролюбова.
- Н. К. Михайловскій, „Литература и жизнь“, „Русск. Мысль“ 1892, № 5, стр. 148, 157, 160—164. — Говорится о значеніи Д—ва и Писарева по поводу статьи Р. И. Сементковскаго: „60-е годы и современная беллетристика“.
- В. А. Гольцевъ, „Нравственныя идеи К. Д. Кавелина“, „Русск. Мысль“ 1892, № 6, отд. II, стр. 132—133. — Споръ Кавелина съ Д—вымъ объ отмѣнѣ крѣпостного права.
- С. А. Ан—скій (Раппопортъ), „Очерки народной литературы“, „Русск. Богатство“ 1892, № 9, стр. 181—183. — О взглядѣ Д—ва на народную литературу.
- Н. К. Михайловскій, „Литература и жизнь“, „Русск. Мысль“ 1892, № 11 (отд. II), стр. 184—187, 189, 191—192. — Говорится о внутреннемъ обзорѣ „Современника“ 1861, № 8, написанномъ Д—вымъ, но никогда не перепечатывавшемся въ изданіяхъ сочиненій Д—ва.
- Н. К. Михайловскій, „Литература и жизнь“, Спб. 1892 (о трудномъ положеніи русскаго читателя).
- Д. В. Григоровичъ, „Литературныя воспоминанія“, „Русск. Мысль“ 1893, № 2, стр. 77.

- В. М. Сикевичъ, „Былыя встрѣчи“, „Историч. Вѣстн.“ т. 51, 1893, № 3, стр. 759. — Неудачная попытка познакомиться съ Д—вымъ въ 1862.
- А. Волинскій (А. А. Флексеръ), „Литературныя замѣтки“, „Сѣверн. Вѣстн.“ 1893 (отд. II), № 3, стр. 123, 125, 132, и № 10, стр. 120 и 144—145. Впослѣдствіи перепечатано въ его книгѣ „Русскіе критики“.
- И. А. Протопоповъ, „Этика и эстетика“, „Русск. Мысль“ 1893, № 4, отд. II, стр. 130, 134 и 136.
„Русск. Мысль“ 1893, № 10, стр. 502, библиографія отдѣла. — О взглядѣ Гончарова на Бѣлинскаго и Д—ва.
- Н. Островская, „Воспоминанія о Добролюбовѣ“, „Волжскій Вѣстн.“ 1893, № 296.
- С. А. Венгеровъ, статья о Добролюбовѣ въ „Энцикл. словарь“ Брокгаузъ и Ефронъ.
- И. П—скій, „Н. А. Добролюбовъ, его жизнь и литературная дѣятельность“, „Нов. Слово“ 1894, № 1, стр. 139—175, и № 2, стр. 140—171 (2 статьи). — Едва ли не лучшая и обстоятельная изъ біографій Д—ва.
- Р. И. Сементковскій, „Философія и жизнь“, „Историч. Вѣстн.“, т. 55, 1894, № 2, стр. 461.
- А. А. Чумиковъ, „По поводу статьи: Н. А. Добролюбовъ“ (И. П—скаго въ № 1 „Нов. Слова“ 1894), письмо въ редакцію, „Нов. Слово“ 1894, № 2, стр. 428. — О сотрудничествѣ Д—ва въ „Журналѣ для воспитанія“ и объ освобожденіи его отъ обязательной учительской службы.
- А. Волинскій (А. Л. Флексеръ), „Н. А. Добролюбовъ“ 3 статьи, „Сѣверн. Вѣстн.“ (отд. II) 1894, № 1, стр. 151—184; № 2, стр. 130—165; и № 3, стр. 97—144. — Перепечатано въ его книгѣ „Русскіе критики“, Спб. 1896.
- А. Волинскій (А. Л. Флексеръ), „Г-нъ Михайловскій и его разсужденія о русской литературѣ“, „Сѣверн. Вѣстн.“ 1894, № 4 (отд. II), стр. 109—111, 113 и 117.
- В. А. Инсарскій, „Записки“. „Русск. Старина“, т. 81, 1894, № 6, стр. 47. — Отрицательное отношеніе къ Д—ву, какъ „весьма слабому христіанину“.
- М. К. Цебрикова, въ статьѣ „Романы и повѣсти Элизы

- Ожешковой“ „Русск. Мысль“ 1894, № 7, отд. II, стр. 88—89. — О характерѣ литературной дѣятельности Д—ва.
- Н. Шатровъ, „Д. И. Писаревъ“, „Русск. Мысль“ 1894, № 9, отд. II, стр. 120—121.
- М. А. Протопоповъ. „Два поэта“, „Русск. Мысль“ 1894, № 11, отд. II, стр. 179—180.
- А. М. Скабичевскій, „Н. А. Добролюбовъ“, Спб. 1894 (въ серіи „Біографич. бібліотеки: Жизнь замѣчательныхъ людей“, изданной Ф. Θ. Павленковымъ).
- А. Волинскій (А. Л. Флексеръ), „Расколъ въ радикальной журналистикѣ 60-хъ годовъ“, „Сѣверн. Вѣстн.“ 1895, № 1 (отд. I), стр. 311, 318, 319, 321, 322, 328, 333 (мимоходныя замѣтки). — Перепечатано въ его книгѣ „Русскіе критики“, Спб. 1896.
- С. Н. Южакъ, „Изъ современной хроники“, „Русск. Богатство“ 1895, № 2, отд. II, стр. 171—172. — О дѣятеляхъ 60-хъ годовъ вообще.
- В. М. Юзефовичъ, „Тридцать лѣтъ тому назадъ“, „Русск. Старина“, т. 84, 1895, № 11, стр. 100. — О полемикѣ М. П. Драгоманова съ Д—вымъ по поводу Н. И. Пирогова.
- Θ. Кудринскій, „Къ біографіи Н. А. Добролюбова“, „Русск. Вѣдом.“ 1895, № 283. — Офіціальныя докуменсты о пребываніи и успѣхахъ Д—ва въ нижегородской семинаріи, „Къ біографіи Н. А. Добролюбова“, „Историч. Вѣстн.“ т. 63, 1896, № 1, стр. 314—365 — Пересказъ замѣтки Θ. Кудринскаго въ „Русск. Вѣд.“ 1895, № 283.
- Д. И. Писаревъ, мимоходныя указанія и упоминанія о Д—вѣ, разсѣянныя по III, IV, V и VI томамъ „Сочиненій Д. И. Писарева“ въ изданіи Ф. Θ. Павленкова.
- А. М. Скабичевскій, біографическій очеркъ Д—ва при 5-мъ (О. Н. Поповой) изд. „Сочиненій Н. А. Д—ва“, Спб. 1896, т. I.
- В. С. Карцевъ, „Псевдонимы Н. А. Добролюбова“ и „Бібліографич. указатель¹ книгъ и статей“ о Д—вѣ при 5-мъ изд. „Сочиненій“ Д—ва 1896.

¹ Далекое не полный.

- „Екатеринбургская Газета“ 1896, № 10. — Рецензія 5-го изд. (О. Н. Поповой) „Сочиненій“ Д—ва.
- „Русск. Богатство“ 1896, № 2, отд. II, стр. 23—25. — Рецензія 1 т., 5-го изд. „Сочиненій“ Д—ва, а также и разборъ составленнаго А. М. Скабичевскимъ біографическаго очерка, приложеннаго къ т. 1.
- „Русск. Вѣдом.“ 1896, №№ 43 и 221. — Двѣ рецензіи 5-го изд. „Сочиненій“ Д—ва.
- А. Б. (А. И. Богдановичъ), „Критическія замѣтки“, „Міръ Божій“ 1896, № 3, отд. II, стр. 250—257.
- К. Медвѣдскій, въ статьѣ „Памяти В. Р. Зотова“, „Историч. Вѣстн.“, т. 63, 1896, № 3, стр. 993. — Объ осмѣяніи Д—вымъ протеста противъ В. Р. Зотова (въ 1858).
- А. М. Скабичевскій, „Литература въ жизни и жизнь въ литературѣ“, „Нов. Слово“ 1896, № 6 (мартъ), отд. II, стр. 99, 104, 106 и 114—116. — О взглядѣ А. Волынскаго (А. Л. Флексеръ) на дѣятельность Д—ва (въ книгѣ „Русскіе критики. Литературные очерки“, Спб. 1896).
- В. Ангарскій, „По поводу двухъ литературныхъ поминокъ“, „Образованіе“ 1896, № 4.
- „Саратовскій Листокъ“ 1896, № 119. — Рецензія 5-го изд. „Сочиненій“ Д—ва.
- „Новое Обозрѣніе“ 1896, № 4154. — Рецензія 5-го изд. „Сочиненій“ Д—ва.
- Ан. Ивановъ, „Орловскій Вѣстн.“ 1896, №№ 305, 309 и 311.
- „Спб. Вѣдом.“ 1896, № 333.
- „Памяти Н. А. Добролюбова“. „Кіевск. Слово“ 1896, № 2886.
- М. А. Протопоповъ, „Добролюбовъ“, „Русск. Мысль“ 1896, № 12, отд. II, стр. 224—241.
- П. Морозовъ, „Н. А. Добролюбовъ“, „Образ.“ 1896, XII, 54—63.
- А. Скабичевскій, „Участіе Н. А. Добролюбова въ педагогическомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ“, „Вѣстн. Восп.“ 1896, т. XII.
- А. Волынскій (А. Л. Флексеръ), „Русскіе критики“, Спб. 1896.
- П. Звѣздичъ, „Одесскій Вѣстн.“ 1897, № 4044.

- Тихоновъ, „Разныя разности“, „Міръ Божій“ 1897, № 11, отд. II, стр. 24 и слѣд.
- В. И. Ясевичъ-Бородаевская, „Юбилей народника-беллетриста“, „Историч. Вѣстн.“, т. LXXI, 1898, № 1, стр. 282. — Отношеніе Д—ва къ семьѣ Златовратскихъ.
- П. Ф. Гриневничъ (П. Ф. Якубовничъ), „Итоги двухъ юбилеевъ“, „Русское Богатство“ 1898, № 8, отд. II, стр. 94, 97 и 115. — Мимоходныя замѣтки о значеніи Д—ва.
- С. Свободинъ, „Могила русскихъ писателей“, „Новъ“ 1898, №№ 9 и 10.
„Новое Время“ 1898, № 8129.
- Ө. Кудринскій, „Н. А. Добролюбовъ (Матеріалы къ его біографіи)“, „Русск. Вѣд.“ 1898, № 221, фельетонъ. — Сообщаются рассказы разныхъ лицъ очевидцевъ о семинарской жизни Д—ва въ Н.-Новгородѣ.
- Ив. Ив. Ивановъ, „Исторія русск. критики“, „Міръ Божій“ 1898, № 10, стр. 103—106, и № 12, стр. 193—238. — Перепечатано въ его книгѣ „Исторія русской критики“, Спб. 1898.
- М. А. Антоновичъ, „Воспоминанія по поводу чествованія Бѣлинскаго“, „Русск. Мысль“ 1898, № 12, отд. II, стр. 10—12. — Отношеніе Д—ва къ памяти Бѣлинскаго и неизданное стихотвореніе Д—ва.
- И. И. Ивановъ, „Исторія русской критики“, Спб. 1898.
- К. Маринскій, „Нов. Міръ“ 1899, № 22. — О Д—вѣ и сочиненіяхъ.
- Л. С., „Въ защиту личности. Педагогическія идеи Н. А. Добролюбова“, Спб. 1899.
„Русск. Вѣдом.“ 1899, № 94. — Рецензія книги Л. С. „Въ защиту личности. Педагогич. идеи Н. А. Д—ва“.
- А. Басаргинъ, въ статьѣ „Безсильныя попытки развѣнчать Пушкина“, „Московск. Вѣд.“ 1899, № 159.
„Русск. Старина“, т. 98, 1899, № 6, стр. 675.
- А. Колонтай, „Основы воспитанія по взглядамъ Добролюбова“, „Образовъ“ 1898, №№ 9, 10 и 11.
- Александръ Овсянниковъ, „Изъ воспоминаній стараго педагога“, „Русск. Старина“, т. 99, 1899, № 7,

стр. 134. — Упомянутое о Д—вѣ какъ о питомцѣ Главнаго Педагогич. института.

Е. Еленинъ, въ его статьѣ „Юбилейная литература о Пушкинѣ“, „Историч. Вѣсти.“ т. LXXVII, 1899, № 8, стр. 601, (мимоходное замѣчаніе).

П. О. Морозовъ, статья его въ „Образованіи“ 1899, № 1, 2.

В. А. Гольцевъ, „О художникахъ и критикахъ“, М. 1899, стр. 79.

„Русск. Старина“, т. 101, 1900, № 1, стр. 9—19 и 200.

П. Батинъ, экскурсія въ „Малозслѣдованную и таинственную область“ (отношеніе Добролюбова къ послѣдующему народничеству), „Русск. Богатство“ 1899, № 9.

А. К. Бороздинъ, „Д. В. Григоровичъ“, „Историч. Вѣсти.“, т. LXXIX, 1900, № 2, стр. 699. — Несправедливое отношеніе Д—ва къ Григоровичу.

„Русск. Старина“, т. 102, 1900, № 4, стр. 177.

П. И. Вейнбергъ, „Безобразный поступокъ „Вѣка“, „Историч. Вѣсти.“, т. LXXX, 1900, № 5, стр. 478—479 и 486. — О стихотвореніяхъ Д—ва въ „Свисткѣ“, при чемъ приведено одно изъ нихъ.

А. Н. Сальниковъ, „Русск. поэты за сто, лѣтъ“, Спб. 1900. — Краткая біографія Д—ва и нѣсколько его стихотвореній.

„Русск. Старина“, т. 101, 1900, № 3, стр. 769—772.

М. М. Филипповъ, біографическій очеркъ Д—ва при 6-мъ изд. (П. П. Сойкина) „Сочиненій Н. А. Д—ва“, Спб. 1901; т. 1.

„Историч. Вѣсти.“, т. 84, 1901, № 4, стр. 185.

„Историч. Вѣсти.“, т. LXXXV, 1901, № 7, стр. 852.

В. А. Панаевъ, „Воспоминанія“, Русск. Старина“, т. 107, 1901, № 9, стр. 506. — Отношеніе Некрасова къ Чернышевскому и Добролюбову.

В. П. Виноградовъ, „Памяти Н. А. Добролюбова“, „Историч. Вѣсти.“, т. LXXXVI, 1901, № 11, стр. 607—616.

Н. М. Ко, „Изъ литературныхъ воспоминаній“, „Историч. Вѣсти.“ 1901, т. 86, № 12, стр. 1064—1065 и 1070. — Разсказъ о знакомствѣ съ Д—вымъ (въ 1861) и объ

- уничтожающемъ отзывѣ Д—ва о драмѣ П. Д. Бобрыкина „Ребенокъ“.
- „Галлерейя русскихъ писателей“, текстъ ретактировалъ, И. Игнатовъ, изд. С. Скирмунта, М. 1901, стр. 273—279.
- А. Р., „Былое. „Изъ воспоминаній о 50-хъ и 60-хъ годахъ“. „Русск. Старина“, т. 108, 1901, № 11, стр. 381—382. — О чтеніи Некрасовымъ на музыкально-литературномъ вечерѣ его стихотворенія „На смерть Добролюбова“ („Я покинулъ кладбище унылое“).
- Сѣверовъ (П. О. Морозовъ), статья о Н. А. Добролюбовѣ подъ заглавіемъ „Русская литература“, „Новости“ 1901, № 315.
- Д. П. Сильчевскій, „Къ біографіи Н. А. Добролюбова“, „Новости“ 1901, № 317. — Приведены новые факты, неизвѣстные до тѣхъ поръ (о неудачномъ романѣ Д—ва съ итальянской аристократкой въ 1861 и др.).
- Л. Ф. Пантелѣевъ, „По поводу замѣтки г. Сильчевскаго о Добролюбовѣ“, „Русск. Вѣдом.“ 1901, № 325. — Возраженіе на статью Сильчевскаго и дополненіе къ ней.
- В. Мирскій (Е. Соловьевъ), „Наша литература“, „Журналъ для всѣхъ“ 1901, № 11.
- В. И. Шенрокъ, „Н. В. Гоголь“, „Русск. Старина“, т. 109, 1902, стр. 279. — Взглядъ Д—ва на Гончарова и вѣрность этого взгляда.
- А. В. Мезіеръ, „Русская словесность съ XI по XIX столѣтіе“, ч. II, Спб. 1902. — Далеко не полная бібліографія литературы о Д—вѣ.
- В. Шулятиковъ, страница прошлаго „Подъ знаменіемъ науки“, Юбилейн. сборн. въ честь Н. И. Стороженка, М. 1902.
- Н. Н. Стреховъ, „Критическія статьи“, т. II, К. 1902. Перепечатана статья изъ „Времени“ 1862, № 3.
- В. Богучарскій (В. Я. Яковлевъ) „Изъ прошлаго русск. общества“, Спб. 1902. — Говорится объ отношеніи Герцена къ литературной дѣятельности Д—ва и Чернышевскаго.
- В. Добролюбовъ, „Ложь гг. Энгельгардта и Розанова о Н. А. Добролюбовѣ“, Спб. 1902.

- П. Д. Паренсовъ, „Изъ прошлаго. Записки офицера генеральнаго штаба“, „Русск. Старина“, т. 113, 1900, №1, стр. 448. — О популярности, которою пользовался Добролюбовъ въ началѣ 60-хъ годовъ, при чемъ совершенно не вѣрно говорится, будто бы онъ читалъ публичныя лекціи въ залахъ пассажа и Спб. городской думы. Очевидно авторъ смѣшалъ Д—ва съ Чернышевскимъ, прочитавшимъ въ началѣ 1862 г. публичную лекцію о Д—вѣ.
- Н. А. Энгельгардтъ, „Двухсотлѣтіе печати“, „Историч. Вѣстн.“, т. 91, 1903, № 1 и 2, стр. 187 и 563. — Приводится мнѣніе Д—ва о сатирѣ XVIII в.
- Н. Гутьяръ, „И. С. Тургеневъ и Н. А. Некрасовъ“, „Русск. Старина“, т. 113, 1903, № 3, стр. 80—88. — Роль Д—ва и Чернышевскаго въ ссорѣ Некрасова съ Тургеневымъ. Авторъ во всемъ винитъ Некрасова и Чернышевскаго.
- ✓ А. М. Скабичевскій, біографія Н. А. Добролюбова въ „Большой Энциклопедіи“, изд. Мейера и „Просвѣщенія“, т. VIII (Спб. 1903), стр. 574—580.
- А. И. Незеленовъ, „Собраніе сочиненій“, т. III: „А. Н. Островскій“, Спб. 1903.
- ✓ Ник. Энгельгардтъ, „Исторія русской литературы XIX столѣтія“, Спб. 1903, т. II.
- Н. Гутьяръ, „И. С. Тургеневъ и В. П. Боткинъ“, „Русск. Старина“, т. 117, 1904, № 3, стр. 638. — О направленіи русской литературы послѣ смерти Д—ва.
- „Историч. Вѣстн.“ 1904 (т. 95), № 2, стр. 525—526 и № 3, стр. 873. — Воспоминанія В. В. Тимофѣевой (О. Починковской): „Годъ работы съ знаменитымъ писателемъ“. — Приводится презрительный отзывъ Ф. М. Достоевскаго о предсмертномъ стихотвореніи Д—ва „Милый другъ! Я умираю...“
- В. Г. Фонъ-Бооль, „Воспоминанія педагога“, „Русск. Старина“, т. 120, 1904, № 11, стр. 331. — Вражда писателя Д. Θ. Щеглова къ его товарищу по Главному Педагогическому институту Д—ву.
- В. П. Батуринскій, „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые“, т. I, Спб. 1904.
- „Историч. Вѣстн.“, т. 99, 1905, № 2, стр. 467. Статья Гавріила

Потанина (беллетриста): „Воспоминанія о Н. А. Некрасовѣ“, въ которой упоминается (очень кратко) о встрѣчѣ съ „кабинетнымъ затворникомъ“ Д—вымъ.

Н. В. Рейнгардъ, „Н. Г. Чернышевскій“, „Русск. Старина“, т. 121, 1905, № 2, стр. 452—454 и 473. — Смерть и похороны Д—ва. Изложено содержаніе рѣчей Некрасова, Чернышевскаго, М. А. Антоновича, Н. Л. Тиблена, Серно-Соловьевича и одного студента.

„Воспоминанія о князѣ Юріи Голицынѣ“, „Русск. Старина“, т. 122, 1905, № 5, стр. 444. — Мимоходная замѣтка о вліяніи сочиненій Д—ва на семинаристовъ.

Андреевичъ (Е. А. Соловьевъ), „Опытъ философіи русской литературы“, Спб. 1905.

А. Н. Потресовъ (Старовѣръ), „Этюды о русской интеллигенціи“, Спб. 1908.

М. И. Михайловъ, „Изъ дневника“ его, „Русск. Старина“, т. 127, 1906, № 8, стр. 450. — О смерти Д—ва и о стихотвореніи на его смерть, написанномъ М. Ил. Михайловымъ.

Д. П. Сильчевскій, „Н. А. Добролюбовъ“, „Пробужденіе“ 1906, № 16 (2-я августовская книжка), стр. 489—492. — Біографія и значеніе Д—ва, какъ политическаго дѣятеля освободительнаго движенія 60-хъ годовъ.

В. Н. Никитинъ, „Воспоминанія“, „Русск. Старина“, т. 127, 1906, № 9, стр. 660—661 и т. 128, 1906, № 10, стр. 108. — Знакомство съ Д—вымъ и бесѣда съ нимъ.

Вл. Сорокинъ, „Воспоминанія стараго студента (1858 — 1862)“, „Русск. Старина“, т. 128, 1906, № 11, стр. 447, 449, 462 и 465. — О популярности Д—ва среди петербургскаго студенчества, но на стр. 465 совершенно вымышленъ фактъ, будто Д—въ былъ арестованъ въ 1869г. (когда онъ умеръ еще въ 1861) и будто бы по этому случаю въ пользу его былъ устроенъ большой „литературно-музыкальный вечеръ“ съ участіемъ Рубинштейна, В. С. Курочкина, Чернышевскаго и проф. Павлова.

Н. Денисюкъ, „Критическая литература о произведеніяхъ А. А. Островскаго“, М. 1906, вып. I, стр. 264—389, и вып. II, стр. 52—110. — Перепечатка статей Д—ва: „Темное царство“ и „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“,

при чемъ авторъ предпосылаетъ этимъ статьямъ (вып. I, стр. 264—268, и вып. II, стр. 52—53) критическую оцѣнку, доказывая, что статьи Д—ва „до сихъ поръ являются лучшимъ изъ всего, что написано объ Островскомъ“.

Р. И. Сементковскій, „Сочиненія“, 2 т., Спб. 1906 (см. приложенный къ нимъ указатель авторовъ).

✓ Евгений Соловьевъ (Андреевичъ), „Очерки изъ исторіи русской литературы XIX в.“, 3-е изд. (И. П. Карбасникова), исправленное, Спб. 1907, стр. 230—238. — Характеръ и значеніе дѣятельности Д—ва.

Ивановъ-Разумникъ, „Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни“, 2-е изд., дополн., Спб. 1908, т. II, стр. 7, 36—52, 55—57, 67, 71—72, 95 и 97. — Оцѣнка дѣятельности Д—ва, какъ составляющей переходъ отъ 50-хъ къ 60-мъ годамъ, при чемъ авторъ утверждаетъ, что въ экономическихъ вопросахъ Д—въ не былъ самостоятеленъ, а является лишь ученикомъ Чернышевскаго.

✓ С. А. Венгеровъ, „Очерки по исторіи русск. литературы“, 2 изд. — оба 1907, Спб. — Дѣятельность Д—ва, ея характеръ, вліяніе и значеніе.

✓ В. И. Засуличъ, сборникъ статей, т. II, Спб. 1907, „Д. И. Писаревъ и Н. А. Добролюбовъ“.
„Добролюбовская прокламація 1886“, „Былое“ 1907, № 2, стр. 187—189.

М. А. Брагинскій, „Добролюбовская демонстрація“ 17 ноября 1886 въ Петербургѣ, „Былое“ 1907, № 3, стр. 306—309.

✓ А. А. Корниловъ, „Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1880)“, „Минувшіе годы“ 1908, № 2, стр. 84—85; № 4, стр. 116, 122—128, 131, 135, 144 и 145; № 5/6, стр. 188, 194, 201, 278; № 8, стр. 210, 211, 213, 214, 216 и 245; № 9, стр. 225, 266 и 275; № 10, стр. 199, 205, 207 и 208. — Перепечатано въ отдѣльномъ изданіи книги Корнилова подъ тѣмъ же заглавіемъ, М. 1908

„Историч. Вѣстн.“, т. 112, 1908, № 4, стр. 276—278. — Ругательный отзывъ нѣкаго Сергѣя Сушкова о разборѣ Д—вымъ романа графини Е. П. Растончиной „У пристани“.

- В. В. Глинскій, „Эпоха реформъ“, „Историч. Вѣстн.“, т. 112, 1908, № 4, стр. 276—278. — О вліянніи соціально-политическихъ идей Д—ва и Чернышевскаго на молодежь.
- А. М. Скабичевскій, „Русскіе писатели отъ Петра Великаго до нашихъ дней“, Спб. 1908.
- А. О. Конн, „Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя“, „Русск. Старина“, т. 137, 1909, № 2, стр. 234.— Насмѣшливое отношеніе Д—ва къ обличительнымъ статьямъ С. С. Громеки.
- (С. М—въ), „Герценъ и Чернышевскій“, „Русск. Вѣдом.“ 1909, № 244. — О взглядѣ Герцена на дѣятельность Чернышевскаго и Д—ва.
- Ю. М. Стекловъ, „Н. Г. Чернышевскій. Его жизнь и дѣятельность“, Спб. 1909.
- Г. В. Плехановъ, „Н. Г. Чернышевскій“, Спб. 1910 (издано въ 1909).
- „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ“, изд. т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К^о“, М. 1909, т. V, VI.
- „Русск. Богатство“ 1909, № 12, отд. II, стр. 102—103. — О взглядѣ на Д—ва и его значеніе Иванова-Разумника и Ч. Вѣтринскаго (В. Е. Чешихина).
- „Исторія русской литературы“, подъ редакціей Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, изд. т-ва „Міръ“, М. 1900, т. III, статья Д. Н. Овсянникова-Куликовскаго. „Н. А. Добролюбовъ“, статьи: Иванова-Разумника, „Общественныя и умственныя движенія 60-хъ годовъ и ихъ отраженія въ литературѣ“, Г. В. Плеханова о Герценѣ и Чернышевскомъ, Ч. Вѣтринскаго (В. Е. Чешихина) „Литературное и критическое движеніе 60-хъ годовъ“ и Вл. П. Краинхфельда, „Д. Н. Писаревъ“.
- П. М. Ковалевскій, „Встрѣчи на жизненномъ пути. Н. А. Некрасовъ“, Русск. Старина“, т. 141, 1910, № 1, стр. 29, 33, 35, 42. — Отношенія Некрасова къ Дв—у и Чернышевскому. Знакомство съ Д—вымъ, его наружность, характеръ и отношеніе къ Тургеневу.
- „Историч. Вѣстн.“ 1910, № 1, стр. 42—44.
- „Русск. Старина“ 1910, № 4, стр. 146—147.

- Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, „Собр. соч.“, т. VII и VIII: „Исторія русской интеллигенціи“, Спб. 1909—10.
- С. А. Венгеровъ, „Источники словаря русских писателей“, т. II, Спб. 1910, стр. 275—277. — Библиографія (не полная), доведенная до 1899 г.
- Н. П. Златовратскій, „Изъ воспоминаній о Д—вѣ“, Юбилейный сборникъ Литературнаго Фонда 1859—1909“, Спб. 1910, стр. 461—473. — Извлеченія и пересказы изъ бумагъ дяди автора А. П. Златовратскаго, бывшего товарища Д—ва по Главному Педагогическому институту. „Дневникъ Н. А. Добролюбова“, 1857, „Юбилейный сборникъ Литературн. Фонда 1857—1909“, Спб. 1910, стр. 277—340.
- Е. Анничковъ, „Огрывокъ изъ дневника Добролюбова“, „Соврем. Міръ“, 1911, № 8.
- В. л. Краинхфельдъ, „О критикѣ и критикахъ“, „Совр. Міръ“ 1911, № 8.
-

Алфавитный указатель статей къ „Собранію сочиненій Н. А. Добролюбова“.

- Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. I, 53.
- Безразсудныя слезы. Свистокъ № 2. VIII, 139.
- Благонамѣренность и дѣятельность (Повѣсти и рассказы А. Плещеева). V, 277.
- Буддизмъ, его догматы, исторія и литература. Соч. В. Васильева: „Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири“. Соч. Нила, архіепископа Ярославскаго. III, 186.
- Впечатлѣнія Украйны и Севастополя. IV, 35.
- Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами. VI, 322.
- Выдержки изъ путевыхъ эскизовъ. VIII, 259.
- Губернскіе очерки. Изъ записокъ отставнаго налворнаго совѣтника Щедрина. I, 182.
- Дружеская переписка Москвы съ Петербургомъ. VIII, 194.
- Жизнь Ваньки Каина, имъ самимъ рассказанная. Новое изданіе Григорія Книжника. IV, 25.
- Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура. VII, 315.
- Жизнь Магомета, соч. Вашингтона. II, 13.
- Забитые люди (сочиненія Ѳ. М. Достоевскаго, два тома. — Униженные и оскорбленные, романъ Ѳ. М. Достоевскаго). VI, 141.
- Изъ Турина. VII, 263.
- Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессора. III, 362.
- Кобзарь Тараса Шевченка. V, 195.
- Когда же придетъ настоящій день? („Наканунъ“, повѣсть И. С. Тургенева). V, 115.
- Краткая исторія „Свистка“ во дни его временнаго несуществованія. VIII, 139.
- Краткое объясненіе. „Свистокъ“ № 2. VIII, 117.
- Лирическія пьесы. VIII, 277.
- Литературныя мелочи прошлаго года. III, 237.
- Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ („Гроза“, драма А. Островскаго). VI, 15.
- Любопытный пассажъ въ исторіи русской словесности. VI, 227.
- Мишура, комедія А. Потѣхина. II, 380.
- Мои желанія. „Свистокъ“ № 7. VIII, 239.
- Мотивы современной русской поэзіи. „Свистокъ“ № 1. VIII, 88.
- Мотивы современной русской поэзіи. „Свистокъ“ № 2. VIII, 118.
- Народное дѣло. Распространеніе обществъ трезвости. VII, 11.
- Наука и свистопляска или какъ аукнется, такъ и откликнется. „Свистокъ“ № 4. VIII, 153.
- Нашъ демонъ. „Свистокъ“ № 2. VIII, 124.
- Неаполитанскія стихотворенія. VIII, 226.
- Непостижимая странность. VII, 149.
- Николай Владимировичъ Станкевичъ. (переписка его и біографія, написанная В. П. Анненковымъ). II, 116.
- Новое назначеніе „Свистка“. „Свистокъ“ № 6. VIII, 219.
- Новый кодексъ русской практической мудрости. Наука жизни или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ. Ефима Дыммана. IV, 112.
- Новыя стихотворенія В. Бенедиктова. I, 231.
- Нѣчто о дидактизмѣ въ повѣстяхъ и романахъ. I, 41.

- О значеніи авторитета въ воспитаніи. VI, 257.
- О нравственной жизни въ поэзиі, соч. Ореста Миллера на степень магистра русской словесности. III, 166.
- Опыты австрійскихъ стихотвореній. „Свистокъ“ № 3. VIII, 147.
- О русскомъ государственномъ цвѣтѣ. Составилъ А. Языковъ. III, 335.
- О русскомъ историческомъ романѣ. I, 25.
- Основные законы воспитанія. Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы Н. А. Миллеръ-Красовскій. IV, 138.
- О степени участія народности въ развитіи русской литературы. I, 253.
- Отчеты Главнаго Педагогическаго института. VIII, 23.
- Отъ дождя да въ воду. VI, 362.
- Отъ Москвы до Лейпцига, И. Бабста. V, 21.
- Очерки и рассказы И. П. Кокорева. IV, 15.
- Первые годы царствованія Петра Великаго, (Исторія царствованія Петра Великаго Н. Устрялова. Три тома). II, 152.
- Первыя стихотворенія Конрада Лиліеншвагера. Стихотворенія Михаила Розенгейма. VIII, 49.
- Перепѣвы. Стихотворенія обличительнаго поэта. V, 312.
- Письмо изъ провинціи. „Свистокъ“ № 1. VIII, 94.
- Письмо изъ провинціи. „Свистокъ“ № 2. VIII, 126.
- Повѣсти и рассказы С. Т. Славутинскаго. V, 89.
- Путешествіе на Амуръ, совершенное Р. Маакомъ. V, 53.
- Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ. А. Лакіера. III, 378.
- Пѣсни Беранже, переводъ В. Курочкина. III, 209.
- Рассказаніе Конрада Лиліеншвагера. „Свистокъ“ № 3. VIII, 145.
- Росписка г. Бѣженцова въ полученіи... „Свистокъ“ № 2. VIII, 127.
- Робертъ Оуэнъ и его попытки общественныхъ работъ. VII, 81.
- Руководство къ наглядному изученію административнаго порядка теченія бумагъ въ Россіи. IV, 45.
- Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ (*Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie, par Nicolas de Gerebtzoff*). III, 31.
- Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ. VI, 310.
- „Свистокъ“ ad se ipsum. „Свистокъ“ № 8. VIII, 243.
- „Свистокъ“, восхваляемый своими рыцарями. VIII, 244.
- „Свистокъ“. Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ. № 1. Вступленіе. VIII, 86.
- Сирія и Крымъ. VIII, 224.
- Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова. VI, 293.
- Сочиненія А. Бѣженцева въ прозѣ и стихахъ. III, 344.
- Сочиненія А. И. Подолинскаго. V, 210.
- Сочиненія В. Бѣлинскаго. IV, 32.
- Сочиненія графа В. А. Соллогуба I, 106.
- Сочиненія Пушкина. Седьмой дополнительный томъ. Изд. П. В. Анненкова. I, 77.
- Сочиненія С. Аксакова: 1. Деревенская жизнь псмѣщика въ старые годы. II, 36. II. Разныя сочиненія С. Аксакова. II, 96.
- Стихотворенія А. Н. Плещеева. V, 261.
- Стихотворенія А. Полежаева, съ портретомъ автора и статьею о его сочиненіяхъ, писанною В. Бѣлинскимъ. I, 143.
- Стихотворенія Ивана Никитина. V, 223.
- Стихотворенія Н. М. Языкова. II, 26.
- Стихотвореніе, присланное въ редакцію „Свистка“. VIII, 190.
- Стихотворенія Ю. Жадовской. II, 356.
- Стихотворенія Я. П. Полонскаго. Дополненія къ стихотвореніямъ, изданнымъ въ 1885 г. IV, 370.
- Темное царство. Сочиненія А. Островскаго. IV, 151.
- Уличные листки. III, 13.
- У пристани. Романъ въ письмахъ графини Евдокіи Растопчиной. I, 152.
- Черты для характеристики русскаго простонародья (Рассказы изъ народнаго русскаго быта Марка Вовчка). V, 327.
- Четыре времени года. „Свистокъ“ № 2. VIII, 119.
- Юное дарованіе, обьщающее поглотить всю современную поэзію Свистокъ № 5. VIII, 207.

Псевдонимы Н. А. Добролюбова.

Будиловъ (стихи на разные случаи институтской жизни).

Александровичъ, Н. А. (разказы въ „Современникъ“ 1857 и 1868).

Турчиновъ.

Лайбовъ.

—бовъ.

—бовъ, Н. А. (статьи въ „Современникъ“ и др.).

Волгинъ (стихи въ „Современникъ“).

Лиліеншвагеръ, Конрадъ.

Капелькинъ, Аполлонъ.

Свиристелевъ, Д.

Хамъ, Яковъ.

Де-Канардъ, Станиславъ

Шелухинъ, Конрадъ (стихи и замѣтки въ „Свисткѣ“).

Р. 1987
Акк. № 25/с
Вкладн. л. 3

Полное собраніе сочиненій

А. Н. Островскаго.

Подъ ред. М. И. Писарева.

12 томовъ по 1 руб. 60 коп., въ изящныхъ переплотахъ 25 р. 20 к.

Отдѣльные томы не продаются.

Допуск. разср. плат. по 1 р. въ мѣс.

Полное собраніе сочиненій

Н. Г. Помяловскаго.

10-ое изданіе.

Съ портретомъ, гравирован. проф. В. В. Матѣ, и біографіей автора, составл.

Н. А. Благовѣщенскимъ.

2 тома по 1 р. 50 к., въ изящныхъ коленкор. переплотахъ 4 руб.

Полное собраніе сочиненій

А. А. Потѣхина.

Съ портретомъ и факсимиле автора.

12 томовъ по 1 р., въ изящныхъ коленкор. переплотахъ 18 руб.

Отдѣльные томы не продаются.

Допуск. разср. плат. по 1 р. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

П. М. Невѣжина.

Съ портретомъ и факсимиле автора.

12 томовъ по 1 р. 50 к., въ изящ. коленкор. переплотахъ 24 руб.

Допуск. разср. плат. по 1 р. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

С. В. Максимова.

Со вступ. стат. П. В. Быкова.

20 томовъ по 1 руб., въ изящныхъ коленкор. переплотахъ 30 руб.

Допуск. разср. плат. по 1 р. въ мѣс.

Собраніе стихотвореній и писемъ

И. С. Никитина.

Редакція, вступительн. статьи и примѣч. А. Г. Фомина и Ю. И. Айхенвальда.

4 тома по 1 руб., въ изящныхъ коленкор. переплотахъ 6 руб.

Допуск. разср. плат. по 1 р. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

Н. А. Добролюбова.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. П. Кранихфельда.

8 томовъ по 1 руб., въ изящныхъ коленкор. переплотахъ 12 руб.

Допуск. разср. плат. по 1 р. въ мѣс.

Собраніе драматическихъ произведеній

Н. Я. Соловьева.

Съ портретомъ автора.

2 тома по 1 р. 25 к., въ изящныхъ коленкор. переплотахъ 3 р. 50 к.

Допуск. разср. плат. по 1 р. въ мѣс.

Каталогъ изданій Т-ва „Просвѣщеніе“ высылается, по требованію, бесплатно.

112/54-8
ЦѢНА 1 РУБЛЬ

Акціонное Общество
«Просвѣщеніе»

ЦѢНА 2 руб. —

Обращаемъ внима-
ніе подписчиковъ на
изготовленные нами

ИЗЯЩНЫЕ переплеты

для нашего изда-
нія классиковъ.

По желанію, подпис-
чики могутъ полу-
чать дальнѣйшіе томы
уже переплетенными,
чѣмъ ими будутъ
сбережены издерж-
ки, которыя должны
бы въ послѣдствіи по-
требоваться на вы-
писку и отдѣльную
пересылку крышекъ
и на вплетеніе въ
нихъ книгъ.

Цѣна переплетен-
наго тома на 50 коп.
дороже цѣны книги.
Цѣна крышки от-
дѣльно — 40 коп.

Товарищество
„Просвѣщеніе“

Bh, N 51-234/1

112/54-8